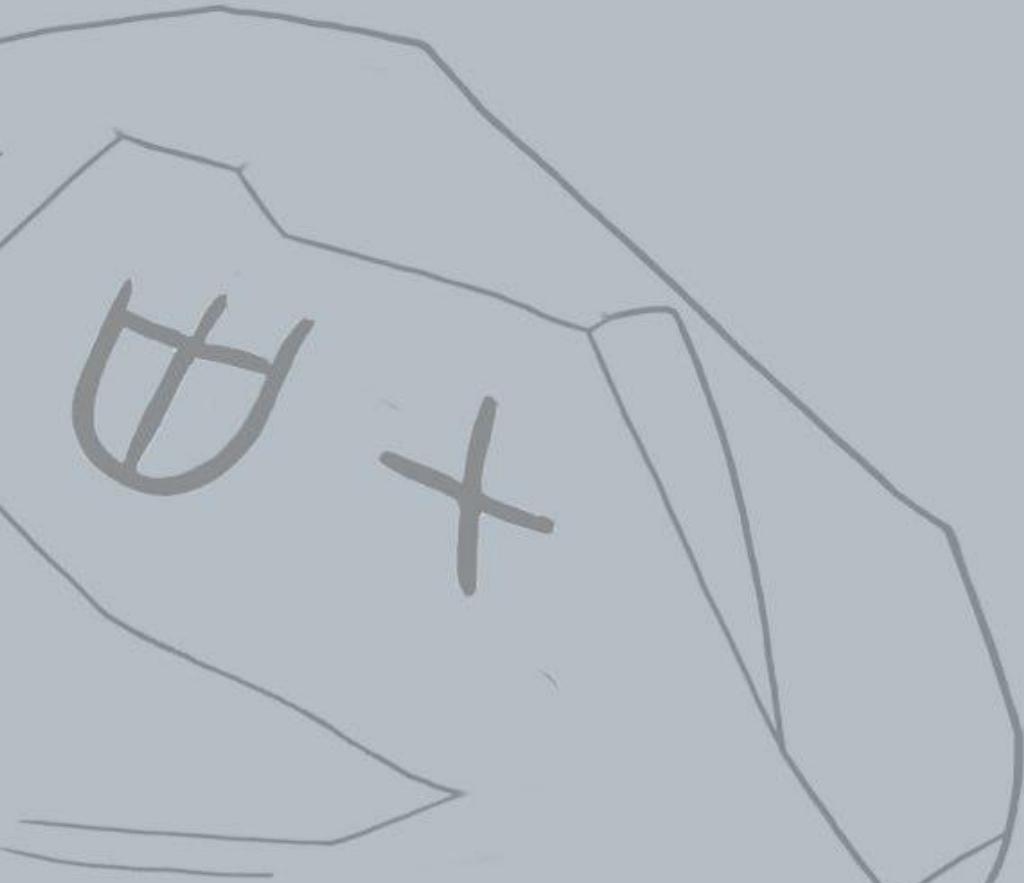

studia
NORDICA

2025
Nº1

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences

STUDIA NORDICA

2025

№ 1

УДК 94 + 009 (48 + 470.2)
ББК 63.3 + 80/84(41 + 231)

Международный научный электронный журнал

Главный редактор — И. И. Муллонен

Заместитель главного редактора — А. В. Толстиков

Ответственный секретарь — А. Ф. Кривоноженко

Редакционная коллегия :

Джаксон Т. Н., Институт всеобщей истории РАН, Москва

Илюха О. П., Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск

Люстров М. Ю., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва

Мызников С. А., Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Институт славяноведения РАН, Москва

Петрухин В. Я., Институт славяноведения РАН, Москва

Пиггин А. В., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск

Рупасов А. И., Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург

Селин А. А., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, Санкт-Петербург

Сойни Е. Г., Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск

Разработка и техническая поддержка — Карельский научный центр РАН

Адрес редакции журнала:

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11, ИЯЛИ КарНЦ РАН

E-mail: nordica@krc.karelia.ru

International academic journal

Editor-in-Chief — Irma I. Mullonen

Deputy Editor-in-Chief — Alexander V. Tolstikov

Editorial Secretary — Alexander F. Krivonozhenko

Editorial Board :

Olga Ilyukha, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk

Tatjana N. Jackson, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow

Mikhail Iu. Liustrov, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow

Sergei A. Myznikov, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Vladimir Ia. Petrukhin, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Alexander V. Pigin, Institute of Russian Literature (Pushkin House), St. Petersburg, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk

Alexander Rupasov, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Adrian A. Selin, National Research University Higher School of Economics — St. Petersburg, St. Petersburg

Elena G. Soini, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk

Technical support — Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Address of the editorial office:

11, Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia

E-mail: nordica@krc.karelia.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ	6
EDITORS' FOREWORD	8

СТАТЬИ

Щавелёв А. С. / Shscaveler Aleksei S.

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ «ВАРВАРСКОЙ» ЕВРОПЫ «ПЕРВОГО МИЛЛЕНИУМА» Н. Э.: А. Я. ГУРЕВИЧ И К. МОДЗЕЛЕВСКИЙ / CULTURAL HISTORICAL ANTHROPOLOGY OF THE “BARBARIAN” EUROPE IN THE “FIRST MILLENNIUM” AD: ARON IA. GUREVICH AND KAROL MODZELEWSKI	11
---	----

Руфасов А. И. / Rufasov Alexander I.

ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИЕЙ КОНТАКТОВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ СО ШВЕЦИЕЙ: 1945–1947 ГГ. / LIMITED OPPORTUNITIES FOR SOVIET DIPLOMACY IN USING CULTURAL CONTACTS TO DEVELOP RELATIONS WITH SWEDEN: 1945–1947	34
--	----

Кузьмин Д. В., Муллонен И. И. / Kuzmin Denis V., Mulonen Irma I.

ИНТЕГРАЦИЯ РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ИМЕНОСЛОВА В КАРЕЛЬСКОЕ БЫТОВАНИЕ / INTEGRATION OF THE RUSSIAN CHRISTIAN PERSONAL NAMES INTO KARELIAN USE	56
---	----

Крюков А. В. / Kriukov Alexei V.

ОБ ЭТНОНИМЕ <i>VEPSÄ</i> У ИЖОР / ON THE ETHNONYM <i>VEPSÄ</i> BY THE IZHORIANS	84
---	----

Маташина И. С. / Matashina Irina S.

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» В ПОВЕСТИ АЙЛИ НУРДГREN «ГОРИ, ОГОНЬ» / THE “SELF-OTHER” OPPOSITION IN THE NOVEL BURN, FIRE BY AILI NORDGREN	110
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Джаксон Т. Н. / Jackson Tatjana N.

«ВЗГЛЯД С ВОСТОКА» НА НОВЕЙШЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ «ВОСТОЧНЫХ ВИКИНГОВ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ СБОРНИКА СТАТЕЙ <i>THE MAKING OF THE EASTERN VIKINGS: RUS' AND VARANGIANS IN THE MIDDLE AGES</i> / “THE EAST” ON THE LATEST STUDY OF THE “EASTERN VIKINGS”: REFLECTIONS ON THE BOOK ENTITLED <i>THE MAKING OF THE EASTERN VIKINGS: RUS' AND VARANGIANS IN THE MIDDLE AGES</i>	122
---	-----

Литовских Е. В. / Litovskikh Elena V.

ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ МЕДИОЛОГИЯ / МЕДИАСФЕРА / OLD NORSE POETIC MEDIOLOGY / MEDIASPHERE.....	159
---	-----

Полянская Е. К., Шмелев А. С. / Polianskaia Elizaveta K., Shmelev Andrei S.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ / NEW APPROACHES TO THE STUDY OF CIVIL WARS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA	169
---	-----

<i>Яловицына С. Э. / Ialovitsyna Svetlana E.</i>	
РЕЦ. НА КН.: Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2025. 456 с. / REVIEW OF: Elena Dubrovskaia. Rossiiskie voennoslužhashchie v Finliandii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918) (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2025), 456 p.	185

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>От редакции / From the Editorial Board</i>	
К ЮБИЛЕЮ ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВИЧА ПЕТРУХИНА / JUBILEE OF VLADIMIR IA. PETRUKHIN	190

<i>Сойни Е. Г. / Soimi Elena G.</i>	
НОВЫЕ СТРАНИЦЫ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СКАНДИНАВИСТИКИ / NEW RUSSIAN STUDIES IN SCANDINAVIAN LITERATURE.....	192

<i>Новак И. П. / Novak Irina P.</i>	
ОТКРЫТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ ИЯЛИ КАРНЦ РАН / OPEN E-RESOURCES OF THE INSTITUTE OF LINGUISTICS, LITERATURE AND HISTORY OF THE KARELIAN RESEARCH CENTRE RAS.....	196

IN MEMORIAM

<i>Кан С. А. / Kan Sergei A.</i>	
АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ КАНУ (1925–2017) 100 ЛЕТ / ALEKSANDER SERGEEVICH KAN (1925–2017) IS ONE HUNDRED YEARS OLD.....	217

<i>Петрухин В. Я. / Petrukhin Vladimir Ia.</i>	
ПАМЯТИ ИГОРЯ ПАВЛОВИЧА ШАСКОЛЬСКОГО (1918–1995) / IN MEMORY OF IGOR PAVLOVICH SHASKOLSKII (1918–1995)	229

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Мы начинаем выпуск нового журнала, который задуман как профессиональный форум для специалистов по истории, языкам и культурам Северной Европы, Балтии, а также российского Северо-Запада и прежде всего Карелии. В центре нашего внимания находятся разнообразные исторические и современные связи Балтийского региона и Северной Европы с Россией, так же как и их связи с остальным миром, и, разумеется, всё, что происходило в пределах очерченного обширного пространства, начиная с древности, и что происходит сейчас. У Карелии в этом пространстве есть свое место — пограничье, контактная зона.

По нашему мнению, журнал подобного профиля должен в первую очередь способствовать расширению и укреплению контактов между отечественными гуманитариями и представителями социальных наук, чьи профессиональные интересы так или иначе связаны с Балтией, Северной Европой и российским Северо-Западом. В перспективе же, как мы надеемся, это поможет сохранить и активизировать контакты за пределами русскоязычного академического сообщества.

В 2016–2023 гг., также в Петрозаводске, выходил «Альманах североевропейских и балтийских исследований» (<https://nbsr.petrsu.ru>), главным редактором которого была Ирина Рейевна Такала. *Studio Nordica* — прямой преемник «Альманаха», издаваемый на базе Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. В нынешнем году институт отмечает 95-летие, и мы приурочиваем наш первый выпуск к этому юбилею.

Часть материалов выпуска посвящена другим значимым для российских нордистов годовщинам, отмечавшимся в прошлом и нынешнем году и связанным с именами А. Я. Гуревича, А. С. Кана и И. П. Шаскольского. Сохранение памяти об исследователях предшествующих поколений — неотъемлемый элемент идентичности любого профессионального сообщества, и это, конечно, одна из задач нашего издания.

Заметную часть выпуска составляют рецензии. Это вообще один из важнейших видов публикаций для научного журнала. Мы рассчитываем, что со временем количество рецензий профильной исследовательской литературы и на русском, и на других языках в нашем журнале будет увеличиваться.

Среди авторов публикуемых материалов — историки, лингвисты, литературоведы. Мы намерены и впредь поддерживать и по возможности расширять подобное дисциплинарное разнообразие, поскольку замыкание в тесном кругу узких специалистов, безусловно, губительно, причем не только в собственно научном плане.

С надеждой на сотрудничество,

**И. И. Муллонен,
А. В. Толстиков,
А. Ф. Кривоноженко.**
21 октября 2025 г.

EDITORS' FOREWORD

Dear colleagues,

With this issue, we begin the publication of a new journal conceived as a professional forum for specialists in the history, languages, and cultures of Nordic Europe, the Baltic region, as well as the Russian Northwest, and first and foremost, Karelia. The journal emphasises the diverse historical and contemporary connections between the Baltic region, Nordic Europe, and Russia—as well as their connections with the rest of the world, and, of course, everything that has occurred within this vast space from antiquity through today. Karelia holds its own place in this space as a borderland and a contact zone.

We believe that a journal of such scope should primarily contribute to expanding and strengthening contacts between Russian scholars in the humanities and social science whose professional interests are related to the Baltic region, Nordic Europe, and the Russian Northwest. We hope that, in the long run, this will also help preserve and maintain contacts beyond the Russian-speaking academic community.

Between 2016 and 2023, Petrozavodsk was also home to the *Nordic and Baltic Studies Review* (<https://nbsr.petrsu.ru>), which was edited by Irina R. Takala. *Studio Nordica* is its direct successor, published by the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. This year, the Institute marks its 95th anniversary, and we have timed our inaugural issue to coincide with this milestone.

A section of this issue is devoted to other significant anniversaries for Russian scholars of Nordic and Baltic studies, commemorated in the past and current years, associated with the names of Aron Ia. Gurevich, Aleksander S. Kan, and Igor P. Shaskolskii. Preserving the legacy of scholars from previous generations is an integral part of any professional community's identity, and this is, undoubtedly, one of our publication's missions.

A substantial part of the issue consists of book reviews. We consider reviews to be one of the most crucial types of publications for any scholarly journal. We expect that the number of reviews of relevant academic literature, both in Russian and other languages, will grow in our journal over time.

The authors of the published materials include historians, linguists, and literary scholars. We intend to maintain and, where possible, expand this disciplinary diversity, as remaining within a narrow circle of specialists is undoubtedly detrimental, not only from a purely academic standpoint.

With hopes for fruitful collaboration,

**Irma I. Mullonen,
Alexander V. Tolstikov,
Alexander F. Krivonozhenko.**
October 21, 2025

СТАТЬИ

ARTICLES

ЩАВЕЛЁВ Алексей Сергеевич

Институт всеобщей истории РАН

Россия, Москва

alexissorel@gmail.com

**КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
«ВАРВАРСКОЙ» ЕВРОПЫ «ПЕРВОГО МИЛЛЕНИУМА» Н. Э.:
А. Я. ГУРЕВИЧ И К. МОДЗЕЛЕВСКИЙ**

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые монографии и статьи А. Я. Гуревича и К. Модзелевского, которые составили основу изучения т. н. «варварских обществ» Европы поздней Античности и раннего Средневековья методами культурной исторической антропологии. Первая — «Проблемы генезисы феодализма в Западной Европы» 1970 года А. Я. Гуревича; вторая, во многом преемственная по отношению к методам работы А. Я. Гуревича, — К. Модзелевского «Варварская Европа» 2004 года. Во второй половине XX века в рамках *исторической антропологии «варварских обществ»* I века до н. э. — XII в. н. э. сложилось две исследовательские программы, первую из которых можно назвать *культурной антропологией*, а вторую — *социальной и политической антропологией*. Первая нацелена на изучение традиционных полу-периферийных обществ Европы как бы «изнутри», вторая — в широком компаративном плане. Если А. Я. Гуревич работал в рамках культурной антропологии, совершенно «не заметив» социальную и политическую, то К. Модзелевский, полностью оставаясь в парадигме культурной антропологии, все же признал эвристический потенциал альтернативного направления. В современной историографии бесписьменные и малописьменные сообщества I века до н. э. — XII в. н. э. стали изучаться в большей степени с привлечением концептуально-терминологического аппарата социальной и политической антропологии, т. е. в парадигме, которую можно обозначить как неоэволюционистская компаративно-историческая социокультурная антропология. Однако, методы культурной исторической антропологии остаются в арсенале изучения архаических и традиционных обществ.

Ключевые слова: А. Я. Гуревич, К. Модзелевский, варварское общество, *Barbaricum*, варварология, историческая антропология, культурная антропология, социальная антропология, политическая антропология, историография.

Для цитирования: Щавелев А. С. Культурная историческая антропология «варварской» Европы «первого миллениума» н. э.: А. Я. Гуревич и К. Модзелевский // *Studia Nordica*. 2025. № 1. С. 11–33. DOI: 10.17076/sn1

В исторической науке второй половины XX – первой четверти XXI в. произошла масштабная эпистемологическая инвазия методов и

Культурная историческая антропология «европейской» Европы «первого миллениума» н. э. 12 концептуально-терминологического аппарата «гуманитарных» направлений антропологии, как комплексной науки о человеке и человеческих популяциях, в исторические исследования. Однако в рамках сформировавшейся в результате этого процесса новой *исторической антропологии* сложились две очень разные по своим подходам и методам *теоретико-исследовательские программы*: первую из которых можно назвать *культурной антропологией*, а вторую — *социальной*, включающей в себя *политическую и экономическую*¹.

Вкратце *культурная антропология* воплощает принцип восприятия каждого общества и его культуры как уникального феномена, требующего подбора индивидуальных методологических ключей. Ее инструментарий настроен на поиск индивидуальных особенностей обществ прошлого и специфики мировоззрения и ментальности отдельных коллективов, групп и их составляющих индивидов. В ней основное внимание сосредоточено на анализе «изнутри» общества и познании его *самовосприятия и саморепрезентации*. *Социальная, политическая и экономическая антропология*, напротив, были настроены в большей степени на исторические *фасции широкого охвата*, т. е. на выявление типичных объективных паттернов социальной организации, экономических практик, распространенных типов политий и форм осуществления власти во всей истории человечества. Культурная антропология предлагала археологам и историкам проблематизацию самой возможности познания психологии и поведения людей прошлого, социально-экономическая и политическая — возможности новых синтетических генерализаций типологического характера. Первая работала с уникальным и индивидуальным, вторая — с типичным и повторяющимся в истории. Так, культурная антропология в русле истории ментальностей работает с идеями и идеалами власти архаичных обществ, а политическая антропология — с идеологиями и практиками управления. Однако их, безусловно, всегда объединяла сфокусированность на познании *мировоззрения индивидов и внутренних устройств (структур) социумов в исторической динамике*.

¹ Крадин Н. Н. Антропология и медиевистика. Политантропологические перспективы в изучении медиевистики // Universitas historiae. Сб. статей в честь П. Ю. Уварова. М., 2016. С. 557–565; Щавелев А. С. Сверхкраткая апология «большой теории» // Антропологический форум. 2025. № 64. Антропологические теории для XXI века: дорожная карта. С. 149–157.

Нужно подчеркнуть и разницу эпистемологического целеполагания компартивных исследований в культурной и социальной антропологии. Первая сравнивает различные общества для идентификации уникального, вторая — совпадающего, изоморфно-типичного. Кроме того, в рамках культурной антропологии обычно сравнивались сходные по культурно-лингвистическим характеристикам социумы, как бы обладающие общей «культурной генетикой». Например, сравнивались коллективы носителей кельтских, германских, славянских или тюркских языков и традиций. Реже, но все-таки сравнивались территориально близкие общества, например, германо- и славяноязычные. Социальная и политическая антропология предполагают сравнительный анализ самых разных больших и малых групп без «цивилизационных» или географических ограничений. Такой подход наглядно показал, что общее культурное наследие или родство языка не программирует создание одинакового общественного устройства или сходства форм властно-управленческих отношений. Напротив, очень «генетически-близкие» по культуре народы с одинаковым языком зачастую создают диаметрально противоположные по принципам функционирования социальные системы или политические режимы, а общества, никаким образом исторически не связанные, оказываются одинаково устроеными и близкими по политическим характеристикам.

Ключевую роль в становлении историко-антропологического подхода к изучению т. н. «варварских» обществ Европы в ареале от Исландии до Волги и от Норвегии до Балкан в пределах хронологического отрезка с I в. до н. э. до XII в. н. э. сыграли работы двух выдающихся медиевистов А. Я. Гуревича (1924–2006) и К. Модзелевского (1937–2019)². Они стали этапными для

² О вкладе А. Я. Гуревича в медиевистику и отчасти в варварологию, см.: Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами»: заметки об историках. М., 2015. С. 80–112; Щавелев А. С. «Кельтские поля» и германские общины: реплика к одной сноски из книги Л. Б. Алаева «Сельская община...» // Средние века. 2017. Вып. 79. № 3. С. 31–37; Петрухин В. Я. О функциях денег в эпоху викингов: А. Я. Гуревич и Г. С. Лебедев // Археология Северной Руси и Балтики. К 80-летию со дня рождения Г. С. Лебедева. Т. 2 / Под ред. В. А. Витязевой-Лебедевой и Е. Р. Михайловой. СПб., 2025. С. 23–30. Об исследованиях К. Модзелевского: Лукин П. В. «Варварская Европа» и современные проблемы изучения раннесредневековых славянских обществ: о новой книге Кароля Модзелевского (Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004. 519 s.) // Славяноведение. 2008. № 2. С. 25–40; Филиппов И. С. Варварская Европа, «Солидарность» и цивилизованный

Культурная историческая антропология «варварской» Европы «первого миллениума» н. э. 14
появления такой особой субдисциплины медиевистики, как *варварология*, т. е.
для истории полупериферийных обществ Западной Евразии, включенных в
средиземноморский фрагмент евразийской мир-системы, постепенно
включаемых сначала в Римскую мир-империю, а потом — в романо-
латинский, греко-ромейский и отчасти исламский культурные миры³.

Нельзя не заметить, что А. Я. Гуревич начал свой путь к «варварам» с
изучения крестьянства Норвегии, а К. Модзелевский — с изучения крестьян
Польши⁴. Именно крестьянские социумы сохранили реликты логики и
практики социальных взаимоотношений между индивидами, их домашними
животными и предметами обихода, которые не были уничтожены
христианской политической теологией и эксплуатацией со стороны военно-
политических и религиозно-идеологических элит нового типа «цивилизации
средневекового Запада». И А. Я. Гуревич, и К. Модзелевский посвятили
значительную часть своей работы законодательным текстам «варваров» (т. н.
«варварским правдам») на латинском, древнеанглийском, древнескандинавском
и древнерусском языках. А. Я. Гуревич преимущественное внимание уделял
обществам Англии и Скандинавии с привлечением данных о т. н. «варварских
королевствах» континентальной Европы. К. Модзелевский — обществам
континентальной Европы, включая славяноязычные народы от Балтики до
Балкан и от Эльбы до Поднепровья. В итоге в их работах оказались охвачены
все основные сообщества «варваров» раннего Средневековья. Оба медиевиста
не обращались к методам и концептуально-терминологическому аппарату
социальной и политической антропологии, которая формировалась
практически у них на глазах, оставшись в русле исключительно культурной
антропологии. Однако благодаря им антропологический подход как таковой
был вписан в дискурс медиевистики.

Запад: заметки о книге: *Modzalewsky K. Barbarzyńska Europa. Warszawa: Wydawnictwo Iskry, 2004* // Средние века, 2010. Вып. 71. № 3–4. С. 400–415.

³ Randsborg K. The First Millennium A. D. in Europe and the Mediterranean: An Archaeological Essay. Cambridge, 1991. О мир-системном анализе применительно к домодерным обществам, см.: Крадин Н. Н. Мир-системный анализ и динамика древних и средневековых обществ // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2024. № 6. С. 141–153.

⁴ Гуревич А. Я. Избранные труды. Крестьянство феодальной Норвегии. СПб., 2006; Modzalewski K. Chłopi w monarchii wczesnopiastowskiej. Т. 1. Chłopi w społeczeństwie polskim. Wrocław, 1987.

Особое место в многообразном творчестве А. Я. Гуревича занимает небольшое учебное пособие для исторических факультетов СССР «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европы» 1970 г.⁵, переизданное позже под заголовком «Начало феодализма в Европе»⁶. Переводы этого учебника вышли как полноценные монографии на итальянском и шведском языках⁷. Здесь сразу же нужно оговориться, что несмотря на свое название, содержащие во всех вариантах лексему «феодализм», книга А. Я. Гуревича была посвящена отнюдь не этому зомби-концепту, а именно тому, как были устроены сообщества людей, не вовлеченных в греко-римскую культуру и не слишком затронутых христианской идеологией, в период «длинного» «первого миллениума» Новой эры — с I в. до н. э. и до XII столетия⁸. Этот «учебник» А. Я. Гуревича конституировал в отечественной историографии «варварский мир» (*Barbaricum*) раннего Средневековья как самостоятельную тему исследования, не превращенную в периферию государств поздней Античности и не вписанную в качестве «пreamble» в «классическое» «феодальное» Средневековье. Нельзя не заметить, что именно вокруг этой книги как бы выстраиваются другие работы А. Я. Гуревича, посвященные норвежскому, англо-саксонскому и исландскому социумам раннего Средневековья⁹. В этих статьях и монографиях он чутко уловил поворот медиевистики исхода XX – первой четверти XXI в. к *культурной исторической антропологии* *округого мира* — «варварской Европы».

Пытаясь суммировать разрозненные по разным работам наблюдения А. Я. Гуревича общего характера, можно констатировать, что «варварское общество» в его интерпретации было исторически самодостаточным, оно было «сложным», «уже не первобытным», а «общинным» с вполне развитой социальной иерархией, но еще не строго («юридически») стратифицированным, т. е. еще «бесклассовым». Оно не было неким

⁵ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

⁶ Гуревич А. Я. Избранные труды. Т. I. Древние германцы. Викинги. М.; СПб., 1999. С. 189–342.

⁷ Gurevitch A. J. Feodalismens uppkomst i Västeuropa. Stockholm, 1979; Gurevič A. Ja. Le origini del feodalesimo / Pref. di R. Manselli. Roma; Bari, 1982. (Biblioteca di Cultura Moderna, 865).

⁸ Randsborg K. The First Millennium A. D....

⁹ Гуревич А. Я. Избранные труды. Крестьянство феодальной Норвегии...; Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. М., 2009.

Культурная историческая антропология «варварской» Европы «первого миллениума» н. э. 16

промежуточным этапом развития социумов Европы, оно не было «переходным» и «до-каким-то», прежде всего, «дофеодальным», а являлось вполне отдельным историческим феноменом. А. Я. Гуревич подчеркивает, что если некое сообщество «застывало» в описанной им социально-политической форме, то это не было «тупиком» развития, а трансформация таких «варварских» сообществ могла идти в самых разных направлениях. Конечно, А. Я. Гуревич мог обозначить в советском учебнике только два пути перехода к «классовому обществу», либо «рабовладельческому», либо «феодальному», но внимательный читатель вполне способен «вычитать» у него подспудный подход к идеям *многолинейности социальной эволюции*¹⁰ в мире «варваров» Европы. Среди предложенных им вариантов можно выделить тупиковую стагнацию, усложнение самобытной организации, и, наконец, переход к рабовладельческому или феодальному государственно-классовому строю. Таким образом, откровенно маргинальные по сравнению с *ранними государствами* «континентальной» Европы социумы Норвегии и Исландии видятся ему не столько как «заповедники» реликтового социального ландшафта, а как прошедшие свой собственный путь развития, по сути, создавшие некие *альтернативные формы сложного социального устройства*.

В основе социальной организации социумов Европы, не затронутых «средиземноморской культурой», по А. Я. Гуревичу, лежало личностное, эмоциональное, отношение к «своей» земле, своему «участку» или доли «родовой собственности», как неотъемлемой части личности свободного индивида, без которой он становится в лучшем случае «обездоленным», в худшем — теряет облик человека, превращаясь в «изгоя-волка». Наследственные земельные владения (*аллюд*, *фолкленд*, *одаль*) были одновременно собственностью отдельной семьи и подлежали внешнему контру контроля локальной общины, т. е. коллективу соседей и дальних родственников. «Полная собственность» на участок земли или некоторую территорию был не столько «юридической», сколько «генеалогически-родовой» и интимно-сакральной, здесь жили родственники индивида и

¹⁰ Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. Alternative Pathways of Social Evolution // Social Evolution & History. 2002. Vol. 1 (1). P. 54–79.

продолжали посмертное сосуществование с ними ушедшие в мир иной их предки.

В анализе экономических отношений А. Я. Гуревич воспринял *субстантивистскую парадигму* интерпретации архаичных экономик, акцентируя социальные и психологические аспекты экономических транзакций, включая монетарные операции. Здесь он использовал материалы древнеанглийских и древнескандинавских текстов в свете обобщения данных этнологов об обществах всех континентов, сделанных М. Моссом¹¹.

А. Я. Гуревич фактически предложил концепцию *многоуровневой идентичности* индивида варварского мира, который одновременно входит в нуклеарную семью, расширенные генеалогическо-поколенческие коллективы родственников и свойственников, в свой территориальный нексус, в разные профессиональные группы, «этнополитическую общность» (он их по-марксистски называл «племенами») и новые макрополитические системы («варварские королевства»).

В более поздний период истории Европы, который в его время назывался «феодальным», А. Я. Гуревич увидел и констатировал «гетерогенность политического строя» и «многоликость государственных форм», основанных на многоусложности общественных отношений «докапиталистических классовых обществ» в Европе. Он справедливо подчеркивал, что в нем не было «прочных политических образований». «Феодальное государство» А. Я. Гуревич мыслил, как «союз сеньоров и их непосредственных подданных, подчинивших себе остальное население», как систему вассальных договоров без точных границ и абстрактных идей суверенитета. Он обратил благожелательное внимание на «еретическую» теорию происхождения сеньориально-вассального или ленного (фьефного) строя в Западной Европы А. Уайта, развитое, углубленное и нюансируванное в классической книге

¹¹ Gurevich A. Y. Wealth and Gift-Bestowal among the Ancient Scandinavians // *Scandinavica*. 1968. Vol. 7/1. P. 126–138. См. продолжение этих исследований: Мельникова Е. А. От дара к рынку: Гуннар Хамундарсон между двух экономических систем // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. XXV. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье, М., 2013. С. 193–198; Zori D., Bayock J., Egill Erlendsson, Martin S. A. Feasting in Viking Age Iceland: Sustaining a Chiefly Political Economy in a Marginal Environment // *Antiquity*. 2013. Vol. 7. Issue 335. P. 150–165; Palsson V. Language of Power: Feasting and Gift-giving in Medieval Iceland and its Sagas. Ithaca; London, 2016. Islandica 60).

Ф. Кардини, согласно которой его создала потребность в тяжеловооруженной кавалерии (рыцарях или катафрактах), которую можно было создать только раздав элитариям участки земли с людьми¹². А. Я. Гуревич также неоднократно отмечал, что христианизация и «феодализация» (собственно создание сеньориально-вассальной системы) фактически уничтожали варварское общество, будучи ключевыми драйверами социальной стратификации и ликвидации сложившихся практик взаимоотношений людей, вещей и воображаемых сущностей.

А. Я. Гуревич исключительно тонко подметил, что «классообразование» и ликвидация личной свободы в средневековой Европе происходило не только путем силового давления и некрополитики первых вождей нового типа. Отказ индивида от прав свободного человека, которые предполагали участвовать в коллективных актах насилия, носить оружие и прибывать на судебно-совещательные собрания коллективов, платить штрафы в соревновательной манере, зачастую был не вынужденным, а добровольным шагом многих мелких собственников земли, крестьян и ремесленников. Наконец, индивид мог в разных ситуациях выступать то как свободный, то как неполноправно-зависимый. «Полусвободность» или «несвободная свобода» человека «средневекового Запада» была социальной нормой, а не странностью.

Обращу внимание, что А. Я. Гуревич был одним из тех немногих советских историков, которые приняли участие в одном из самых важных для политической антропологии архаичных обществ сборнике *The Early State* 1978 г. под редакцией Х. Дж. М. Классена и П. Скальника¹³. Он написал в нем раздел «Ранее государство в Норвегии»¹⁴. Книга «Ранее государство» была фактически манифестом компаративной исторической антропологии, направленной на

¹² White J. L. Medieval Technology and Social Change. London, 1964; Cardini F. Alle radici della cavalleria medievale. Bologna, 2014. Русский перевод текста первого издания книги Ф. Кардини вышел в очень сокращенном виде, а также без библиографии и прочих элементов научного аппарата (Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Сокр. пер. с итал. В. П. Гайдука; вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой и Л. А. Котельникова. М.: Прогресс, 1987). С одной стороны, книга стала культовой у всех советских любителей раннесредневековой истории, с другой, она воспринималась и воспринимается как научно-популярная. Тот факт, что это фундаментальная монография, остался практически неизвестен советским и российским ученым и другим читателям.

¹³ The Early State / Ed. by H. J. M. Claessen & P. Skalník. Hague; Paris; New York, 1978. (Studies in Social Sciences, 32).

¹⁴ Gurevič A. Ja. The Early State in Norway // The Early State. P. 403–423.

выявление типических форм социально-политической организации, которые возникают в самых разных географических и исторических условиях, но имеют изоморфные общественные структуры и паттерны власти. После этой коллективной монографии в рамках политической антропологии были наиболее разработаны концепции *вождества* и *ранних государств*, которые были применены как к Исландии¹⁵, так и к другим периферийным регионам «большой» Европы¹⁶.

Адепт и новатор *культурной антропологии*, А. Я. Гуревич, не воспринял эвристический потенциал *политической антропологии*, не увидел в ней *параллельную программу антропологического познания истории*. Можно делать различные предположения, почему это произошло, но, видимо, главным было неприятие им идей универсализма в истории человечества, которые в полной мере отразились в его заинтересованно-негативной реакции на книгу К. Уикхема «Средневековая Европа»¹⁷. Не будет большой натяжкой констатировать, что отторжение развившихся на марксистских началах социальной, политической и экономической антропологии было обусловлено у А. Я. Гуревича его глубоким неприятием марксизма, ассоциировавшегося у него с идеологиями тоталитарных государств XX в.¹⁸

¹⁵ Lewellen T. C. Political Anthropology. An Introduction. London: Praeger, 2003; Claessen H. J. M., Hagesteijn R. R., *Velde van de P.* Early State Today // Social Evolution & History. Vol. 7. № 1. 2008. P. 245–265; Skalník P. Chiefdom: A Universal Political Formation // Focaal — European Journal of Anthropology. 2004. Vol. 43. P. 77–98; Earle T. A Primer on Chiefs and Chiefdoms. New York, 2021. См. работы по исторической антропологии Исландии с привлечением новейших теоретических разработок: Byock J. L. Viking Age Iceland. London; New York, 2001; Falk O. Violence and Risk in Medieval Iceland: This Spattered Isle. Oxford, 2021. Книга Дж. Байока идеально переведена на русский язык, а местами исправлена и дополнена И. В. Свердловым: Байок Д. Л. Исландия эпохи викингов / Пер. И. Свердлова. М.: Астрель, 2012.

¹⁶ Line P. Kingship and State Formation in Sweden, 1130–1290. Leiden; Boston, 2007; Macháček J. Disputes over Great Moravia: Chiefdom or State? The Morava or the Tisza River // Early Medieval Europe. 2009. № 17 (3). P. 248–267; Shchavelev A. S. Basic Features of Political Organization and Social Structure of Rurikid Polity in the Tenth Century // The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspective / Eds. by D. M. Bondarenko, S. A. Kowalewski & D. B. Small. Cham, 2020. P. 283–292.

¹⁷ Wickham C. Medieval Europe. New Haven; London, 2016; Гуревич А. Я. Post Scriptum: “peasant society” и профессор Крис Уикхем // Одиссей. Человек в истории. 2006. С. 390–419. Книга К. Уикхема образцово издана в русском переводе: Уикхем К. Средневековая Европа. От падения Рима до Реформации / Пер. с англ. М. Десятовой; науч. ред. С. Мереминский. М.: Альпина нон-фикшн, 2022.

¹⁸ См. об этом: Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами»…

Разумеется, А. Я. Гуревич не отвергал компаративистику как таковую, но для него круг исторических аналогий заканчивался на нескольких «родственных» германоязычных «варварских обществах» раннего Средневековья, изредка дополненными экскурсами в древнерусские реалии. Примеры же из истории, этнографии и археологии других народов из различных регионов мира и различных эпох у него практически отсутствуют. Поэтому попытка найти единые критерии выделение момента формирования *раннего государства* в истории египтян, китайцев, астеков, гавайцев, франков и других народов (всего в книге рассматривался двадцать один кейс), в целом осталась для А. Я. Гуревича глубоко чужда.

Следующей этапной работой в области культурной антропологии, которую удивительно рано начал разрабатывать А. Я. Гуревич, стала монография К. Модзелевского «Варварская Европа» 2004 г., которая была переведена практически на все основные европейские языки¹⁹. Для К. Модзелевского «варварская Европа» не просто самобытный мир, а полноценная часть исторического наследия, не меньшее античной («греко-римской») цивилизации повлиявшая на ход исторического процесса в Европе. Он решительно отказывался сводить европейскую традицию к «средиземноморской культуре» и христианству.

К. Модзелевский много внимания уделил проблеме методически корректного и здравого разграничения «литературного топоса» и «типической антропологической ситуации», отраженной в разных источниках. Он решительно противился радикальной интерпретации письменных текстов как сугубо литературных конструктов, основанных на фантомах воображаемого мира, но и не впадал в прямолинейное некритическое компилирование всех возможных «данных» без их критического анализа²⁰.

¹⁹ Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004. См. также последнее авторизированное издание английского перевода, которое сейчас наиболее часто используется в мировой науке (Modzelewski K. Barbarian Europe / Transl. by E. Macura, ed. by E. Rozbicka. Frankfurt am Main; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien, 2015) и авторское изложение базовых идей на русском языке (Модзелевский К. Зарождение государства в общине: князь в глазах современников // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств=Ancient Rus' and Medieval Europe: the Emergence of States: Материалы конференции М., 2012. С. 169–172).

²⁰ Лукин П. В. «Варварская Европа»... С. 29–31.

Сам К. Модзелевский старался не выходить за рамки европейского мира от Исландии до Волги и от Норвегии до Балкан, однако он, в отличие от А. Я. Гуревича, в полной мере учитывал возможности и признавал перспективность более широкого историко-компаративного охвата для моделирования ситуации в раннем Средневековье. Он указывал на этнографические примеры *сегментарных обществ (полу)кочевых скотоводов и подвижных земледельцев Африки*, как образцовый пример для понимания динамики развития кельто-, германо- и славяноязычных народов Древности и раннего Средневековья²¹. Сам он воздержался от широких обобщений, видя свою главную задачу в сравнении материалов германо- и славяноязычных народов и предвидя уже за это критику в свой адрес со стороны узко-цеховых коллег.

Важным достижением К. Модзелевского был отказ от «этнических» привязок властно-презентационных, магико-правовых, обрядово-культовых практик к языковым группам. По итогам его работы вполне очевидно, что есть неоспоримое типологические сходство социокультурного устройства обществ «кельтов», «германцев», «славян» и прочих условных макрообщностей, но нет необходимости «привязывать» к ним какие-то характеристики. Напротив, конкретное сообщество, говорящее, например, на каком-то из языков германской семьи, может быть очень похоже на какое-то славяноязычное сообщество, поскольку условия их формирования и развития были схожи, и, напротив, два сообщества носителей древнеславянского языка могут быть устроены диаметрально противоположным образом.

Если А. Я. Гуревич сосредоточился на проблемах сравнительно-исторического и культурно-антропологического исследования *дафа и процедур дафения*, то К. Модзелевский обратил внимание на столь же распространенные «у варваров» обычай *гостеприимства* и защиты *гостей-странников*. В обоих случаях, слишком разные источники дают одинаковую информацию в слишком разной нарративной аранжировке, чтобы «списать» все эти данные

²¹ Modzelewski K. Barbarian Europe... P. 286. Ср.: Tymowski M. Organizacje plemienne na obszarze Polski w IX–X w. w świetle antropologicznych teorii systemu segmentarnego i wodzostwa (chiefdom) // Europa barbarica, Europa christiana: studia mediaevalia Carolo Modzelewski dedicata. Warszawa, 2008. S. 263–284.

В рамках своего культурологического подхода с некоторым уклоном в антропологию власти, К. Модзелевский фокусируется на фигуре «князя» или «короля», который строил свою систему власти в условиях сложного иерархичного общества, тяготеющего к эгалитаризму и гетерархии²². Однако лидер социума имел особые имманентные преимущества, которые и стали в будущем строительным материалом для создания централизованных политий. «Лидер» был олицетворением своего народа: «старшим родственником», «влиятельным соседом» во всех подчиненных ему территориальных общинах, «великим воином» или «боевом старшем товарищем» всех мужчин, прирожденным медиатором взаимоотношений своего коллектива с воображаемым миром сакрального. Каждый этот аспект нес в себе как эксклюзивные права для носителя власти, так и имманентные обязанности. Основными противниками вырвавшихся вперед в борьбе за власть индивидов были представители других родов знати, лидеры которых обладали теми же функциями, только, возможно, в меньшем масштабе, а также жрецы, контролировавшие собственные локальные культуры. Главным же ограничителем личной власти вождя была способность всего социума осуществлять «коллективные действия»²³ без «благословленного богами» «старшего родственника», «влиятельного соседа» и «великого воина». Периодически такое коллективное действие могло быть направлено и против лидера или лидеров сообщества. В рамках концепции К. Модзелевского принятие христианства и ислама в мире варваров Европы было способомнейтрализовать традиционный порядок и обнулить обязательства и ограничения первых вождей перед своим народом. Это была *политическая технология*, выгодная верхушке элиты, разрушающая вполне самобытный сложный социокультурный мир «варваров». И христианизация, как верно отмечает, К. Модзелевский, была не результатом внутреннего развития

²² О концепте гетерархии, см.: Crumley C. L. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // Archeological Papers of the American Anthropological Association. 1995. Vol. 6. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. P. 1–5; Bondarenko D. Homoarchy as a Principle of Sociopolitical Organization: An Introduction // Anthropos: International Review of Anthropology and Linguistics. 2007. Vol. 102 (1). P. 187–189.

²³ Blanton R., Farbher L. Collective Action in the Formation of Pre-Modern States. New York, 2008.

периферийных европейских сообществ, а началом и причиной их коренной трансформации и гомогенизации.

К. Модзелевский подчеркивал специфическую территориальность групп народов Европы, находящихся вне циркум-средиземноморской цивилизации. Их комплексный хозяйственно-культурный тип, сочетавший земледелие, скотоводство, охоту, рыболовство и собирательство в разных сочетаниях, требовал лабильной оседлости и был фактически экстенсивным. Причем, масштаб каждого сообщества и степень сложности его властно-управленческих систем естественным образом регулировался объемом прибавочного продукта и доступностью уникальных ресурсов. В норме эти социумы могли себе позволить только сравнительно дешевый «аппарат» управления и контроля. На общих и специальных функционеров и военных специалистов, не занимающихся производящим трудом, у них просто не было ресурсов.

Сравнивая перекликающиеся и взаимодополняющие друг друга работы А. Я. Гуревича и К. Модзелевского, можно вывести некое рамочное определение социального строя «варваров». Во-первых, он был удивительно изоморфным от Исландии до Волги, от Норвегии до Балкан. Во-вторых, практически везде встречается идентичная трехчастная социальная структура: исключенные из социума *рабы*, неполноправные «*полусвободные*» и *свободные полноправные люди*, которые и считались собственно людьми и составляли отдельные *народы*, которые долгое время назывались «*племенами*», но сейчас от этого термина в историографии уже отказались. В-третьих, во всех общностях была *социальная дифференциация* этих *свободных индивидов*, но она была очень разная и не может быть сведена к общему знаменателю, который можно распространить на весь мир «варваров». У одних народов была выделена «привилегированная» страта, которую можно обозначить условно как *аристократию*, у других — нет. Где-то свободные люди были сильно ранжированы по разным параметрам, где-то — нет, а сами принципы этого ранжирования разнились. Где-то элита доминировала, где-то срабатывали механизмы нейтрализации процессов социального расслоения. Где-то выдвигались на первые роли вожди («короли», «князья»), где-то они ликвидировались и их новое появление искусственно предотвращалось

Культурная историческая антропология «варварской» Европы «первого миллениума» н. э. 24
насильственными методами. Любой «варварский» народ свободных людей был пронизан и скреплен многочисленными родственными (включая, искусственное родство и фиктивно-воображаемые генеалогии), свойственными («обмен женщиными» и с этим связанные договоры) и территориальными (соседскими) отношениями. И соответственно каждый индивид был носителем сразу нескольких пересекающихся, а иногда конкурирующих, *идентичностей*.

В работах А. Я. Гуревича и К. Модзелевского «варвары» и их социокультурные нормативы и ментальность, сочетающие *индивидуализм* и *коллективизм, личную свободу и готовность к ультра-насилию, алчную жажду сокровищ и расточительную щедрость, привязанность к родине предков и тягу к странствиям*, предстают в качестве, как минимум, поучительной, если не привлекательной, альтернативой гомоархической²⁴ «средиземноморской христианской цивилизации». В этом смысле их тексты имеют не только научное, но и мировозренческое значение. Здесь нельзя не обратить внимание, что А. Я. Гуревич сосредоточил свое внимание на индивиде и «архаическом индивидуализме, а К. Модзелевский – на коллективизме и общественных интеграторах варварского социума. Несомненно, тут сказались сугубо субъективные мировозренческие различия двух историков, но в этом заочном «споре» правыми, видимо, являются оба.

Книги и статьи А. Я. Гуревича и К. Модзелевского охватили почти все ключевые регионы Европы в период с I в. до н. э. до XII в. н. э. и стали классикой исследований традиционных «варварских обществ» Западной Евразии методами *культурной исторической антропологии*, доминирующей во второй половине XX столетия, заложив тем самым основы продолжения этих исследований в XXI в. уже на теоретической базе *социальной и политической антропологии* в парадигме, которую можно назвать *неоэволюционистская компаративно-историческая социокультурная антропология*²⁵.

²⁴ Bondarenko D. Homoarchy as a Principle of Sociopolitical Organization...

²⁵ Щавелев А. С. Сверхкраткая апология «большой теории»... Ср. образцовое применение обоих подходов, культурно-антропологического и социально-антропологического, к сравнительно-историческому изучению «первичных» цивилизаций («сверхсложных архаичных обществ»): Trigger B. G. Understanding Early Civilizations. A Comparative Study. Cambridge, 2003.

Список литературы

1. Байок Д. Л. Исландия эпохи викингов / Пер. и комм. И. Свердлова. М.: Астрель, 2012. 1000 с.
2. Гуревич А. Я. Избранные труды. Крестьянство феодальной Норвегии. СПб.: Изд. СПбГУ, 2006. 367 с.
3. Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. М.: Традиция, 2009. 469 с.
4. Гуревич А. Я. Избранные труды. Т. I. Древние германцы. Викинги. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 350 с.
5. Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Изд. Высшая школа, 1970. 224 с.
6. Гуревич А. Я. Post Scriptum: “peasant society” и профессор Крис Уикхем // Одиссей. Человек в истории. 2006. Феодализм перед судом истории. С. 390–419.
7. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Сокр. пер. с итал. В. П. Гайдука; вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой и Л. А. Котельникова. М.: Прогресс, 1987. 360 с.
8. Крадин Н. Н. Антропология и медиевистика. Политантропологические перспективы в изучении медиевистики // Universitas historiae. Сб. статей в честь П. Ю. Уварова. М., 2016. С. 557–565.
9. Крадин Н. Н. Мир-системный анализ и динамика древних и средневековых обществ // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2024. № 6. С. 141–153.
10. Лукин П. В. «Варварская Европа» и современные проблемы изучения раннесредневековых славянских обществ: о новой книге Кароля Модзелевского (Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa: Wydawnictwo Iskry, 2004. 519 s.) // Славяноведение. 2008. № 2. С. 25–40.
11. Мельникова Е. А. От дара к рынку: Гуннар Хамундарсон между двух экономических систем // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто.

Культурная историческая антропология «варварской» Европы «первого миллениума» н. э. 26
XXV Экономические основы формирования государства в древности и средневековье, М.: ИВИ РАН, 2013. С. 193–198.

12. Модзелевский К. Зарождение государства в общине: князь в глазах современников // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств=Ancient Rus' and Medieval Europe: the Emergence of States. Материалы конференции М.: ИВИ РАН, 2012. С. 169–172.
13. Петрухин В. Я. О функциях денег в эпоху викингов: А. Я. Гуревич и Г. С. Лебедев // Археология Северной Руси и Балтики. К 80-летию со дня рождения Г. С. Лебедева. Т. 2 / Под ред. В. А. Витязевой-Лебедевой и Е. Р. Михайловой. СПб.: Изд. СПбГУ, 2025. С. 23–30.
14. Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами»: заметки об историках. М.: НАО, 2015. 280 с.
15. Уикхем К. Средневековая Европа. От падения Рима до Реформации / Пер. с англ. М. Десятовой / Науч. ред. С. Мереминский. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 536 с.
16. Филиппов И. С. Варварская Европа, «Солидарность» и цивилизованный Запад: заметки о книге: Modzelewsky K. Barbarzyńska Europa. Warszawa: Wydawnictwo Iskry, 2004 // Средние века, 2010. Вып. 71. № 3–4. С. 400–415.
17. Щавелев А. С. «Кельтские поля» и германские общинны: реплика к одной сноски из книги Л. Б. Алабова «Сельская община...» // Средние века. 2017. Вып. 79. № 3. С. 31–37.
18. Щавелев А. С. Сверхкраткая апология «большой теории» // Антропологический форум. 2025. № 64. Антропологические теории для XXI века: дорожная карта. С. 149–157.
19. Althoff A. Family, Friends and Followers: Political and Social Bonds in Early Medieval Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 195 p.
20. Blanton R., Fargher L. Collective Action in the Formation of Pre-Modern States. New York: Springer, 2008. 474 p.

21. Bondarenko D. Homoarchy as a Principle of Sociopolitical Organization: An Introduction // *Anthropos: International Review of Anthropology and Linguistics*. 2007. Vol. 102 (1). P. 187–189.
22. Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. Alternative Pathways of Social Evolution // *Social Evolution & History*. 2002. Vol. 1 (1). P. 54–79.
23. Byock J. L. *Viking Age Iceland*. London; New York: Penguin Books, 2001. 447 p.
24. Cardini F. Alle radici della cavalleria medievale. Bologna: Società ed. il Mulino, 2014. 668 p.
25. Claessen H. J. M., Hagesteijn R. R., Velde van de P. Early State Today // *Social Evolution & History*. Vol. 7. № 1. 2008. P. 245–265.
26. Crumley C. L. Hierarchy and the Analysis of Complex Societies // Archeological Papers of the American Anthropological Association. 1995. Vol. 6. Hierarchy and the Analysis of Complex Societies. P. 1–5.
27. Earle T. *A Primer on Chiefs and Chiefdoms*. New York: EWP, 2021. 168 p.
28. Falk O. *Violence and Risk in Medieval Iceland: This Spattered Isle*. Oxford: Oxford University Press, 2021. 358 p.
29. Gurevič A. Ja. *Le origini del feodalesimo / Pref. di R. Manselli*. Roma; Bari: Laterza, 1982. 215 p. (Biblioteca di Cultura Moderna, 865).
30. Gurevič A. Ja. The Early State in Norway // *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen & P. Skalník. Hague; Paris; New York: Mouton, 1978. (Studies in Social Sciences, 32). P. 403–423.
31. Gurevich A. Y. Wealth and Gift-Bestowal among the Ancient Scandinavians // *Scandinavica*. 1968. Vol. 7/1. P. 126–138
32. Gurevitj A. J. *Feodalismens uppkomst i Västeuropa*. Stockholm: Tidens Förlag, 1979. 256 s.
33. Lewellen T. C. *Political Anthropology. An Introduction*. London: Praeger, 2003. 262 p.

34. Line P. Kingship and State Formation in Sweden, 1130–1290. Leiden; Boston: Brill, 2007. 697 p.
35. Machaček J. Disputes over Great Moravia: Chiefdom or State? The Morava or the Tisza River // Early Medieval Europe. 2009. № 17 (3). P. 248–267.
36. Modzelevski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa: ISKRY, 2004. 517 s.
37. Modzelewski K. Barbarian Europe / Transl. by E. Macura, ed. by E. Rozbicka. Frankfurt am Main; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang, 2015. 291 p.
38. Modzelewski K. Chłopi w monarchii wczesnopiastowskiej. T. 1. Chłopi w społeczeństwie polskim. Wrocław: Zakład Narodowy im Ossolińskich, 1987. 295 s.
39. Palsson V. Language of Power: Feasting and Gift-giving in Medieval Iceland and its Sagas. Ithaca; London: Cornell University Press, 2016. 257 p. (Islandica 60).
40. Randsborg K. The First Millennium A. D. in Europe and the Mediterranean: An Archaeological Essay. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. 230 p.
41. Shchavelev A. S. Basic Features of Political Organization and Social Structure of Rurikid Polity in the Tenth Century // The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspective / Eds by D. M. Bondarenko, S. A. Kowalewski & D. B. Small. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 283–292.
42. Skalník P. Chiefdom: A Universal Political Formation // Focaal — European Journal of Anthropology. 2004. Vol. 43. P. 77–98.
43. The Early State / Ed. by H. J. M. Claessen & P. Skalník. Hague; Paris; New York: Mouton, 1978. 689 p. (Studies in Social Sciences, 32).
44. Trigger B. G. Understanding Early Civilizations. A Comparative Study. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 774 p.
45. Tymowski M. Organizacje plemienne na obszarze Polski w IX–X w. w świetle antropologicznych teorii systemu segmentarnego i wodzostwa (chiefdom) //

Europa barbarica, Europa christiana: studia mediaevalia Carolo Modzelewski dedicata. Warszawa, 2008. S. 263–284.

46. Wickham C. Medieval Europe. New Haven; London: Yale University Press, 2016. 355 p.

47. White J. L. Medieval Technology and Social Change. London: Oxford University Press, 1964. 194 p.

48. Zori D., Bayock J., Egill Erlendsson, Martin S. A. Feasting in Viking Age Iceland: Sustaining a Chiefly Political Economy in a Marginal Environment // Antiquity. 2013. Vol. 87. Issue 335. P. 150–165.

SHSCAVELEV Aleksei S.

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Russia, Moscow
alexissorel@gmail.com

CULTURAL HISTORICAL ANTHROPOLOGY OF THE “BARBARIAN” EUROPE IN THE “FIRST MILLENIUM” AD: ARON IA. GUREVICH AND KAROL MODZELEWSKI

Abstract. The article analyses key monographs and articles by Aron Ia. Gurevich and Karol Modzelewski, which formed the basis for studying the so-called “barbarian societies” of Europe in late Antiquity and the early Middle Ages using methods of cultural historical anthropology. The first is “Problems of the Genesis of Feudalism in Western Europe” of 1970 by Aron Gurevich. The second, in many ways a successor to the Gurevich’s methods, is K. Modzelevsky’s “Barbarian Europe” of 2004. In the second half of the 20th century, within the framework of the historical anthropology of “barbarian societies” of the 1st century BC — 12th century AD, two research programs have developed, the first of which can be called cultural anthropology, and the second – social and political anthropology. The first is aimed at studying traditional semi-peripheral societies of Europe as if “from the inside”, the second – in a broad comparative plan. If Aron Gurevich worked within the framework of cultural anthropology, completely “not noticing” the social and political, then K. Modzelewski, completely remaining in the paradigm of cultural anthropology, nevertheless recognized the heuristic of an alternative direction. In modern historiography, communities without developer writing culture of the 1st century BC — 12th century AD began to be studied to a greater extent with the involvement of the conceptual and terminological apparatus of social and political anthropology, i. e. in a paradigm that can be designated as neo-evolutionary comparative-historical socio-cultural anthropology, however, the methods of cultural historical anthropology remain in the arsenal of studying archaic and traditional societies.

Key words: Aron Gurevich, Karol Modzelewski, barbarian society, Barbaricum, Barbarian studies, historical anthropology, cultural anthropology, social anthropology, political anthropology, historiography

For citation: Cultural Historical Anthropology of the “Barbarian” Europe in the “First Millennium” AD: Aron Ia. Gurevich and Karol Modzelewski. *Studia Nordica*, 2025, no. 1, pp. 11–33. DOI: 10.17076/sn1

References

1. Byock J. L. *Islandia epokhi vikingov*. Ed. and transl. I. Sverdlov. Moscow, Astrel', 2012, 1000 p.
2. Gurevich A. Ia. *Izbrannye trudy. Krest'ianstvo feudal'noi Norvegii*. Saint Petersburg, Publishing House of Saint Petersburg State University, 2006, 367 p.
3. Gurevich A. Ia. *Izbrannye trudy. Norvezhskoe obshchestvo*. Moscow, Traditsiia, 2009, 469 p.
4. Gurevich A. Ia. *Izbrannye trudy. T. I. Drevnie germantsy. Vikingi*. Moscow, Saint Petersburg, Universitetskaia kniga, 1999. 350 p.
5. Gurevich A. Ia. *Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoi Evrope*. Moscow, Vysshiaia shkola, 1970. 224 p.
6. Gurevich A. Ia. Post Scriptum: “peasant society” i professor Kris Uikkhem. *Odissei. Chelovek v istorii*, 2006, pp. 390–419.
7. Cardini F. *Istoki srednevekovogo rytsarstva*. Abridged transl. by V. P. Gaiduk, intr. and ed. by V. I. Ukolova and L. A. Kotel'nikov. Moscow, Progress, 1987. 360 p.
8. Kradin N. N. Antropologiya i medievistika. Politantropologicheskie perspektivy v izuchenii medievistiki. *Universitas historiae. Sb. statei v chest' P. Iu. Uvarova*. Moscow, Institute of World History (Russian Academy of Sciences), 2016, pp. 557–565.
9. Kradin N. N. Mir-sistemnyi analiz i dinamika drevnikh i srednevekovykh obshchestv. *Stratum Plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*, 2024, no. 6, pp. 141–153.
10. Lukin P. V. “Varvarskaia Evropa” i sovremennye problemy izucheniiia rannesrednevekovykh slavianskikh obshchestv: o novoi knige Karolia Modzelewskiego (Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa: Wydawnictwo Iskry, 2004. 519 s.). *Slavianovedenie*, 2008, no. 2, pp. 25–40.
11. Mel'nikova E. A. Ot dara k rynku: Gunnar Khamundarson mezhdu dvukh ekonomicheskikh sistem. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Chteniia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR V. T. Pashuto*. XXV Ekonomicheskie osnovy

formirovaniia gosudarstva v drevnosti i srednevekov'e. Moscow, Institute of World History (Russian Academy of Sciences), 2013, pp. 193–198.

12. Modzelevskii K. Zarozhdenie gosudarstva v obshchine: kniaz' v glazakh sovremennikov. *Drevniaia Rus' i srednevekovaia Evropa: vozniknovenie gosudarstv=Ancient Rus' and Medieval Europe: the Emergence of States. Materialy konferentsii*, Moscow, Institute of World History (Russian Academy of Sciences), 2012, pp. 169–172.

13. Petrukhin V. Ia. O funktsiakh deneg v epokhu vikingov: A. Ia. Gurevich i G. S. Lebedev. *Arkheologija Severnoi Rusi i Baltiki. K 80-letiu so dnja rozhdenija G. S. Lebedeva. T. 2.* Ed. by V. A. Vitiazeva-Lebedeva and E. R. Mikhailova. Saint Petersburg, Publishing House of Saint Petersburg State University, 2025, pp. 23–30.

14. Uvarov P. Iu. *Meždu "ezhami" i "lisami": zametki ob istorikakh* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 280 z.

15. Wickham C. *Srednevekovaia Evropa. Ot padeniiia Rima do Reformatii.* Transl. by M. Desiatova, ed. by S. Mereminskii. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2022. 536 p.

16. Filippov I. S. Varvarskaia Evropa, “Solidarnost” i tsivilizovannyi Zapad: zametki o knige: Modzelewsky K. Barbarzyńska Europa. Warszawa: Wydawnictwo Iskry, 2004. *Srednie veka*, 2010, issue 71, no. 3–4, pp. 400–415.

17. Shchavelev A. S. “Kel'tskie polia” i germanskie obshchiny: replika k odnoi snoske iz knigi L. B. Alaeva “Sel'skaia obshchina...”. *Srednie veka*, 2017, issue 79, no. 3, pp. 31–37.

18. Shchavelev A. S. Sverkhkratkaia apologiia “bol'shoi teorii”. *Antropologicheskii forum*, 2025, no. 64, pp. 149–157.

19. Althoff A. *Family, Friends and Followers: Political and Social Bonds in Early Medieval Europe.* Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 195 p.

20. Blanton R., Fargher L. *Collective Action in the Formation of Pre-Modern States.* New York, Springer, 2008, 474 p.

21. Bondarenko D. Homoarchy as a Principle of Sociopolitical Organization: An Introduction. *Anthropos: International Review of Anthropology and Linguistics*, 2007, 102, 1, pp. 187–189.

22. Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. 2002. Alternative Pathways of Social Evolution, *Social Evolution & History*, 2002, 1, 1, pp. 54–79.
23. Byock J. L. *Viking Age Iceland*. London, New York, Penguin Books, 2001, 447 p.
24. Cardini F. *Alle radici della cavalleria medievale*. Bologna, Società ed. il Mulino, 2014, 668 p.
25. Claessen H. J. M., Hagesteijn R. R., Velde van de P. Early State Today, *Social Evolution & History*, 2008, 7, 1, pp. 245–265.
26. Crumley C. L. Hierarchy and the Analysis of Complex Societies. *Archeological Papers of the American Anthropological Association*, 1995, 6, pp. 1–5.
27. Earle T. *A Primer on Chiefs and Chiefdoms*. New York, EWP, 2021, 168 p.
28. Falk O. *Violence and Risk in Medieval Iceland: This Spattered Isle*. Oxford, Oxford University Press, 2021, 358 p.
29. Gurevič A. Ja. *Le origini del feodalesimo*. Pref. di R. Manselli. Roma, Bari, Laterza, 1982, 215 p. (Biblioteca di Cultura Moderna, 865).
30. Gurevič A. Ja. The Early State in Norway. *The Early State*. Ed. by H. J. M. Claessen & P. Skalník. Hague, Paris, New York, Mouton, 1978 (Studies in Social Sciences, 32), pp. 403–423.
31. Gurevich A.Y. Wealth and Gift-Bestowal among the Ancient Scandinavians. *Scandinavica*, 1968, 7, 1, pp. 126–138.
32. Gurevitj A. J. *Feodalismens uppkomst i Västeuropa*. Stockholm, Tidens Förlag, 1979, 256 p.
33. Lewellen T. C. *Political Anthropology. An Introduction*. London, Praeger, 2003, 262 p.
34. Line P. *Kingship and State Formation in Sweden, 1130–1290*. Leiden, Boston, Brill, 2007, 697 p.
35. Machaček J. Disputes over Great Moravia: Chiefdom or State? The Morava or the Tisza River. *Early Medieval Europe*, 2009, 17, 3, pp. 248–267.
36. Modzelevski K. *Barbarzyńska Europa*. Warszawa, ISKRY, 2004, 517 p.

37. Modzelewski K. *Barbarian Europe*. Transl. by E. Macura, ed. by E. Rozbicka. Frankfurt am Main, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien, Peter Lang, 2015, 291 p.
38. Modzelewski K. *Chłopi w monarchii wcześniejsztowskiej. T. 1. Chłopi w społeczeństwie polskim*. Wrocław, Zakład Narodowy im Ossolińskich, 1987, 295 p.
39. Palsson V. *Language of Power: Feasting and Gift-giving in Medieval Iceland and its Sagas*. Ithaca, London, Cornell University Press, 2016, 257 p. (Islandica, 60).
40. Randsborg K. *The First Millennium A. D. in Europe and the Mediterranean: An Archaeological Essay*. Cambridge, Cambridge University Press, 1991, 230 p.
41. Shchavelev A. S. Basic Features of Political Organization and Social Structure of Rurikid Polity in the Tenth Century. *The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspective*. Ed. by D. M. Bondarenko, S. A. Kowalewski, & D. B. Small. Cham, Springer International Publishing, 2020, pp. 283–292.
42. Skalník P. 2004. Chiefdom: A Universal Political Formation. *Focaal — European Journal of Anthropology*, 2004, 43, pp. 77–98.
43. *The Early State*. Ed. by H. J. M. Claessen & P. Skalník. Hague, Paris, New York, Mouton, 1978, 689 p. (Studies in Social Sciences, 32).
44. Trigger B. G. *Understanding Early Civilizations. A Comparative Study*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 774 p.
45. Tymowski M. Organizacje plemienne na obszarze Polski w IX–X w. w świetle antropologicznych teorii systemu segmentarnego i wodzostwa (chiefdom). *Europa barbarica, Europa christiana: studia mediaevalia Carolo Modzelewski dedicata*. Warszawa, 2008, pp. 263–284.
46. Wickham C. *Medieval Europe*. New Haven, London, Yale University Press, 2016, 355 p.
47. White J. L. *Medieval Technology and Social Change*. London, Oxford University Press, 1964, 194 p.
48. Zori D., Bayock J., Egill Erlendsson, Martin S.A Feasting in Viking Age Iceland: Sustaining a Chiefly Political Economy in a Marginal Environment. *Antiquity*, 2013, 87, 335, pp. 150–165.

РУПАСОВ Александр Иванович

Санкт-Петербургский институт истории РАН
Россия, Санкт-Петербург
[rupasov ai@mail.ru](mailto:rupasov_ai@mail.ru)

**ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИЕЙ КОНТАКТОВ В СФЕРЕ
КУЛЬТУРЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ СО ШВЕЦИЕЙ: 1945–
1947 ГГ.**

Аннотация. В 1943 г. бывший глава Наркомата иностранных дел Максим Литвинов исходил из того, что, по крайней мере, часть скандинавских государств может оказаться в сфере советского влияния. Иллюзорность достижения этой цели стала очевидной к окончанию мировой войны. Вместе с тем очевидный рост интереса и, отчасти, симпатий к Советскому Союзу в шведском обществе позволяли надеяться на развитие советско-шведских отношений. Судя по всему, поддержание этого интереса, не говоря уже о его усилении, не считалось требующим серьезных финансовых затрат. Это объяснялось, в частности, тем, что такие затраты не относились к приоритетным уже по причине ограниченности советских ресурсов. В отличие от СССР его союзники по антигитлеровской коалиции еще до окончания войны предприняли в Швеции широкую кампанию, охватывавшую все сферы культурного взаимодействия. Этой кампании советской дипломатии не удалось противодействовать. Одних упоманий на возросший международный авторитет СССР для этого оказалось недостаточно.

Ключевые слова: Швеция, СССР, 1940-е гг., дипломатия, культура, влияние, общество

Для цитирования: Рупасов А. И. Ограниченнные возможностях использования советской дипломатией контактов в сфере культуры для развития отношений с Швецией: 1945–1947 гг. // Studia Nordica. 2025. № 1. С. 34–55. DOI: 10.17076/sn2

Разногласия между союзниками по антигитлеровской коалиции и сложившаяся по окончании войны геополитическая ситуация в Европе таили в себе элементы неизбежной нестабильности. Опасения в отношении политических тенденций в Европе обусловили стремление Швеции в 1945–1947 гг. к поиску возможностей смягчить вероятные негативные последствия для экономики страны. Однако предпринимаемые в этот краткий период попытки играть роль своего рода моста между Западом и Востоком нельзя охарактеризовать как настойчивые: возможности шведской дипломатии для реализации столь амбициозной цели были невелики, усилия были направлены на достижение в краткосрочной перспективе pragматичных целей, касающихся прежде всего комплекса проблем в экономике страны. Решение части из них зависело от СССР. Что же касается последнего, то упование на

недостижимый ранее международный авторитет создавало основу для представлений о некой легкости в достижении целей, по большей части в сфере двусторонних экономических связей. Иными словами, минимизация затрат представлялась объективно обусловленной. Сказалось это и на масштабах использования советской стороной контактов в гуманитарной сфере, несмотря на то что культурная экспансия США и Великобритании в Швеции вызывала немалую озабоченность.

Приближающееся окончание мировой войны побуждало шведскую дипломатию к внесению корректива в тот довольно ощущимый дисбаланс, который был создан учетом шведским правительством интересов Германии. Поэтому не удивителен тот факт, что в середине декабря 1944 г. в беседе с заместителем наркома НКИД В. Г. Деканозовым посланник Страффана Сёдерблум обратился к такой теме, как предстоящее весной следующего года празднование десятилетней годовщины Общества по содействию культурным и экономическим связям между Швецией и СССР¹: «Было бы желательно, если бы советский представитель приехал на торжественное заседание... в марте 1945 г. и сделал бы доклад». Сёдерблум также упомянул и о приглашении в Стокгольмский университет специалиста-филолога, о просьбе Королевской оперы о декорациях и рисунках к постановке оперы «Царская невеста», о приглашении в 1945 г. Московского или Ленинградского балета².

Судя по всему, оживление культурных связей с Швецией в Москве было признано не только желательным, но возможным исходя из возникшей в шведском обществе благожелательной политической атмосферы по окончании войны. Об этом свидетельствует, например, пересылка заместителем заведующего Отделом международной информации ЦК ВКП(б) А. С. Барановым управляющему Совторгкино (Всесоюзная контора по киноэкспорту и импорту) П. Г. Бригаднову материалов по Швеции, в частности, недатированное обращение главы шведской фирмы «Инафильм»

¹ Полное название по-шведски: *Sällskapet för främjande av kulturella och ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Sovjetunionen*.

² Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0140. Оп. 29. П. 127. Д. 7.

Георга Грейффа³, в котором речь шла об «эксплуатировании советских фильмов» в Швеции и установлении официальных контактов с представителем Совинторгкино (30 марта 1945 г. материалы были возвращены Баранову). В письме Грейффа указывалось: «До сих пор советские фильмы оттеснялись на задний план. Им не уделялось того внимания, какого они заслуживали. Это, конечно, объясняется экономическими и политическими причинами... русские фильмы даже не анонсировались в шведских киноизданиях». В обращении подчеркивалась необходимость получения из СССР русских киноизданий, статей, фотоснимков и, по возможности, даже клише, сведений об актерах и режиссерах, плакатов и пр. Указывалось на желательность приезда в Швецию на премьеры фильмов советских актеров и режиссеров. Грейфф сообщал, что с акционерным обществом «Народных кинотеатров»⁴ фирмой подписан контракт на демонстрацию фильмов «Радуга»⁵ и «Партизанка»⁶ в 300 пунктах проката⁷. Выяснить, какова была реакция Бригаднова на это обращение Грейффа, не удалось. В 1945 г. в Швеции демонстрировались всего восемь советских фильмов (пять художественных и три документальных). Обращение к этому формату культурных связей обуславливалось рядом проблем с организацией поездок деятелей культуры и науки в Швецию (не в последнюю очередь — финансовыми).

³ Георг Грейфф (1908–?) в 1944 г. стал руководителем *Inafilm* (занималась производством фильмов для компартии Швеции). Интерес к его деятельности полиция безопасности Швеции проявила в апреле 1945 г. От проката фирмой *Inafilm* советских фильмов компартия получала 20 % от валовой выручки. (См.: Hjort M., Molin K., Johansson A. W., Lampers L. O. Övervakningen av "SKP-komplexet": Forskarrapport till säkerhetstjänstkommissionen. SOU 2002:93. Stockholm, 2002. S. 212–2015).

⁴ Народные дом в Швеции сдавали в аренду свои площадки частным кинотеатрам, но в 1940-х гг. была создана национальная организация *Sveriges Folkbiografer AB* в Стокгольме и 23 региональные сети кинотеатров, что породило конфликт с частными кинотеатрами. Подробнее см.: Bäckström M. Striden om biosalongerna. Folkbiografer eller privata biografer på Folkets Hus // Arbetarhistoria. 2005. Nr 4. S. 25–30.

⁵ Художественный фильм режиссёра Марка Донского по одноимённой повести Ванды Василевской. 1943 г.

⁶ Имеется ввиду фильм «Зоя» режиссёра Лео Арнигтама. 1944 г.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 12. Д. 813. Л. 13–15.

Безусловно, усилившийся в Швеции к концу войны в широких кругах интерес к Советскому Союзу создавал предпосылки для трансформации интереса в симпатии. Однако И. С. Чернышев, занявший летом 1945 г. пост главы советской миссии в Стокгольме, обращал внимание наркома иностранных дел В. М. Молотова на необходимость принятия мер для повышения популярности Советского Союза в Швеции. Одним из способов было содействие «частым визитам в Швецию советских ученых, писателей, артистов, спортсменов и др. Значение таких визитов трудно переоценить»⁸. Впрочем, предшественница Чернышева А. М. Коллонтай в конце марта 1945 г. указывала на неизбежности борьбы за влияние в Швеции с Великобританией и США⁹. Подводя итоги 1945 г., в полпредстве подчеркивали усиление англосаксонского влияния в Швеции не только в военной и экономической сфере, но и культурно-пропагандистской¹⁰. На встрече с Чернышевым в конце мая 1946 г. глава шведской компартии Свен Линдерут в качестве примера агрессивной англосаксонской пропаганды приводил лекцию Стивена Кинг-Холла¹¹ на закрытом заседании шведского внешнеполитического клуба и в ряде других организаций. Бывший член английского парламента был исключительно настойчив в вопросе формирования западного блока с включением в него западной зоны Германии. По словам Линдерута, он, якобы, вопрошал: «Чего вы, шведы, смотрите? Разве вы не видите развития событий? Дело идет к войне, которая уже не за горами». Кинг-Холл, подчеркивая, что СССР слаб, не хочет войны и не может ее начать, настаивал на необходимости добиться устранения советской опасности. Именно по этой причине, считал он, необходимо объединить все силы против СССР, создать объединенный генеральный штаб¹².

⁸ Petersson B. Med Moskas ögon: bedömnningar av svensk utrikespolitik under Stalin och Chrusjtjov. Stockholm, 1994. S. 92.

⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 52. Д. 852. Л. 42.

¹⁰ Справка «Усиление и закрепление англосаксов в Швеции», 4.6.1946: АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 31. П. 137. Д. 29. Л. 77.

¹¹ Уильям Стивен Ричард Кинг-Холл (1893–1966) — член палаты общин в 1939–1945 гг., в 1944 г. он основал и возглавил общество *Hansard Society*, целью которого было продвижение парламентской демократии.

¹² Справка «Усиление и закрепление англосаксов в Швеции». Л. 81–82.

Если в 1945 г. культурно-пропагандистская экспансия Великобритании и США в Швеции только набирала обороты, то уже весной 1946 г. ее масштабы резко возросли. Англичане намеревались открыть в Стокгольме книжный центр (до 10000 томов), доступный для библиотек, книготорговцев, студентов. При центре действовали курсы английского языка, проводилось чтение лекций. В марте была открыта выставка американских книг, организованная Американской библиотечной ассоциацией. В апреле — мае в Стокгольме находились американские делегации во главе с генерал-майором Моррисоном Стайером, начальником отдела здравоохранения в американском секторе Берлина, делегация движения «Молодежь за Христа»¹³, приезжали президент «Американского Скандинавского фонда» Генри Лич¹⁴, профессора Лондонского университета, ряд издателей, физик Чарльз Дарвин, генеральный секретарь английского клуба писателей и журналистов Э. Оулд¹⁵, писатель Эрнест Реймонд. «В Швеции наблюдается английское книжное засилье», — констатировал первый секретарь дипмиссии Мальгин¹⁶.

В Скандинавском отделе Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), представитель которого занимал в посольстве должность второго секретаря, в анализе внутриполитической ситуации в Швеции исходили из того, что эта ситуация по сравнению с 1945 г. не улучшилась, несмотря на то, что коммунисты добились успеха на муниципальных выборах осенью 1946 г., поскольку успех на выборах привел к усилению антикоммунистической кампании. Возглавлявший отдел В. Жариков подчеркивал, что социал-демократы в рамках североевропейского сотрудничества сформировали единый фронт в борьбе с коммунистами¹⁷. В

¹³ Движение «Молодежь за Христа» (*Youth For Christ*) зародилось в Нью-Йорке в 1940 г.

¹⁴ Генри Годдард Лич (*Henry Goddard Leach*, 1880–1970) — ученый-скандинавист, общественный деятель, президент Американско-скандинавского фонда (учрежден в 1912 г.) и профессор скандинавской цивилизации в Университете Канзаса.

¹⁵ Вероятно, имелся ввиду Хермон Оулд (1886–1951) — писатель и сценарист.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 38. Р. 142. Д. 10. Л. 77–79.

¹⁷ Отчет и план работы Скандинавских стран за 1946 год: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ РФ). Ф. 5283. Оп. 22. Д. 586. Л. 45. Одной из наиболее заметных фигур в ВОКС, игравшей важную роль в советских культурных контактах со Швецией, была член правления ВОКС Лидия Кислова (1899–1987), до 1961 г.

годовом отчете ВОКС за 1946 г. отмечалось, что британская и американская пропаганда еще более усилилась за счет более частых визитов государственных деятелей, политиков, ученых и деятелей культуры, это усиление было частично связано с деятельностью шведско-английского и шведско-американского обществ. Первое из них возглавлял генерал-майор Седершёльд¹⁸, и оно состояло из 54 обществ с примерно 8 400 членами. Лидером шведско-американского общества в Стокгольме, насчитывавшего около 2500 членов, был лидер Народной партии Бертиль Улин. В ВОКС считали, что эти общества имели большое влияние среди различных групп, но в первую очередь в высших слоях общества¹⁹. В 1947 г. американское влияние еще более усилилось, причем активность США в Швеции значительно превосходила активность Великобритании, однако, что касается области культуры, британцы по-прежнему были более активны, чем американцы. Шведско-английское общество играло здесь главную роль, а еще одной заметной силой являлся *British Council*. Последний проводил «широкую пропагандистскую работу» в Швеции, также приглашая известных шведских ученых и деятелей культуры в Англию, где те знакомились со страной, а затем, по возвращении в Швецию, рассказывали о ней в лекциях. Руководство ВОКС испытывало обеспокоенность из-за того, что многие американские и британские газеты были легко доступны для шведского населения, а крупные шведские газеты «находились под большим влиянием и, возможно, под контролем американцев и англичан». Это воспринималось как большая проблема, поскольку газеты освещали каждое международное событие в пользу американцев и британцев, систематически публиковали антисоветские

заведовавшая английским отделом. Она также переводила произведения Г. Уэллса, Дж. Лондона, Э. Колдуэлла, Э. Хемингуэя.

¹⁸ Хуго Монтгомери Седершёльд (*Hugo Montgomery Cederschiöld*, 1878–1968) — генерал-майор, комендант Стокгольма (1939–1945), участник Добровольного стрелкового движения (*Frivilliga Skytterörelsen*), в 1939–1955 гг. был президентом Шведско-английской ассоциации, в 1940–1941 гг. — президентом Стокгольмского Ротари-клуба.

¹⁹ ГАРФ РФ. Ф. 5283. Оп. 22. Д. 586. Л. 46.

статьи («все социал-демократические газеты» начали «хором резко критиковать всех шведов, которые осмеливались говорить правду о советском народе»)²⁰.

Констатируя «довольно широкое распространение» в Швеции антисоветской пропаганды, а также тот факт, что «большинство шведов вопросы новой демократии в ряде западных стран, политические процессы, происходящие в этих странах, большая восстановительная работа в СССР и странах, которые были подвергнуты фашистской оккупации, зачастую непонятны», хотя «шведская общественность и стала проявлять гораздо больший интерес к экономике, быту и культуре Советского Союза», Скандинавский отдел ВОКС предусматривал проведение в Швеции через Общество Швеция-Советский Союз массовых мероприятий: организация выставок, демонстрация советских фильмов, проведение торжественных заседаний членов общества²¹. Отдел предлагал организовать цикл лекций о советском искусстве в Русском институте при Стокгольмском университете²² (о Герцене, Радищеве, Гоголе, Глинке, И. Ильфе, Маршаке, С. Стальском), «установить связь между музыкальной секцией ВОКС и Королевской музыкальной академией», «способствовать организации концертов русской музыки по шведскому радио путем посылки комплекта грампластинок», «послать Оперному театру в Стокгольме партитуру и эскизы иллюстраций к постановке балета Прокофьева «Золушка»», «организовать экспортование выставки советской книги»²³. Общий вывод, к которому приходили в ВОКС, заключался в том, что культурное сотрудничество между Швецией и Советским Союзом затруднялось из-за влияния Великобритании и США²⁴.

Возможности противостояния становящимся доминирующими культурному влиянию англосаксонского мира у советской стороны были довольно ограниченными. Показательной была история с попыткой издания

²⁰ Wenel O. Sovjetunionen och svenska vänsällskap 1945–1958. Sällskapen Sverige-Sovjetunionen som medel i sovjetisk strategi. Umeå, 2005. S. 81.

²¹ Жариков В. Объяснительная записка к Плану работы отдела Скандинавских стран ВОКС на 1947 г. по Швеции: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1289. Д. 255. Л. 224.

²² Ryska institutet vid Stockholms högskola был учрежден в феврале 1945 г.

²³ Жариков В. Объяснительная записка к Плану работы отдела Скандинавских стран ВОКС на 1947 г. Л. 228.

²⁴ ГАРФ РФ. Ф. 5283. Оп. 22. Д. 596. Л. 150, 169.

полпредством в Швеции политico-литературного журнала. 27 апреля 1947 г. И. С. Чернышев направил В. М. Молотову пространное письмо. В нем речь шла о том, что еще 7 апреля 1946 г. решением Политбюро ВКП(б) по Швеции наряду с целым рядом мероприятий «было предусмотрено также издание здесь нового советского политического и литературно-художественного журнала на шведском языке». Посольство подготовило проект сметы на издание журнала (на период с 1 августа 1946 по 1 января 1947 г.) и направило ее 4 июня 1946 г. на имя заместителя министра иностранных дел А. Я. Вышинского с просьбой как можно скорее рассмотреть смету и представить ее на рассмотрение Совета Министров СССР. «Вместе с проектом сметы мы также послали перечень основных разделов будущего журнала и просили, чтобы отделу Печати МИД СССР, Совинформбюро и ВОКСу было поручено рассмотреть этот перечень, дать по нему заключение и в дальнейшем регулярно присыпать нам материалы для опубликования их в журнале»²⁵. Несмотря на желательность скорейшего рассмотрения вопроса, до ноября 1946 г. в посольство никакой информации не поступало. 16 ноября 1946 г. посольством было получено письмо заместителя начальника Валютно-финансового управления МИД СССР Семенова, в котором сообщалось, что «руководство МИД СССР не возражает против проведения необходимых организационных мероприятий к изданию в Швеции указанного журнала в 1947 году», но посольству предлагалось все затраты по подготовке к изданию журнала отнести на смету миссии за счет имевшейся экономии. При этом никакой информации о финансировании издания в дальнейшем, не говоря уже об утверждении сметы, в письме не сообщалось.

Сложившаяся ситуация вынудила И. С. Чернышева обратиться 9 декабря 1946 г. к заместителю главы МИД В. Г. Деканозову с запросом, в котором подчеркивалось, что, «не имея сообщения о том, утверждена ли посланная нами в центр смета на издание советского политического и литературно-художественного журнала в Швеции, и не будучи уверены в том, что

²⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 81. Д. 1272. Л. 64.

дальнейшее издание этого журнала будет обеспечено в финансовом отношении, мы не можем начать расходование средств на проведение подготовительных мероприятий к изданию этого журнала. Для работы в редакции нашего будущего журнала нам придется привлечь несколько видных шведских журналистов и писателей, работающих сейчас в различных шведских организациях. Переходя на работу в наш журнал, они должны, естественно, быть уверены в том, что эта новая работа не окажется для них кратковременной и, кроме всего прочего, обеспечит им постоянный заработок». Посланник подчеркивал, что «может получиться так, что, проведя организационную подготовку к изданию журнала и, возможно, даже начав его издание, мы можем оказаться вынужденными через некоторое время прекратить его выпуск, если не будет в достаточной мере обеспечена финансовая сторона издания, или, например, регулярное поступление для журнала материалов»²⁶.

Настойчивость советской миссии принесла только относительный успех: 17 марта 1947 г. в посольстве получили новое письмо из Валютно-финансового управления МИД СССР, в котором сообщалось, что из утвержденных посольству на хозяйственные расходы в первом квартале 1947 г. 219 500 инвалютных рублей, на издание бюллетеня «Новости из Советского Союза» на шведском языке²⁷ и на подготовительные работы к изданию в Швеции советского политического журнала на шведском языке может быть потрачено 170 000 инвалютных рублей. В посольстве это сочли полумерой. В письме на имя В. М. Молотова И. С. Чернышев просил: «а) Дать соответствующие указания V Европейскому отделу, отделу Печати и Валютно-

²⁶ Там же.

²⁷ Газета *Nyheter från Sovjetunionen* издавалась пресс-службой посольства — *Katarinavägen*, 20. В этом же здании находилось и общество «Швеция — Советский Союз». Однако официальным адресом значился *Birger Jarlgatan*, 110 — адрес консульского отдела. Редактором газеты был Свен Сторк (*Stork, Sven Niklas*, 1920–1988). До 1939 г. он преподавал в школе, но был призван в шифровальную службу министерства обороны, откуда его уволили из-за участия в *Swedish Clarté League*, издававшей журнал *Clarté* левой направленности (в 1941–1944 гг. журнал был закрыт). С. Сторк был женат на дочери коммуниста Уго Силлена Анн-Мари и знаком с А. М. Коллонтай. В 1944–1985 гг. он работал ответственным издателем, редактором и главным редактором «Новостей из Советского Союза», в 1945 г. стал членом Коммунистической партии Швеции.

Финансовому Управлению вновь рассмотреть и доложить Вам вопрос об издании в Швеции советского политического и литературно-художественного журнала на шведском языке с учетом наших практических предложений, изложенных в записках тов. Вышинскому А. Я. и Деканозову В. Г., а также последних мероприятий в области экономии инвалюты. Одновременно V Европейский отдел и отдел Печати должны рассмотреть и доложить руководству вопрос о порядке и своевременности снабжения этого журнала всякого рода информацией из Союза ССР; б) В том случае, если издание советского журнала в Швеции будет признано необходимым (мы со своей стороны считаем, что издание такого журнала принесло бы нам большую пользу) — прошу вас дать указания: 1. Отделу Печати, V Европейскому отделу и Совинформбюро об окончательном утверждении разделов будущего журнала и о регулярной высылке нам всех необходимых материалов для опубликования их в журнале. 2. Утвердить смету расходов на издание журнала, высланную нами еще в июне 1946 г. на имя т. Вышинского А. Я. и дать Валютно-Финансовому Управлению МИД СССР указание о переводе нам необходимых денежных ассигнований для оплаты расходов по изданию журнала». Глава МИД отреагировал 10 мая резолюцией: «тг. Вышинскому, Ветрову²⁸. Прошу дать предложение»²⁹. Продолжения истории с изданием журнала не имела.

Изменения в отношении широких кругов шведского общества к Советскому Союзу, обусловленные не в последнюю очередь именно масштабами культурного влияния англосаксов, вызывали серьезную озабоченность советского посольства. Посланник Илья Семенович Чернышев в марте 1947 г. подготовил пространный доклад о внешней политике Швеции и советско-шведских отношениях. Чернышев констатировал, что с момента своего формирования в июле 1945 г. правительство Швеции, заявив об отказе присоединяться к какому-либо блоку великих держав, подтвердило это свое

²⁸ Михаил Сергеевич Ветров (1909–1980) — заместитель заведующего V Европейским отделом МИД в 1944–1948 гг.

²⁹ АВП РФ. 06. Оп. 9. П. 80. Д. 1268. Л. 63–66.

декларативное намерение «сохранять свою политическую независимость от англо-саксонских держав», дав «тот довольно решительный отпор, который был оказан правительством и его прессой ожесточенной кампании пропаганды за западный блок, развернутой в Швеции в 1946 году англичанами, американцами и их ставленниками внутри страны» «Эта пропаганда, вылившаяся в настоящий моральный нажим на шведское правительство, — продолжал Чернышев, — развертывалась одновременно по многим линиям. В обстановке искусственно создаваемого “военного психоза” США и Англия... сделали Швецию объектом целого ряда демонстративных жестов. В Швецию непрерывным потоком ехали высокопоставленные английские и американские военные, государственные деятели, крупные промышленники»³⁰. Посланник не без удовлетворения цитировал выступление главы МИД Э. Ундана в ООН в ноябре 1946 г.: «В США нашу страну часто называют “страной среднего пути”, имея ввиду наши методы разрешения внутренних социальных проблем. Мы охотно принимаем эту характеристику и хотели бы заслужить ее и в отношении нашей позиции в международных вопросах, вызывающих противоречия между различными сторонами»³¹. Вместе с тем посланник подчеркивал, что англосаксонское влияние в Швеции в области экономики, культуры и военных связях является преобладающим.

В своей политике баланса между великими державами, писал Чернышев, социал-демократическое правительство наталкивается на сильнейшее сопротивление многочисленных реакционных сил страны и под давлением королевской семьи, реакционного чиновничества (аппарата МИДа, юридических органов, полиции), военного командования и других инстанций допускает нередко грубые антисоветские шаги. «Нам следует с максимальной интенсивностью использовать стремление шведского правительства к обеспечению некоторой независимости Швеции от англосаксов и имеющиеся, в связи с этим, возможности укрепления нашего влияния в Швеции». Рекомендация Чернышева сводилась к следующему: «вышибать из

³⁰ АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 38. Р. 142. Д. 10. Л. 5, 7.

³¹ Там же. Л. 13.

Швеции, по возможности, культурно-пропагандистское влияние англосаксов»: «Только тогда можно будет эффективно помешать превращению богатой Швеции в важнейший стратегический плацдарм англосаксонского западного блока на подступах к важнейшим регионам северо-запада нашей страны»³².

Два месяца спустя, в мае 1947 г., посланник И. С. Чернышев писал В. М. Молотову, что еще в конце 1946 г. в Москву сообщалось о целом ряде приглашений советским ученым принять участие в работах международных конгрессов, намеченных на лето 1947 г. года в Стокгольме, а также о приглашениях представителям советского искусства и спорта посетить Швецию. «Однако, на большинство наших запросов мы до сих пор не получили никакого ответа». В частности, речь шла о принятии участия в Международном конгрессе экспериментальной цитологии (заместитель главы МИД Деканозов еще в октябре 1946 г. сообщил, что в Министерстве высшего образования считают «желательным участие наших ученых в конгрессе», но даже после двукратных обращений в Министерство в феврале и апреле 1947 г. ответа последнего получено не было). В январе 1947 г. в Министерство высшего образования было переслано письмо председателя Шведского национального комитета по рационализации, приглашавшего советских представителей принять участие в работе Восьмого конгресса по рационализации в июле (по сведениям посольства, из 800 иностранных делегатов 200 должны были приехать из США), однако Министерство высшего образования не отреагировало на письмо.

В марте посольством было передано «официальное приглашение Стокгольмского Муниципалитета председателю исполкома Московского Совета Г. М. Попову с просьбой прислать сюда в мае месяце делегацию Моссовета». Ответа не последовало.

В ноябре 1946 г. на имя Деканозова было переслано приглашение шведского аэроклуба советским авиационным организациям принять участие в выставке гражданских спортивных самолетов, открывающейся 1 июня в Швеции. Хотя в конце апреля аэроклуб был уведомлен, что на выставку будут

³² Там же. Л. 29, 33–34, 35.

посланы два представителя, кандидатуры которых находятся на решении инстанции (т. е. Политбюро), окончательного ответа не последовало и полгода спустя.

В середине ноября 1946 г. на имя Деканозова было переслано приглашение шведского гимнастического союза³³ прислать в Швецию группу советских гимнастов, включающую также лучших наших мастеров по турнику, кольцам, брусьям и др. Комитет по делам физкультуры и спорта «сообщил без всякой мотивировки, что он считает нецелесообразным выезд советских гимнастов в Швецию в 1947 г.». В посольстве полагали, что «если нельзя послать большую группу гимнастов — 50–100 человек, то следует обязательно прислать хотя бы человек десять наших лучших мастеров с тем, чтобы они показали упражнения на брусьях, кольцах и турнике. При этом следует отметить, что все расходы по приезду и пребыванию этих гимнастов здесь, шведы берут на себя».

В посольстве не был получен ответ на приглашение спортивного общества Норрчёпинга футбольной команде «Динамо» приехать в Швецию на матч осенью 1947 г., как и ответ на апрельское письмо с приглашением Шведского футбольного союза любой советской футбольной команде прибыть на матч в Швецию 28 сентября или 19 октября. Ранее в решении Политбюро 7 апреля 1946 г. было предусмотрено, что одна из советских футбольных команд должна была посетить Швецию еще в 1946 г. («Представитель шведского спорта мэр города Стокгольма Андерссон³⁴ договорился летом 1946 г. с т. Романовым³⁵, что советская футбольная команда прибудет в Швецию в начале октября в период с 5 по 15 октября. Однако, приезд ее в Швецию вообще не состоялся и виноват в этом исключительно Комитет по делам физкультуры и спорта. Когда все сроки уже были сорваны из Москвы нам несколько раз звонили по телефону заместители т. Романова,

³³ Имеется ввиду основанный в 1904 г. Государственный спортивно-гимнастический союз Швеции (*Svenska gymnastik- och idrottsföreningarnas riksförbund*).

³⁴ Судя по всему, должность автора письма названа неверно, т.к. мэром Стокгольма в это время был Гуннар Фант.

³⁵ Николай Николаевич Романов (1913–1993) — председатель Комитета по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР (1945–1962).

прося организовать встречу наших футболистов со шведами, но мы ничего не могли сделать, так как было слишком поздно»).

И. С. Чернышев особо подчеркивал неуместность некорректного поведения чиновников Комитета по делам физкультуры и спорта: «Главный редактор и владелец самой распространенной в Швеции спортивной газеты *Idrottsbladet* Тегнер³⁶ посыпал ряд книг и журналов советским спортсменам, участвовавшим в 1946 году на соревнованиях в Осло, и просил спортсменов присыпать ему некоторые советские газеты и журналы. Кроме того, он посыпал в редакцию газеты “Советский спорт” статьи, газеты, журналы, книги. Однако до сих пор он так и не получил хотя бы в порядке вежливости ответа о том, получены ли нашими спортсменами и редакцией “Советский спорт” посланные им материалы, использованы ли они и т.п. Летом 1946 года Тегнер пытался пригласить советских хоккеистов посетить Швецию в феврале 1947 г. Только в январе 1947 г. он получил от Комитета физкультуры и спорта отрицательный ответ с указанием на то, что шведские правила хоккея отличаются от советских правил. Между тем все это было известно еще летом 1946 г. и именно поэтому Тегнер, по его словам, еще тогда предложил в беседе с представителем Комитета физкультуры провести одну встречу хоккеистов по советским, вторую по шведским правилам, а третью и заключительную — по смешанным правилам. Такое поведение нашего Комитета по делам физкультуры и спорта привело к тому, что Тегнер стал писать в своей газете антисоветские статьи, в которых содержалась не только резкая критика поведения наших спортивных организаций с ответами на приглашения, но и ряд других антисоветских выпадов»³⁷.

8 февраля 1947 г. посольство сообщало в Москву, что Стокгольмский союз металлистов и Стокгольмское объединение рабочих госпредприятий обратились с приглашением прислать в Швецию советских спортсменов Григория Иrmовича Новака и Якова Григорьевича Куценко (чемпионы СССР по тяжелой атлетике), группу гимнастов-легкоатлетов, волейбольные команды,

³⁶ Торстен Тегнер (*Torsten Tegnér*, 1888–1977) был владельцем газеты в 1915–1957 гг.

³⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 80. Д. 1268. Л. 76.

а также артистов Лемешова, Масленникову и Лепешинскую. Все расходы по поездке спортсменов и артистов в Швецию шведы брали на себя. Ответом было формальное письмо из V Европейского отдела, что «в настоящее время артисты Лемешев, Масленникова и Лепешинская заняты и поэтому приехать в Швецию не могут, а о приезде сюда Новака, Купченко и других спортсменов в письме... вообще ничего не говорилось. Между тем, приезд спортсменов, тяжелоатлетов в Швецию был предусмотрен решением инстанции от 7 апреля 1946 г.»

Явно раздраженный ситуацией И. С. Чернышев констатировал: «...медлительность в разрешении наших вопросов в центре крайне отрицательно сказывается на нашей работе в Швеции; англичане и американцы пользуются этим и усиливают здесь свое влияние и антисоветскую пропаганду относительно “железного занавеса”. Эта пропаганда ведется также некоторыми шведскими кругами, заинтересованными в ухудшении отношений с нами»³⁸.

В Швеции с 1935 г. существовало вышеупомянутое Общество по содействию культурным и экономическим связям между Швецией и СССР, которое, казалось, можно было использовать для широкого распространения информации о Советском Союзе. После окончания войны активную роль в обществе играла дочь его основателя Вильгельма Пальмера, Ева Пальмер. В ВОКС считали желательным превращение Общества в массовую организацию, что должно было быть сделано путем поддержки растущих инициатив низов и присоединения шведских профсоюзов. Так, весной 1946 г. были созданы в Гётеборге, Евле, Норрчёпинге, в Лунде, Мальмё и Хельсинборге объединились весной 1946 года. В каждом из них организовывались различные секции (книг, кино, архитектуры), поскольку считалось, что это привлечет шведскую культурную элиту. Подавляющее число членов Общества входило в стокгольмскую организацию. Мероприятия, проводившиеся в нем (как правило, приуроченные к советским праздникам) вызывали скромный интерес. Беспокоило советскую сторону и

³⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 80. Д. 1268. Л. 74–78.

то, что некоторые из членов Общества оказывались англо-американски ориентированными. Тревожным сигналом стало то, что с поста председателя Стокгольмского общества уже в 1946 г. ушел Эйнар Теген³⁹. Заместитель председателя графиня Черстин Гамильтон была больна, а адвокат Георг Брантинг согласился только временно исполнять обязанности заместителя председателя. Значимых кандидатур на заполнение вакансии на горизонте видно не было. В начале 1947 г. Общество в Стокгольме получило нового председателя — социал-демократа Карла Альберта Андерссона, главу городского совета Стокгольма, однако какой-либо активности новый председатель не проявил.

В ВОКС пытались придать динамику деятельности Общества, прибегая к посылке пропагандистских материалов о СССР и его культуре, организации выставок и демонстрации советских фильмов. В ВОКС считали, что самой весомой причиной, по которой шведско-советские общества не смогли увеличить число своих членов, было культурно-пропагандистское присутствие США и Великобритании в Швеции. В ВОКС признавали, что членами Общества в основном были коммунисты, и уже в 1947 г. это стало для организации серьезной проблемой: внутриполитическая ситуация 1947 г. в Швеции, фактический отказ шведского правительства от политики наведения моста между Западом и Востоком создавали крайне неблагоприятные условия для работы Общества. Неэффективность самого ВОКС негативно сказывалась и на Обществе Швеция — Советский Союз. Также в Норрчёпинге, шведско-советское общество проявляло пассивность после ухода председателя правления⁴⁰. Кадровые потери в ВОКС склонны были объяснять желанием

³⁹ Карл Эйнар Сакариас Теген (1884–1965) — шведский философ и социолог. В 1931–1937 гг. был профессором практической философии в Лундском университете, а в 1937–1951 гг. в Стокгольмском университете. В 1940–1942 гг. он занимался социально-психологическими исследованиями в США. В 1943–1946 гг. — председатель общества «Швеция — Советский Союз», в 1943–1951 годах — председатель Комитета сотрудничества по демократическому строительству (*SDU*). После 1946 г. резко отдалился от Советского Союза.

⁴⁰ Год спустя, в ноябре 1948 г. в беседе с лидером компартии Свеном Линдерутом И. С. Чернышев коснулся вопроса о работе шведско-советских обществ в Стокгольме, Мальмё, Норрчёпинге и Евле, сказав, что еще в 1946 г. вопрос о работе этих обществ специально обсуждался во время беседы у главного редактора «Ню даг» Юханссона в

людей «избежать преследования со стороны реакционной прессы и буржуазных кругов», но эта же причина служила препятствием для заполнения вакансий. Иногда складывалась критическая ситуация: по случаю 30-летней годовщины Октябрьской революции не удалось найти шведов, желающих выступить по этому поводу. Посольство было вынуждено направить своих сотрудников для произнесения речей⁴¹.

В 1946–1947 гг. между СССР и Швецией состоялся обмен делегациями, который с точки зрения руководства ВОКС имел положительный пропагандистский успех. Впрочем, эта оценка могла быть и завышенной. 10 апреля 1947 г. первый заместитель заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б) А. С. Панюшкин направил А. А. Жданову и А. А. Кузнецову докладную записку «О пребывании группы шведских журналистов в СССР». Речь шла о продолжительной, с 24 января по 12 февраля, поездке в СССР (Москва, Харьков, Тбилиси, Ленинград) группы шведских журналистов, представлявших коммунистическую, социал-демократическую и либеральную прессу Швеции: «Из имеющихся в нашем распоряжении материалов следует, что шведские журналисты, исключая главного редактора коммунистической газеты “Ню даг” Юханссона, приехали в Москву с предвзятым мнением о Советском Союзе. Это мнение в основном сводилось к следующему: для занятия ответственного поста и получения образования в Советском Союзе необходима принадлежность к коммунистической партии; в Советском Союзе можно увидеть лишь то, что власти сочли нужным показать; Советский Союз отвергает всю культуру буржуазных стран; Советский Союз продолжает работать на военные нужды; в СССР отсутствует свобода творчества, свобода печати; в Советском Союзе имеются предпосылки для возникновения класса буржуазии». Однако,

присутствии членов политбюро и ЦК компартии, обещавших принять меры к тому, чтобы шведско-советские общества стали массовыми, однако до сих пор эти общества остаются малочисленными и по существу никакого значения не имеют, а в Гётеборге общество вообще прекратило свое существование. Среди членов Общества очень много эмигрантов и разного рода подозрительных людей. (См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 77. Д. 1090. Л. 15–16).

⁴¹ Wenel O. Sovjetunionen och svenska vänsällskap 1945–1958. S. 91.

«вынужденная остановка в Харькове и вызванная этим задержка в городе, а затем продолжение поездки в Грузию поездом способствовала окончательному опровержению того мнения, что в СССР можно увидеть только то, что власти сочтут возможным показать». При этом, «обычно шведские журналисты в беседах и в своих выступлениях по советскому радио уклонялись от прямых ответов и обязывающих высказываний. Однако очевидно, что столкновение с советской действительностью заставило их пересмотреть свое мнение о многих сторонах жизни Советского Союза».

Хотя А. С. Панюшкин подчеркивал, что выступления в шведской прессе побывавших в СССР журналистов не носили враждебного Советскому Союзу тона, в ряде случаев они не были лишены тенденциозных отступлений⁴². Так, Карл-Адам Нюокоп (издатель либеральной «Экспрессен») «в положительной статье от 19 февраля о советских детях и молодежи сделал следующие отступление: “Правда, здесь нет той критики и индивидуальной направленности, как, например, в Швеции, где молодежь имеет возможность развивать свои собственные суждения и свой вкус, жить своей собственной жизнью другим образом, чем дети в Советском государстве”. А в своей статье редактор газеты “Афтонбладет” Эк, посетивший избирательные участки в Ленинграде, пишет: “Нас спрашивают, нравится ли нам избирательная система? Мы вынуждены ответить, что мы считаем нашу систему лучше, поскольку мы не можем понять, что выборы в России являются действительно демократическими, полностью свободными выборами”. Демагогически выглядят ряд положений в некоторых статьях Эльвинга в “Моргон тиднинген”. Он проводит мысль о том, что условия в СССР хороши лишь на фоне унаследованной им от царской России отсталости. 16 февраля Эльвинг выдвинул утверждение о том, что “советское общество носит на себе явный

⁴² С. Базаров (советник посольства), направляя 5 марта 1947 г. обзор шведской прессы, писал, что *Göteborgs Handels Tidningen* считала поездку несколько мистической, ибо не известно, по чьей инициативе журналисты едут. А в обзоре прессы, посланном в Москву 9 апреля 1947 г., он в отличие от Панюшкина констатировал, что статьи членов шведской журналистской делегации были положительны по отношению к СССР и «составили большую пользу в деле сближения между СССР и Швецией» (АВП РФ. Ф. 0140. Оп. 38. П. 142. Д. 17. Л. 24, 55).

отпечаток нового деления на классы, в некоторых отношениях более глубокого, чем у нас. В то время, как массы рабочих должны довольствоваться прожиточным минимумом в 200-300 руб. в месяц на человека, другие и рабочие и интеллигенты платят в ресторанах тысячи рублей или покупают товары в коммерческих магазинах по фантастическим ценам". В статье от 23 февраля он делает следующий вывод из своей поездки в СССР: "Шведская социал-демократия может спокойно сказать, что ее путь к социализму не будет похож на путь, навязанный России безумием ее правящей клики, приведшей страну к банкротству в конце первой мировой войны. Шведская социал-демократия непоколебимо идет путем демократического социализма, получая мандаты в качестве своего узаконения путем свободных выборов"»⁴³.

Стоит отметить, что в рассматриваемый период ни ВОКС, ни советские дипломаты не уделяли сколько-нибудь значимого внимания созданному в 1945 г. Шведскому институту (*Svenska institutet*), официальной задачей которого было развитие международного сотрудничества и создание положительного имиджа Швеции, а одной из форм деятельности — организация культурного обмена. Советская сторона не предполагала, что уже в 1948 г. эта организация (официальное число сотрудников — 25 человек) фактически станет концентрировать и контролировать культурные обмены Швеции. От попыток установить со Шведским институтом сотрудничество ВОКС самоустранилось, поскольку считало руководство института симпатизирующими США и Англии. Руководство ВОКС хотело, чтобы культурные контакты между Швецией и Советским Союзом осуществлялись только через общество «Швеция — Советский Союз»⁴⁴. Можно с большой вероятностью предположить, что этот подход диктовался не только политической ангажированностью руководства Шведского института, но и совокупностью других факторов — скромные финансовые ресурсы, шпиономания, котораяказывалась даже на отношении к поездкам в СССР шведских коммунистов, и др. Итогом этого стало то, что в 1947 г. в СССР побывали только три делегации из Швеции.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1108. Л. 143–146.

⁴⁴ Wenel O. Sovjetunionen och svenska vänsällskap 1945–1958. S. 93.

Хотя в 1948 г. и наметилось некое оживление в сфере культурных обменов, однако и год спустя, на открытии в апреле 1949 г. кинофестиваля советских фильмов в Гётеборге, вице-президент шведско-советского общества Харри Карлссон в беседе с атташе советского посольства В.Петропавловским сказал: «...учитывая, что советское посольство еще не выдает визы для туристических поездок с учебной целью в СССР, и шведы систематически пытаются клеветнической антисоветской пропагандой, большое значение будет иметь приезд в Швецию отдельных советских деятелей культуры и искусства, адвокатов, врачей и инженеров с небольшими докладами... в то же время аналогичные доклады, устраиваемые шведами, не привлекали и не привлекут внимания шведской публики, потому что публика под влиянием буржуазной пропаганды считает, что с такими докладами выступают коммунисты, которые никогда в Советском Союзе не были, сами докладчики знают не больше, чем любой другой швед». Карлссон настаивал на приезде в Швецию «небольшого театрального или хореографического коллектива (не обязательно столичного), отдельных певцов и артистов, а также советских физкультурников»⁴⁵.

Нетрудно свести причины сдержанного отношения различных советских ведомств к расширению контактов с Швецией в сфере культуры и спорта к ограниченности финансовых ресурсов, вынуждавших перенаправлять их на те страны, которым отдавался приоритет, к нараставшей настороженности к поддержанию таких контактов. Можно предположить, что упомянутые выше масштабы «англосаксонской культурной экспансии» в Швеции могли реалистично оцениваться в Москве, что не особо способствовало благожелательному восприятию инициатив посольства в Стокгольме.

Однако свою роль сыграли и другие обстоятельства, вызывавшие к концу рассматриваемого периода нарастание негативного отношения к СССР в шведском обществе. Не последнюю роль с этим сыграли события, связанные с несколькими судебными процессами в отношении отказавшихся от

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 047. Оп. 9. П. 89. Д. 115. Л. 115.

возвращения в СССР нескольких интернированных советских военнопленных, а также исключительная настойчивость советской дипломатии в решении вопросов возвращения в СССР советских граждан прибалтийских республик.

Список литературы

1. Bäckström M. Striden om biosalongerna. Folkbiografer eller privata biografer på Folkets Hus // Arbetarhistoria. 2005. Nr 4. S. 25–30.
2. Hjort M., Molin K., Johansson A. W., Lampers L. O. Övervakningen av “SKP-komplexet”: Forskarrapport till säkerhetstjänstkommissionen. SOU 2002:93. Stockholm: Fritzes, 2002. 270 s. URL: <https://opo1.no/Sakerhetstjanstkommissionen/Overvakningen%20av%20SKP-komplexet%20del2.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).
3. Petersson B. Med Moskvas ögon: bedömningar av svensk utrikespolitik under Stalin och Chrusjtjov. Stockholm: Arena, 1994. 175 s.
4. Wenel O. Sovjetunionen och svenska vänsällskap 1945–1958. Sällskapen Sverige-Sovjetunionen som medel i sovjetisk strategi. Umeå: Umeå universitet, 2005. 211 s.

RUPASOV Alexander I.

St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences
Russia, St. Petersburg
[rupasov ai@mail.ru](mailto:rupasov_ai@mail.ru)

LIMITED OPPORTUNITIES FOR SOVIET DIPLOMACY IN USING CULTURAL CONTACTS TO DEVELOP RELATIONS WITH SWEDEN: 1945–1947

Abstract: In 1943, former People's Commissar for Foreign Affairs Maxim Litvinov proceeded from the assumption that at least some of the Scandinavian states might fall within the Soviet sphere of influence. The illusoriness of achieving this goal became apparent by the end of the World War II. At the same time, the evident growth of interest and, in part, sympathy for the Soviet Union in Swedish society offered hope for the development of Soviet-Swedish relations. Apparently, maintaining this interest, let alone strengthening it, was not considered to require significant financial expenditures. This was partly explained by the fact that such expenditures were not a priority due to the limited Soviet resources. Unlike the USSR, its allies in the anti-Hitler coalition had launched a broad campaign in Sweden before the end of the war, encompassing all

spheres of cultural interaction. Soviet diplomacy failed to counteract this campaign. Relying solely on the increased international authority of the USSR proved insufficient.

Keywords: Sweden, USSR, 1940s, diplomacy, culture, influence, society

For citation: Rupasov A. I. Limited Opportunities for Soviet Diplomacy in Using Cultural Contacts to Develop Relations with Sweden: 1945–1947 // *Studia Nordica*, 2025, no. 1, pp. 34–55. DOI: 10.17076/sn2

References

1. Bäckström M. Striden om biosalongerna. Folkbiografer eller privata biografer på Folkets Hus. *Arbetarhistoria*, 2005, no. 4, pp. 25–30.
2. Hjort M., Molin K., Johansson A. W., Lampers L. O. *Övervakningen av "SKP-komplexet": Forskarrapport till säkerhetstjänstkommissionen*. SOU 2002:93. Stockholm, Fritzes, 2002. 270 p. Available at: URL: <https://opo1.no/Sakerhetstjanstkommissionen/Overvakningen%20av%20SKP-komplexet%20del2.pdf> (accessed September 11, 2025)
3. Petersson B. *Med Moskas ögon: bedömningar av svensk utrikespolitik under Stalin och Chrusjtjov*. Stockholm, Arena, 1994. 175 p.
4. Wenel O. *Sovjetunionen och svenska vänsällskap 1945–1958. Sällskapen Sverige-Sovjetunionen som medel i sovjetisk strategi*. Umeå, Umeå universitet, 2005. 211 p.

КУЗЬМИН Денис Викторович

Независимый исследователь
Финляндия, Хельсинки
kusmiccu@hotmail.com

МУЛЛОНЕН Ирма Ивановна

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
Россия. Петрозаводск
mullonen@krc.karelia.ru

ИНТЕГРАЦИЯ РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ИМЕНОСЛОВА В КАРЕЛЬСКОЕ БЫТОВАНИЕ

Аннотация. В статье прослеживается процесс формирования карельского христианского антропонимикона в его связи с каноническими и народными формами русского православного именника. Показано, что после принятия православия в 1227 г. карельский дохристианский именник постепенно сменяется православным. При этом в карельском бытовании закрепляются русские мирские формы от адаптированных календарных личных имен, модификаты которых распространены на смежной русской территории. Образование последних происходило преимущественно путем усечения основ: *Грига* (Григорий), *Пента* (Пентелей), которые оформлялись нередко суффиксами (*Гриша*, *Грихно*, *Гриня*). Переходя в карельское бытование, они, с одной стороны, сохраняли некоторые русские диалектные особенности, с другой, подвергались существенной карельской фонетической обработке. В статье обозначены основные позиции фонетической адаптации русского именослова. В ходе интеграции происходила также морфемная адаптация. Выявлен набор прибалтийско-финских суффиксов, которые, присоединяясь к антропонимической основе, выполняют социальную и уменьшительно-ласкательную функцию.

Источником материала служит картотека многолетних полевых сборов антропонимии. Привлечены также данные по карельским фамилиям и топонимам, в которых законсервировались многие уже вышедшие из активного бытования варианты имен. Использовались и данные писцовых и переписных книг XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Карелия, карельский язык, антропонимия, христианские имена, языковые контакты, фонетическая и морфемная адаптация

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания ИЯЛИ КарНЦ РАН «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России в условиях цифровизации научных знаний», № 124022000089-4.

Для цитирования: Кузьмин Д. В., Муллонен И. И. Интеграция русского христианского именослова в карельское бытование // Studia Nordica. 2025. № 1. С. 56–83.
DOI: 10.17076/sn3

Статья написана в рамках подготовки к 800-летию крещения карелов. Крещение, состоявшееся в 1227 г., привело к постепенному вытеснению традиционного карельского именника православным, воспринятым из

русского языка. При этом, не имея официального статуса, карелоязычные формы опирались на народные варианты календарных имен, бытовавшие в русской среде, в территориально смежных русских диалектных ареалах. Их усвоение сопровождалось значительной трансформацией звукового облика, а также суффиксальной обработкой.

Материал и история его исследования

Первые исследования христианского именослова карелов были предприняты в середине XX века финляндским исследователем Вильё Ниссиля, который обратился к ним прежде всего как к строительному материалу для ойконимов, бывших специальным предметом его внимания. Им подготовлено несколько важных публикаций¹, в которых впервые предложены этимологии десятков наименований населенных мест Карелии, ставшие уже классическими: карельское название села Пряжа *Teru* он связал с карельским христианским именем *Tero*, или *Teroi*, восходящим, в свою очередь, к русскому *Терентий*, соответственно в основе названия села *Dessoilu* (в русском звучании *Эссойла*) он реконструировал карельский антропоним *Jessu* ~ *Dessu* из русского *Ефим*² и т. д. Одна из последних работ В. Ниссиля — это список карельских христианских имен с русскими параллелями³. Он отражает удивительное разнообразие карельских народных вариантов православных имен. Мужское имя *Михаил* зафиксировано в материалах В. Ниссиля почти в 30 вариантах (*Mihki*, *Miihkali*, *Miikoi*, *Mikka*, *Mikišä*, *Mišukka* и др.), *Василий* почти в десяти. Многие из отмеченных в этом материале вариантов имен уже вышли из активного употребления, так что В. Ниссиля на самом деле сохранил для науки и истории один из элементов традиционной карельской культуры.

Среди российских исследователей одним из первых внимание на христианские имена карелов обратил А. И. Попов в связи с анализом

¹ *Nissilä V. Venäläisperäisiä henkilönnimiä Itä-Karjalan paikannimistössä* // Virittäja. 1943. Nro 1. S. 46–78; *Nissilä V. Lisiä venäläisperäisiin henkilönnimiin Itä-Karjalan paikannimistössä* // Suomi. Kirjoituksia isänmaallisista aiheista. 1947. Osa 104. S. 1–40; *Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistössä* // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. Vol. 72. S. 239–275; *Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö*. Joensuu, 1975.

² *Nissilä V. Venäläisperäisiä henkilönnimiä Itä-Karjalan paikannimistössä*. S. 74, 59

³ *Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö*. // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran Toimitteita I. Helsinki, 1976. S. 43–172.

материалов писцовых книг XV–XVI веков, которые содержат обширные списки крестьян — плательщиков налогов⁴.

В Карелии начало сбору карельской антропонимии положил в 1960-х гг. В. Лескинен⁵, а в следующие десятилетия работу продолжили Н. Н. Мамонтова и И. И. Муллонен. Накопление антропонимических данных и их анализ происходили по-прежнему в контексте топонимических изысканий. В это время были установлены истоки ряда вепсских и карельских исторических ойконимов, образованных от антропонимов — как народных вариантов календарных имен, так и имен традиционного прибалтийско-финского антропонимикона⁶. Собственно антропонимические исследования, как и сбор полевых данных, планомерно ведутся с конца XX в. Д. В. Кузьминым. В области христианского именослова проведена инвентаризация карельских православных имен, выявлены многочисленные карельские народные варианты православных имен⁷. Некоторые наработки представлены также в неопубликованной кандидатской диссертации О. Л. Карловой⁸.

Источником для анализа карельских христианских имен стала прежде всего картотека многолетних полевых сборов антропонимии. Следует, однако, признать, что многие традиционные карелоязычные формы христианских имен вышли из употребления — как в связи с процессом постепенной ассимиляции карельского населения, так и с распространением, особенно со второй половиной XX в., новых и с утратой целого ряда традиционных канонических имен. Поэтому для реконструкции более полной системы привлечены фамилии карелов — как официальные, так и бытующие в деревенской среде т. н. уличные, в основах которых нередко сохраняются имена предков, родовые патронимы. Богатый источник карельского

⁴ Попов А. И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. С. 46—66.

⁵ Лескинен В. Т. Карелы // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 157—160.

⁶ Древний Олонец / Науч. ред. С. И. Кочкуркина]. Петрозаводск, 1994; Муллонен И. Очерки вепсской топонимии. Петрозаводск, 1994. С. 95—102.

⁷ Кузьмин Д. В. Христианские имена карелов // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2. С. 56—86.

⁸ Карлова О. Л. -L-овая модель в топонимии Карелии: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004.

христианского именослова — топонимия. Это прежде всего названия поселений (оиконимы), в которых законсервировались имена их основателей, нередко история глубиной в несколько столетий. Наконец, исключительно важный материал содержится в исторических источниках — писцовых и переписных книгах, актовых материалах, грамотах. При этом следует учитывать, что в официальных документах, описывающих население сугубо карельских поселений XVI–XVII в. — в силу самого характера источника — имена карелов записаны, как правило, в официальной или близкой к ней русской форме, что иногда создает неверное впечатление о языковой и этнической принадлежности их носителей. Карелизированные формы календарных имен — исключение. Карелы именуются в материалах писцового дела — наиболее массового источника антропонимов — русскими народными гипокористическими формами, абсолютно идентичными тем, которые присутствуют в аналогичных списках жителей русских поселений. Неким маркером карельских этнических корней носителя имени являются иногда патронимы, выступающие в связке с личным именем и имеющие безусловные карельские источники. Среди жителей Олонецкого погоста названы Петрок *Vачюев* (карел. *Vačju* ‘Василий’), Гришка Иванов *Ганголя* (прозвище *Hangorjä*: карел. *hangorjä* ‘раздвоенная голова’), Родивонко *Тюкиев* и Гришка *Тюкуев* (карел. прозвищное именование *Tukkij: tykkij* ‘толстый, жирный’), Якуш Васильев *Онгюева* (*Ongju* ‘Анисим, Аникий’), Фетка *Варзакин* (видимо, нехристианский антропоним *Varzakka*, в котором *varža* ‘жеребенок’, оформленный характерным для традиционного карельского именослова формантом *-kka*) и др.⁹

Карельские дохристианские имена

До принятия христианства у карелов, как и у прибалтийских финнов сопредельных территорий, существовала дохристианская система личных имен. Исследователи полагают, что она имела общие доприбалтийско-финские источники и включала ограниченное число двухосновных личных имен (*Mielivalta, Kaukomielii, Himavalta, Ihamieli, Montaneuvu* и др.) и их кратких вариаций

⁹ Писцовые книги Обонежской пятины: 1496 и 1563 гг. / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. С. 62–69.

(*Miel, Valta, Kauko, Hima, Monta* и др.), оформленных нередко суффиксами (*Mielitty, Valtari, Kaukoi, Himačči, Montonen*)¹⁰. Высказано предположение о том, что традиционный прибалтийско-финский именослов состоял из 23 древних именных основ, выступавших в разных комбинациях¹¹. Но кроме этого он включал большое число именований отапеллятивного типа (название представителей мира фауны, имена, связанные с обстоятельствами рождения ребенка, охранительные имена, имена-благопожелания и др.). Провести границу между дохристианскими личными именами и прозвищами затруднительно.

Редкие разрозненные сведения о традиционных карельских именах с прибалтийско-финскими корнями сохранились в письменных источниках, наиболее ранние из которых относятся к Новому времени, когда уже произошел решающий перелом в пользу христианского именослова, во всяком случае — на официальном уровне. Самые ранние свидетельства из Северного Приладожья, относящиеся к рубежу XIV–XV вв., сохранили берестяные грамоты (*Игала, Кавкагала, Гювиев сын, Мундуй, Вармин сын*)¹². Несколько более развернутый список содержат материалы писцового дела, государственные и частные акты XV–XVI вв. В писцовой книге Водской пятины 1500 г. упоминаются Степанко да Онкифко *Игаловы, Иголка Ивашков* (Иломаньский пог.), *Игандуй Захаров* (Кирьяжский пог.), в которых древнее прибалтийско-финское личное имя **Iha* оформлено суффиксами: **Ihala, *Ihanda* ‘восхитительный, красивый’. В структуре именования *Новзейко Гандуев* (Кирьяжский пог.) **Novzjja* из карел. *poizjja* ‘ тот, кто растет, взрослеет’, а патроним *Гандуев* — это искаженное *Игандуйев*, в котором утвердилось имя **Ihanda* (см. выше). *Ускал Ивашков* (Соломянский пог.) и *Ускалик* сын Васька

¹⁰ *Kiriniemi E.* Rakkaan lapsen monet nimet. Suomalaisten etunimet ja nimivalinta. Espoo, 1982.

¹¹ *Stoebke D.-E.* Die alten ostseefinnischen Personennamen in Rahmen eines urfinnischen Namenssystems. Hamburg, 1964. S. 130–135, 140.

¹² Хелимский Е.А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 252–259; Sarikivi J. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North / Ed. by J. Nuorluoto. Helsinki, 2007. (Slavica Helsingiensia, 32). P. 196–246.

Ивашкова (Сердовольский пог.)¹³ сохраняют память о приб.-фин. антропониме **Uskali*, которое принято возводить к апеллятивному гнезду *uskaltaa* ‘сметь, осмеливаться’¹⁴, хотя карельские языковые данные позволяют предложить для него и другие источники, уместные в контексте мотивации: карел. *uskali* ‘находящийся на попечении, на воспитании’. Нехристианские имена, были, видимо, достаточно широко известны еще в середине XVI в. В связи с этим показательна грамота новгородского архиепископа Феодосия 1548 г., где отмечается, что в Водской пятине, частью которой был Корельский уезд, местные знахари «нарицают младенцов свойскими именами»¹⁵. Источники того времени говорят о сосуществовании христианского и нехристианского имен, которые имели соответственно официальное и семейное бытование. Один и тот же человек в разных документах мог именоваться *Kutsa Simanass(on)* (1590) и *Iwan Simanoff* (1618)¹⁶, *Коккой Сидоров* (1637)¹⁷ и *Petruska Sidoroff* (1631)¹⁸, *Kätko Häurief* и *Якушко Гяврюев* (1637)¹⁹ и др. Как и в русской традиции, с переходом на христианский именослов прежние нехристианские карельские имена продолжали использоваться как внутрисемейные обиходные прозвания. Видимо, традиция давать ребенку в дополнение к официальному крестильному имени еще одно, некрестильное, или мирское, удерживалась в карельской среде, как и в русской практике, вплоть до XVII в., а возможно, и дольше. Об этом свидетельствуют многочисленные следы карельского нехристианского именослова в современных фамилиях — как наследие патронимов, т. е. родовых именований, сохраняющих межпоколенческую преемственность. При этом далеко не всегда в этом массиве некрестильных имен удается провести границу между собственно личными именами и внутрисемейными мирскими именами и собственно прозвищами.

¹³ Переписная окладная книга по Новугороду Весьской пятине 7008 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 12. С. 125, 135, 154, 173, 175, 185.

¹⁴ *Nissilä V.* Vuoksen paikannimistö. I. Helsinki, 1939. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 214). S. 377.

¹⁵ Письменные известия о карелах / Сост. С. И. Кочкуркина, А. М. Спиридонов, Т. Н. Джаксон. Петрозаводск, 1990. С. 68.

¹⁶ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 273, 364.

¹⁷ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. II. Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г. Йоэнсуу, 1991. С. 702.

¹⁸ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. 1987. С. 526.

¹⁹ Там же. С 229, 660.

Память о древних личных дохристианских именах сохранилась и в топонимии, особенно в именованиях населенных мест. Несколько примеров: дер. *Лембачево* в составе пос. Шуя: Lembačču в значении ‘любимый’, пос. Гимолы — карел. *Himol'a* (Муез.): *Himo*, *Himoj* ‘желанный, ожидаемый (ребенок)’, д. Ушканы — карел. *Uškali* (Муез.): **Uškali* (см. выше), дер. *Игаккала* — карел. *Ihakkal*, *Игатчала* — карел. *Ihaččal* (Олон.): *Ihakka*, *Ihačča* от *iha* ‘красивый, хороший’, *Виллейтула* — карел. *Vil'l'oitul* (Олон.): *Vil'l'oittu* ‘имеющий достаток, богатый’ и др.

При этом многие сотни ойконимов основаны на антропонимах, которые можно квалифицировать как прозвище.

После принятия христианства традиционный ономастикон карелов существенно обновился. Дохристианские личные имена начинают постепенно выходить из употребления, а их место заняли имена христианских апостолов и святых, пришедшие из древнерусского православного именника. Наиболее ранние примеры бытования их в карельской среде сохранили берестяные грамоты и актовые материалы XIV в.

Далее предложен краткий экскурс в историю становления христианского именослова на Руси, необходимый для понимания формирования карельского православного именника.

Становление православного именника на Руси

Принятие христианства в качестве официальной религии сопровождалось внедрением христианского именослова. Переход на него знаменовал новую идеологию имянаречения по сравнению с традиционным. Право давать имена перешло церкви, которая проповедовала тесную связь человека со святым, именем которого он назван. Святой является его «небесным покровителем», заступником и защитником, а крестильное имя должно было мотивировать ребенка подражать тому святому, в честь которого он был назван²⁰.

Список первоначальных календарных имен домонгольского периода (XI–XIII вв.), судя по публикации миней того времени, предпринятой

²⁰ Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М., 1998.

И. И. Срезневским, включал 330 мужских и 64 женских имени. На протяжении нескольких следующих веков православные крестильные имена мирно уживались с некалендарными мирскими именованиями. Однако в XVII в. ситуация начала меняться. Некрестильные имена были объявлены языческими, а крестильные — единственными возможными. Происходит резкое увеличение числа календарных имен, совпавшее с церковной реформой. В хождении оказались две канонические традиции употребления форм христианских имен: великорусская, в которой имена были уже освоены русским языком (*Егорий*, *Егор*) и церковнославянская (*Георгий*). Сторонники старой веры не приняли новое написание и сохранили старые канонические формы²¹, что нужно иметь в виду при анализе карельского христианского именослова.

Для понимания формирования карельского христианского ономастикона важно учесть, что календарные имена подвергались фонетико-морфологической адаптации, в результате чего рождались народные формы, упрощавшие произношение и добавлявшие новые семантические смыслы. Эти народные преобразования имен в специальной литературе обозначаются терминами «типокористики», «квалитативы» или «модификаты»²². Данный процесс можно проследить уже в источниках древнерусского времени²³, где сокращенные несуффиксальные имена, такие как *Грига* (Григорий), *Ера* (Ермил), *Коста* (Константин) и другие, представляют собой особый тип словообразования в системе модификаторов. В документах XII–XV вв. можно найти разнообразные примеры таких имен, включая *Перха* (Перхурий), *Дема* (Демьян или Дементий), *Пента* (Понтелеймон > Пентелей), *Юра* (Георгий), *Ларя* (Ларион), *Меля* (Мелентий), *Ортия* (Ортем < Артемий), *Харя* (Харитон) и

²¹ Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен: (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М., 1969. С. 195.

²² Камлева Н. В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI–XVII вв.: дис. канд. филол. наук. Вологда, 2004. С. 219–220.

²³ Толкачёв А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки // Этимология 1973. М., 1975. С. 79–121; Толкачёв А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имён греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // Историческая ономастика. М., 1977. С. 72–130.

десятки других. Значительно более развернутый вид имеет ряд суффиксальных образований от этих основ. Среди популярных суффиксов -*к(о)* (*Сидко, Спирко, Климко, Павко*), -ак (*Петрак, Силак, Ермак, Спиряк, Мишак*), -*х(а)* (*Пвоха* ← Иона, *Мелеха, Перха, Тимоха*), -*хн(о)* (*Грихно, Махно* ← ?Мануил, *Олехно*), -*ш(а)* (*Гриша, Иваша, Миша, Паша, Орша* ← Ортемий), -*н(я)* (*Ганя, Еня* ← Есип < Осип, *Проня*) и др. Большинство из них активно использовалось еще в дохристианском именослове (*Третьяк, Белохно, Домаша, Вышения* и др.), откуда и перешло в христианский.

Интеграция русских личных имен в карельское употребление

В основе большинства разговорных личных имен карелов лежат не канонические русские крестильные имена, а их мирские варианты, бытовавшие и отчасти еще бытующие на смежной русской в языковом отношении территории и испытавшие влияние фонетико-морфологической системы северорусских (в Карелии) и среднерусских (в Тверской области) говоров. К сожалению, несмотря на определенный исследовательский интерес к диалектным вариантам русских календарных имен, материал этот все же и собран, и исследован лишь фрагментарно. Поэтому в целом ряде случаев сложно установить, появился ли сокращенный вариант имени в русской практике и был в таком виде адаптирован в карельское бытование, или же усечение произошло только на карельском этапе. Судя по спискам антропонимов, дошедшим из документов древнерусского (XII–XIV вв.) и старорусского (XV–XVII вв.) периодов, усеченные основы (в самостоятельном использовании или оформленные суффиксами) были многочисленны. Это позволяет полагать, что в таком виде они проникли и в карельский именник, иначе говоря, сокращение (может быть, за исключением отдельных случаев) произошло уже в языке-источнике, т. е. русском.

Карельский православный именник демонстрирует удивительное многообразие народных вариантов календарных имен. Особенно многочисленны модификаты наиболее популярных в народной среде имен. Наглядный пример — около сотни таких номинаций от канонического

мужского имени Иван²⁴: Čonkku, Čonsku, D'ava, D'erana*D'ukki, Iba, Ibi, Ibo, Ibu, Ibukka, Iha*, Ihannus, Ihanus, Ihanti, Ihoi*, Iibo, Iikka, Iikki, Iin'a, Iipi, Iipoi, Iippi, Iipu, Iiputti, Iissu, Iitti, Iiva, Iivacču, Iivakka, Iivakko, Iivana, Iivari*, Iivatta, Iivatti, Iivi, Iivikki, Iivo, Iivoi, Iivu, Iivukki, Iivuli, Iivuška, Iirutti, Iivučči, Intu, Ipa, Ipitti*, Ipka, Ipoi, Ippi, Ippo, Ipu, Isoi, Išoi, Iši*, Išu, Išukki*, Išukka, Išukki, Išukku, Iušoi, Iutti*, Iva, Ivačču, Ivakko, Ivan'oi, Ivančča, Ivanti*, Ivanuška, Ivaške, Ivaški, Ivaško, Ivašši, Ivoi, Iivukki, Janne, Janus*, Java, Javana, Јерукки, Jonne, Jonsku, Jovana, Jubana*, Juho, Juka*, Jukki, Juko, Juppi*, Juška, Juško, Jussi, Jussi, Juva, Juvakka*, Juvana, Juvani, Juvo, Juvoi, Jöčy, Van'a, Van'ka, Van'kka, Van'kossu, Van'n'u, Van'oi, Van'u, Van'uša, Van'ušku, Vana, Vanča, Vanču, Vani, Vankka, Vanni, Vannu, Vanoi, Vant'a*, Vantka.

Фонетическая адаптация

В фонетической адаптации можно выделить два основных типа изменений:

Первый — фонетические черты, отражающие особенности смежных русских говоров. Наиболее яркими среди них являются следующие:

1. «Оканье», т. е. произнесение -o- на месте -a-:

Карельский вариант	Севернорусский вариант	Церковное имя
Obakka	Обакон	Аввакум
Ohto(i)	Овтоном	Автомон
Ovaška	Офанасий	Афанасий
Ogi	Окулина	Акулина
Okki, Ogoššu	Огафья	Агафья
Okšu	Оксинья	Аксинья
Ol'o	Олександра	Александра

Впрочем, параллельно представлены и варианты без лабиализации²⁵: Alekki — Алексей, Arču — Артемий, Anšu — Анисья, As's'o — Анастасия, Aša — Анна. Более того, наблюдается и обратное явление — функционирование

²⁴*звездочкой отмечены реконструкции от фамилий и топонимов.

²⁵Это могло быть вызвано и влиянием записи, представленной в святыцах.

гласного *a* на месте исходного *o*. В результате нередко -*a*- и *o*-варианты сосуществуют: *As(s)ip̄pa* и *Ossip̄pa* < *Osin*, *Drahima*, *Trobima* < *Трофим*, *Hama*, *Homa* < *Фома*, *Hatti*, *Hotti* < *Фотий*, *Havana*, *Hovana* < *Фофан*. Истоки этой непоследовательности в исходной русской системе, где тоже отмечаются вариативность и непоследовательность употребления инициальных *a* и *o*, связанные, видимо, с развитием аканья на Руси (неударный *o* стал произноситься близко к *a*), гиперкоррекцией при письменной фиксации, межслоговой ассимиляцией²⁶.

2. Иная огласовка *e*. Из русского православного именника воспринят широко известный в нем переход *e* в *o*, как в начале, так и внутри слова, имеющий глубокие исторические корни: *Houri* — *Феврония*, *Jouhki*, *Jouhko* — *Ефим(ий)*, *Oftmja*, *Ofrima* — *Ефрем*, *Omena*, *Ommi* — *Емельян*, *Outi* — *Евдокия*, *Polu* — *Пелагея*, *Torana* — *Степан*.

В карельских говорах есть также некоторые примеры, отражающие субSTITУЦИЮ русского *e* в виде *a* и *i*, за которыми стоят северорусские диалектные оригиналы, вызванные особенностью звучания ‘*e*’ в позиции после палатализованного согласного в виде *u* или ‘*a* [я]’: *Sirkei* — *Сергей*, *Simana*, *Simppi* — *Семен*, *Pirhina* — *Перфирий*; *D'agori* — *Егор*, *Jarassima*, *Garassi* — *Герасим*. Случай типа *Faru* — *Ферапонт*, *Savo* — *Севастьян*, видимо, опосредованы межслоговой ассимиляцией гласных.

3. В силу отсутствия в русской фонетической системе характерных прибалтийско-финских переднерядных гласных *ä*, *y*, *ö* карельские православные имена характеризуются заднерядным вокализмом. Карельские формы с переднерядным вокализмом единичны и являются следствием наличия передних гласных (*u*, *e*): *D'erimä* — *Еремей*, *Jermilä* — *Ермил*, *Säitäkkä* — *Семен*, *Ägräkkä* — *Агринна*, *On'ek(k)ä* — *Аникей*.

²⁶ Гвоздева Е. А. К вопросу о фонетической адаптации мужских календарных имен в великорусской деловой письменности XIV–XVI вв. // Лексика русского языка и ее изучение. Рязань, 1988. С. 99–100; Ганжина И. М. Вокалическая субSTITУЦИЯ в области христианских русских имен: гласные в начале слова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 1. С. 142.

4. Среди более частных процессов русская альтернация *n ~ m* или *r ~ l*, воспринятая и карельскими православными формами имен: *Mikoi* — *Мика* (*Николай*), *Mikittä* — *Микита* (*Никита*), *Altukka ~ Artukka* — *Артюк* (*Артемий*), *Rigoli* — *Григорий*.

Второй тип объединяет трансформации, произошедшие непосредственно на почве карельского языка в соответствии с его фонологической системой. Отметим наиболее яркие явления:

В области гласных:

1. Удлинение ударного гласного первого слога исходного русского имени, сопровождающееся в соответствии с особенностями карельской фонетики дифтонгизацией: *Boobi* — Вова, *Juakko* — Яков, *Huurei* — Гурий, *Hiekla* — Фёкла, *Viera* — Вера, *Lyyti*, *Lyyti* — Лидия. Этот же процесс характерен и для гласных первого предударного слога русских оригиналов, удлиняющихся или дифтонгизирующихся в карельских модификатах: *Duanila* — Данил, *Puahkomie* — Пахом, *Iibutti* — Иван, *Lumkko* — Лука, *Tuavitta* — Давид, *Tiifrapa* — Труфан. Он вызван характерной для прибалтийско-финских языков ударностью первого слога. При этом в случае закрытости первого слога удлинения гласного в нем в большинстве случаев не происходит — возможно, из-за развившейся геминации согласного.

2. Наращение финальной гласной при адаптации мужских имен с нулевым окончанием, причем, с соблюдением диалектной дистрибуции: *-a* (собст.-карел.) — *-u* (ливв.) — *-e* (люд.). В отсутствии категории рода мужские и женские имена имеют одинаковую структуру:

Русские	Зотик	Семен (Семак)	Хрисан (Крисан)	Акулина	Анастасия	Мария
Собст.- карел.	Soitikka	Čimakka	Kristana	Okulina	Nastas's'a	Man'ukka
Ливвик.	Sotikku	Čimakku	Kris's'anu	Okulinu	Nastas's'u	Mašukku
Людик.	Zotikke	Simakke	Krisan	Okulin	Nastas's'	Mašukke

При этом определенное количество форм с конечным гласным -и фиксируются и в собственно-карельском ареале расселения, и у кареллюдиков. Видимо, по крайней мере, часть из них являлась первоначально диминутивами (см. ниже) полных личных имен, которые использовались, возможно, при именовании детей:

собст.-карел. *Harttu* — Харитон, *Heppi* — Федор, *Lumpi* — Алипий, *Tikku* — Тимофей; *Agru* — Агрипина, *Likku* — Елизавета, *Napi* — Анастасия, *Mari* — Марфа, *Okku* — Агафья;

людик.: *Abri* — Авраамий, *Košti* — Константин, *Kutti* — Кузьма, *Pedri* — Петр, *Potti* — Потап, *Santtu* — Александр, *Uštu* — Устин, *Vakku* — Василий; *Nastu* — Анастасия, *Ogi* — Агафья.

Не вполне понятен и генезис карелоязычных форм христианских имен с финалью -e, которые известны далеко за пределами людиковского ареала, где они закономерны. Они фиксировались уже в XVI–XVII вв. на территории Корельского уезда: *Kontke* — Конон: *Contke Tijranss* (1590), *Koske* — Константин: *Coske Wskalss(on)* (1590), *Markke* — Марк: *Marcke Halisenss* (1590), *Mühke* — Михаил: *Michke Michkelss(on)* (1590), *Mokke* — Мокей: *Måckens hemman* (1618), *Onaske* — Ананий: *Läskesen Onaske* (1618), *Ronke* — *Родион: *Ronke Wasilanpoika* (1618), *Roske* — Трофим: *Roske Jwananpoika* (1618)²⁷.

Некоторое их число сохранилось и в современном карельском именослове у собственных карелов и ливвиков: *Bor'ke* — (Борька или Борько) Борис, *Dor'kke* — (Дорька) Дорофей, *Far'ke* — (Фарька) Ферапонт, *Hot'ke* — (Фотька) Фотей, *Kiške* — (Кишка) Никита, *Luške* — (Лушка) Лука, *Man'ke* — (Манька) Мария, *Meške* — (Мешка) Дементий, *Zanke* — (Занька) Захарий. Видимо, такой облик финали обусловлен фонетически: практически все примеры входят в один тип — образования на -ка/-ко от мягких основ, которые как раз могли провоцировать в карельских репликах редукцию гласного второго слога.

²⁷ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. 1987. С. 272, 268, 272, 267, 307, 326, 370, 281.

В области консонантизма отмечаются специфические трансформации консонантных кластеров, включая упрощение начальных сочетаний согласных, субSTITУЦИЯ согласных и различные типы ассимиляции.

1. Характерное для карельской фонетической системы отсутствие сочетания согласных в абсолютном начале слова приводило закономерно упрощению группы согласных в заимствованных русских именах путем утраты первого согласного или появления между ними гласного: *Demi, Müitka, Midru* — Дмитрий, *Riigo, Riissa, Riis̄ka* — Григорий, *Lotona, Loto* — Платон, *Piira, Piiroi, Pirtana* — Спиридон, *Lokko, Valte* — Владимир, *Koria, Kopoi, Rokko* — Прокофий, *Riihpo* — Трифон, *Lemetti* — Климентий. При этом параллельно бытуют, пусть и в ограниченном количестве, формы с начальным сочетанием согласных: *Krikko* и *Kriikku* — Григорий, *Triihpo* — Трифон, *Trohko* — Трофим, *Platona* — Платон, *Prouhola* — Прохор, *Klaudi* — Клавдия. Они фиксируются уже в документах XVI в. Тем не менее, видимо, они имеют более позднее происхождение и закрепились в ходе распространения в карельской среде двуязычия.

2. Геминация согласных, затрагивающая многие согласные внутри слова: *On't't'i* — Антон, *Art'o'i* — Артем, *Mat't'i* — Матя, Матвей; *Arssi* — Арся, Арсений, *Jessi* — Еся, Евсей, *Mikušši* — Микуша, Николай, *Pas's'o, Parassie* — Паша, Парасия, Параскева. Довольно последовательно геминируется конечный согласный двусложных имен: *Potappa* — Потап, *Arhippa* — Архип, *Ahappa* — Агап, *Ignatta* — Игнат.

3. Образование геминаты в результате ассимиляция русских палатальных *-л-*, *-н-* и *-с-*, соседствующих с *ж*: *Il'la* — Илья, *Ul'laššu* — Ульяша (Ульян), *In'n'oi, Irin'n'a* — Иринья, *Van'n'u* — Ваня (Иван), *Nastas's'a* — Настасья и др.

4. Особенности фонетической системы обусловили некоторую специфику в субSTITУЦИИ русских звуков. Среди наиболее показательных случаев разные модели адаптации русского *в*, который в зависимости от фонетического окружения передается гласным *и* (*Audia* — Авдей, *Houri* — Ховра, Хевронья), преобразуется в карел. *b* (*Ibo, Iibi* — Иван), иногда в *h* (*Ahto*

— Автоном). В зависимости от диалектного ареала *й* передается через *j* (*Ješoi*, *Jusši*) или палатализованным *d'* как в начале (*D'ešoi*, *D'eša* — Еша, Ефим, *D'ušši* — Юша, Иван), так и внутри имен: *Il'd'a* — Илья, *Muard'a* — Марья. Диалектно обусловленным является также оглушение в северных и части южных говоров собственно карельского наречия: *Kalaška* — Галашка (Галактион), *Kauri*-Гаврил, *Tuarie* — Дарья; *Kušti* — Кузьма, *Sossima* — Зосим. Наоборот, в южных наречиях происходит закономерное озвончение: *Birdoi* — Спиридон, *Gliimoi* — Клим, *Pedru* — Петр.

5. В этом же ряду специфических субSTITУций — переход сильно палатализованной согласной *t'* (*d'*) или *s'* в аффрикату²⁸. Варианты имен с мягкой аффрикатой фиксируются в Карелии и на сопредельных территориях документами конца XV — середины XVI вв.:ср. Гридка Вачуев (1496, Купецкий Наволок, Шунг.), Петрок Вачюев (1496, Вачюево, Шунг.), Давыдко Гочюев (1496, Фоминская, Ошт.), Ивашко Мичуев (1496, Рыбежна, Ошт.), Микитка Федоров Мичюй (1563, Крошнозеро, Олон.), Микифорец Мичюй (1563, Ароевичи, Олон.)²⁹, Ларка Мичюев (1568, Горка Мичюево, Городенский погост)³⁰. В них *Vačoi* < *Vas'oi* — Василий, **Houčo* — Хотей, *Mičoi* < *Mit'oi* — Дмитрий.

Несколько примеров из современного карельского именника: *Anččo*, *Ončči*, (карел. **Ant't'o*, *On't't'i*) — Антон, *Arču*, *Arčču* (карел. **Art't'u*, *Art't'oi*) — Артем(ий), *Ivačči* (карел. *Ivat't'i*) — Иван, *Lyyčči* (карел. *Lyyt'i*) — Лидия, *Mačči*, *Mačči* (карел. *Mat't'i*) — Матя, Матвей, *Oučči* (карел. *Out'i*) — Евдокия, *Tačči* (карел. *Tat't'i*) — Татьяна.

Этот же процесс затронул и начало имени, где инициальный *з* (иногда развившийся из *ъ*) воплотился в *č*: *Čakki* (карел. *Sakki*, *Zakki*) — Захар, *Čemo* (*Semo*) — Семен, *Čirkka* (*Sirkka*) — Сергей, *Čimi*, *Čimo*, *Čiimana*, **Čimakka* — Симак, Семен. Таков же алгоритм перехода начального *t'* в *č*: *Čišči* (*Tišča*) —

²⁸ Это явление прослеживается и в апеллятивной лексике, как правило, аффективной и дескриптивной, ср. *t'irčču* ~ *čirčču* ‘привередливый’, *tylččä* ~ *čylččä* ‘тупой’, *čurčettua* ~ *sursettua* ‘журчать’ (KKS).

²⁹ Писцовые книги Обонежской пятини: 1496 и 1563 гг. / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. С. 3, 7, 31, 37, 66, 68.

³⁰ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. 1987. С. 87.

Тиша, Тихон, *Čimoi* (*T'imo*) — Тима, Тимофей, *Čokoi* (*T'oka*) — Фёкла. Наконец, выделим в этом же ряду переход шипящего *č* (одиночного, чаще в виде геминаты) соответственно в *-čV* или *-ččV*: *Malačču* (*Malačču*) — Малафей, *Marčči* (*Marčča*) — Марфа, *Vuačči*, *Vačči*, *Vačču*, *Vaččukka* (*VuaččV* и *VuačččV*) — Василий.

Есть основания полагать, что фрикативный *č* несет, как и в лексике, эмоциональную нагрузку. Она вполне уместна в антропонимах, бытующих на неофициальном уровне, в семейном кругу.

6. Значительной вариативностью отличается и субSTITУЦИЯ *ɸ*, которая, с одной стороны, наследует традиции, представленной в русских диалектных вариантах православных имен (*ɸ* → *x*), ср. рус. диал. *Xaněk* — Афанасий, *Xomuška* — Фома, *Xeвrя* — Феврония, *Ximuša* — Ефимия и др. С другой стороны, звук чужд и для прибалтийско-финской фонетической системы. В карельском именослове прослеживается несколько вариантов восприятия исходной фонемы *ɸ*. Среди них:

ɸ → *b*: *Hatikka* — Фадей, *Oreha* — Арефий, *Jehri* — Ефрем, *Hedu* — Федул, *Hiltu* — Филат, *Sohro* — Софон

ɸ → *v*: *Mikivara* — Никифор, *Parvoi* — Парфен(т)ий, *Vannukka* — Афанасия, *Virsu* — Фирс, *Vija*, *Vijja* — София

ɸ → *p*: *Amphi* — Анфиса, *Parboi*, *Parpei* — Парфентий, *Olperi* — Алфери, а также формы с геминатой: *Häppö* — Агафон, *Riippö* — Трифон, *Toppö*, *Troppö* — Трофим

ɸ → *hk*: *Jarabka* — Ерофей, *Jouhkima*, *Ohki* — Ефим, *Nehko* — Нефонт(ий), *Robki*, *Robko* — Трофим, *Sohkoi* — Софон. Видимо, модификацией *hk* является гемината *kk*: *Jekki*, *Jekkimä* — Ефим, *Niokka* — Фофан, *Nekka* — Нефонт(ий), *Trikku* — Трифон, который показывает способность к сокращению в одиночный *k*: *Triku*, *Varkoi* — Варфоломей

ɸ → *hp*: *Niohpoi*, *H(u)oхpана* — Фофан, *Nehpo(i)* — Нифон, *Robpi* — Трофим, *Sohpoi*, *Šohpoi* — Софон

ɸ → *hr*: *Niohvana* — (Фофан) Феофан, *Okahvie* — Агафья, *Tahvo* — Ставфей, *Sehvo*, *Sohvon'a* — Софон.

Со временем фонема *-ф-* карельским языком была освоена, и такие формы канонических имен как *Fal'a* — Фалалей, *Feduri* — Федул, *Feńi* — Федосья, *Fekli* — Фекла и др. стали регулярными.

Консонантные группы внутри заимствованных имен в целом идентичны сочетаниям согласных в соотносимых русских именах. Но есть и исключения, вызванные внутренним переоформлением исходного звукового ряда: *Helka* — Фёкла, *Seke* — Сергей, *Prankki* — Панкрат(ий), *Mitvora* — Митрофан, *Larna* — Ларион.

Механизмы морфемной адаптации русских христианских имен

Как и в случае фонетических механизмов адаптации, анализ особенностей усвоения морфемики христианских антропонимов позволяет выделить два ключевых направления. Первое направление проявляется в сохранении и переосмыслении русских словообразовательных элементов.

В карельское употребление переходили как неосложненные, так и суффиксальные образования от народных модификаторов русских православных имен. Наиболее востребованными оказалась суффиксальная модель *-Vika* — очевидно, в силу ее частотности в русской системе: *D'en'oška* — Денис, *Kalaška*, *Kaloška* — Галактион, *Lipuška* — Филипп, *Martiška*, *Martuška* — Мартын, *Pir'uška* — Спиридон, жен. *Ljituška* — Лиdia, *Polaška* — Пелагея, *Sofuška* — Софья.

О традиционности этой модели в карельской христианской антропонимии свидетельствуют записи в документах XVII в. с территории Карельского Приладожья, входившего в то время в состав Шведского королевства. Она представлена множеством примеров, например, в переписной книге Корельского уезда 1618 г.: *Haleska Timåfeief*, *Petruska Sorpå*, *Hodoska Petrinpoika*, *Jevaska Wepsä*³¹ и др.

Многочисленны также воспринятые из русского народного именослова образования с формантом *-ша*, отмеченные неоднократно, например, в материалах писцового дела по Корельскому уезду за 1618 г.: *Pesu Jyrinpoika*,

³¹ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. 1987. С. 305, 314, 322, 375.

*Petrusa Pitkoieff, Pedrin Uliascha, Ortysa Wepsä*³² и др. В современном бытовании по крайней мере за частью из них признается уменьшительно-ласкательная стилистика: *Van'usši* — Ванюша, *Oleša* — Алеша, *Natašši* — Наташа, *D'emešši* — Демеша (Дементий), *Hil'žu* — Хильша (Филимон).

Второе направление связано с использование собственных прибалтийско-финских суффиксов с диминутивной семантикой. Центральное место занимает древний прибалтийско-финский антропонимический формант *-oi* (> *-o*), перешедший из неправославного именослова и оформляющий народные варианты канонических православных имен. В полном соответствии с фонетическим развитием изначальный дифтонг *-oi* сохраняется в ливвиковском и преобразуется в монофтонг *-o* в собственно карельских говорах: *Mikoi, Mikko* — Николай, *Ontoi, Ontto* — Антон, *Ort'oi, Ort't'o* — Артем, *Tehvoi, Tehvo* — Степан (< Стефан), *Gauroi, Kauro* — Гаврил, *Kiršoi, Kiršo* — Фирс, женские *Ančoi* — Анна, *In'n'oi* — Ирина, *Pebo* — Федосья, *Tad'd'o* — Татьяна. При этом формант выполнял, видимо, не только уменьшительно-ласкательную функцию (хотя она не исключается), сколько социальную, сословную, соответствовавшую русскому суффиксу *-κ(a)*.

В этом же ряду диминутивные образования карельских православных имен на *-i* — наследием практически утраченного древнего диминутивного форманта *-i* (который, собственно, признается структурным элементом суффикса *-oi*)³³: *Mačči* (с вариантом *Mačoi*) — Матвей, *Paučči, Paučoi* — Павел, *Teppi, Teppo* — Степан, *Jyrgi* — Егор, *Hetti* — Федот, *Zakki* — Захар, женские *Ulli* (с вариантом *Ul'v'o*) — Ульяна, *Miačči* — Мария, *Oppi* и *Oppo* — Ефимья и многие другие. Наиболее проблематичны формы с конечным *-u*, который, очевидно, может быть фонетическим вариантом *-o* (<-oi)³⁴. Формы на *-u* количественно лишь немногим уступают именам с конечным *-o*: *Herffi* — Федот, *Herppi* — Герасим, *Pabu* — Павел, *Hil'žu* — Филимон, *Ohru* — Ефрем, женские *Jefu* — Елена, *Mari* — Марфа, *Naru* — Анастасия. Карельский именослов является и немало примеров существования форм с конечными *-o* и *-u*: *Gaaro* и *Gaaru* — Гаврил, *Haippo* и *Haappi* — Агапий, *Paukko* и *Paukku* —

³² Там же. С. 288, 333, 363, 381

³³ Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. S. 144–145.

³⁴ Ibid. S. 152.

Павел, *Peččo* и *Pečči* — Петр и др., как и некоторых параллельных форм с конечным *-и* и *-и* (*Vačči*, *Vačči* — Василий, *Mačči*, *Mačči* — Мария) и более редких, но тем не менее вполне реальных параллелей *-и*, *-о*, *-и*: *Dekko*, *Dekki*, *Dekki* — Ефим, *Oppo*, *Oppi*, *Oppi* — Ефимия, *Jokko*, *Jokki*, *Jokki* — Георгий. Иначе говоря, наш материал свидетельствует о единой природе этих форм, известных, кстати, и другим прибалтийско-финским именословам³⁵. Карельский материал не подтверждает гипотезу о гендерной дистрибуции в использовании этих формантов, высказанную на основе анализа водских имен, равно как и осторожное предположение о том, что имена могли заимствоваться не в форме номинатива, а в форме звательного падежа, наследием которого являются финали *-и* для женских имен и *-о* для мужских³⁶.

Второй диминутивный формант *-(i)ne ~ -(i)ni* имеет достаточно ограниченное бытование и в отличие от стилистически нейтрального *-oi* и его вариантов несет уменьшительно-ласкательную семантику. Такие формы имен были нередки, к примеру, в обращении к ребенку: жен. *Fekune* — Фекла, *Muarine*, *Muarjaine* — Мария, *Oričaine* — Ефимия, муж. *Mattine* — Матвей, *On'n'oni* — Андрей, *Pabuine* — Павел, *Sekkine*, *Simenäine* — Семен.

Сложнее определяется природа форманта *-kka* и возникших на его основе *-kki* и *-kko ~ -kkö*. С одной стороны, они позиционируются как традиционные диминутивные форманты, продуктивные в карельской нехристианской антропонимии: *Ihakka*, *Haitukka*, *Kyllikki*, *Pörökkä*³⁷. С другой стороны, в системе русских народных календарных имен выделяется целая группа модификаторов с суффиксом *-Vκ* (-ак, -ук (-юк), -ик, -ок), типа Ермак, Ивак, Симак, Мишук, Федюк, Сотик, Ванёк, Васёк, Петрок и т. д. Переход их в карельское бытование знаменуется наращением свойственной карельскому именослову конечного гласной, в результате они уподобляются карельским

³⁵ Ariste P. Einige Ausführungen zu wotischen Personennamen // Советское финно-угроведение. 1980. № 2. S. 81–82; Saar E. Slaavipärased eesnimed vadja keeles ja isuri keele Soikkola ning Alam-Luuga murdes: Bakalaureusetöö. Tartu, 2000; Рожанский Ф. II. О форме личных имен в водском языке // От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки: Экспедиционные этюды в честь Елены Всееводовны Перехвальской. СПб., 2014. С. 302–316.

³⁶ Рожанский Ф. II. О форме личных имен в водском языке. С. 311–314.

³⁷ Forsman A. V. Tutkimuksia suomen kansan perusoallisen nimistön alalta. I. Helsinki, 1891.

именам на *-kka*: собст.-карел. *Jormakka* или ливв. *D'ormakku, Iivakka, Čimakka, Mišukka, Fed'ukka*, собст.-карел. *Soitikka*, ливв. *Sotikki*. Группа обширна, собственно, образования на *-kka* количественно мало уступают именам группы *-oi*. При этом наравне с вариантом *-kka* широко известны варианты с формантами *-kki* и *-kko*. Несколько примеров: *Hod'ukki* — Федор, *Jefukki* — Иван, *Mirokki* — Мирон, *On'n'ikki* — Андрей, *Romukki* — Роман, *Sopukki* — Софрон, *Šamukki* — Самуил, *Vil'okki* — Филипп, *Glašukki* — Клавдия, *Liščukki* — Елизавета, *Malokki* — Мелания, *Solokki* — Соломония.

По-видимому, при формировании карельского христианского именника, с одной стороны, происходило переосмысление русских формантов и их сближение с исконно карельскими, а с другой — возникали уникальные карельские образования, для которых не существовало оригиналов в русской системе имен. Определить степень активности этого собственно карельского словообразовательного процесса сложно, так как остается неизвестным полный список русских модификаторов, которые могли быть усвоены в карельском ономастиконе.

Столь же неоднозначна интерпретация карельского антропонимного форманта *-čči*, ограничено использующегося в карельской православной ойконимии: *Namatčči, Homičča, Homičči* — Фома, *Ivančča, Iivačči, Iivučči, Ivačči* — Иван, *Lauričča* — Лаврентий, *Markačči* — Маркел, *Onačči* — Ананий, *Riigačči* — Григорий, *Št'ofančča* — Степан. Он бытует в карельских и вепсских говорах на уровне апеллятивной лексики, и там его функциональное поле не вполне исследовано. По-видимому, он выбрал частично опцию диминутивного форманта *-kka*, используется также для выражения подобия того, что названо производящей основой — как именной, так и глагольной. Важно, что сохранились некоторые следы его бытования в дохристианском карельском ономастиконе, ср. в Заонежье в патронимах XVII в.: Микитка *Tukač*, Гаврилко Федоров *Kargač*, Иванко Микифоров *Telkač*, Михейко *Pýxač*, в том числе оформлен поссесивным суффиксом *-ov*: Клишко Степанов *Gemjačov*, Степанко Юрьев *Rohkačov*, Огафанко Матфеев *Ergačov*³⁸. Однако остается вопросом,

³⁸ Муллонен П. И. Карельское антропонимное наследие в русском Заонежье // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25. № 4. С. 264–282.

перешел ли он напрямую в православную антропонимию или же был использован для адаптации русской суффиксальной антропонимной модели, подобно тому, как это произошло с формантом *-kka*. На роль последней может претендовать русский суффикс *-ец* с уменьшительной семантикой. Считается, что он был обычным в собственных именах лиц в московский период:ср. *Василеу*, *Назареу*, *Юреу* и т. д.³⁹ Он зафиксирован документально в Водской пятине XVI в. в именах карельских своеzemцев — местной феодальной знати: Богданец Фомин Рокульский, Иванец Федоров сын Ворсин, Матвеец Иванов, Миронец Васильев Рокульский, Михалец Федоров Воронкин, Михеец Фофанов и др.⁴⁰

Относительная фонетическая близость, особенно в связи с северорусским неразличением *ү* и *ӯ*, могла спровоцировать корректировку в звучании русского форманта и сближение его с карельским антропонимным суффиксом. Соответственно, на появление женских разговорных вариантов на *-хъу*⁴¹ могли повлиять такие русскоязычные канонические имена, как *Анница*, *Маръица*, *Марфица* и другие, которые неоднократно фиксируются в Корельском уезде в XVI в.

Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать вторичность карельской системы христианских личных имен по отношению к русской. При этом карельские номинации базируются на народных модификатах православных имён — сокращенных несуффиксальных или оформленных суффиксами. Они проникали через северно- (в Карелии) и среднерусские (в Тверской Карелии) диалекты и сохраняли их фонетические черты в языковой практике. Затруднительно ответить, насколько активно происходило формирование собственных карельских сокращенных квалификаторов на базе канонических русских имен. Видимо, этот процесс не носил массового характера, поскольку для большинства карельских модификаторов зафиксированы русские народные оригиналы. Другое дело, что последние

³⁹ Селищев А. М. Труды по русскому языку. Язык и общество. Том 1. Социолингвистика. М., 2003. С. 416–417, 454.

⁴⁰ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. 1987. С. 123, 124, 126, 129, 130, 132.

подверглись значительной карельской фонетической обработке, которая укладывается в языковые нормы карельских наречий.

Морфемная интеграция заключалась в использовании карельских (прибалтийско-финских) суффиксов с диминутивной семантикой. При этом в составе имен они несут не столько диминутивное значение, сколько выполняют функцию своеобразного знака сословной принадлежности носителя, подобно русскому форманту *-ка*.

Список литературы

1. Ганжина И. М. Вокалическая субSTITУЦИЯ в области христианских русских имен: гласные в начале слова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 1. С. 141–145.
2. Гвоздева Е. А. К вопросу о фонетической адаптации мужских календарных имен в великорусской деловой письменности XIV–XVI вв. // Лексика русского языка и ее изучение. Рязань, 1988. С. 97–105.
3. Древний Олонец / Науч. ред. С. И. Кочуркина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. 149 с.
4. Карлова О. Л. *-L*-овая модель в топонимии Карелии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 25 с.
5. Комлева Н. В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI – XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2004. 23 с.
6. Кузьмин Д. В. Христианские имена карелов // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2. С. 56–86.
7. Лескинен В. Т. Карелы // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 157—160
8. Муллонен И. И. Карельское антропонимное наследие в русском Заонежье // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25. № 4. С. 264–282.
9. Муллонен И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.
10. Никонов В. А. Русская адаптация иноязычных личных имен // Ономастика. М.: Наука, 1969. С. 54–78.

11. Попов А. И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. С. 46–66.
12. Рожанский Ф. И. О форме личных имен в водском языке // От Бикина до Бамбалиомы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской. СПб.: ИЛИ РАН, 2014. С. 302–316.
13. Селищев А. М. Труды по русскому языку. Язык и общество. Том 1. Социолингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2003. 627 с.
14. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. Москва: Издательство АСТ, 1998. 521 с.
15. Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки // Этимология 1973. М.: Наука, 1975. С. 79–121.
16. Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (калитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // Историческая ономастика. М.: Наука, 1977. С. 72–130.
17. Унбегаун Б. О. Русские фамилии / Под общ. ред. Б. А. Успенского. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
18. Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен: (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам) / Отв. редактор О. Ахманова. М.: Изд-во Московского университета, 1969. 334 с.
19. Хелимский Е. А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. С. 252–259.
20. Ariste P. Einige Ausführungen zu wotischen Personennamen // Советское финно-угроведение. 1980. № 2. С. 81–82.
21. Forsman A. V. Tutkimuksia suomen kansan persoonaallisen nimistön alalta. I. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1891. 253 s.
22. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. 3., korj. ja lis. pain. Helsinki: Otava, 1968. 527 s.
23. Kiviniemi E. Rakkaan lapsen monet nimet. Suomalaisten etunimet ja nimivalinta. Espoo: Weilin+Göös, 1982. 376 s.

24. Nissilä V. Vuoksen paikannimistö. I. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1939. 488 s. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 214.)
25. Nissilä V. Venäläisperäisiä henkilönnimiä Itä-Karjalan paikannimistössä // Virittäja. 1943. Nro 1. S. 46–78.
26. Nissilä V. Lisiä venäläisperäisiin henkilönnimiin Itä-Karjalan paikannimistössä // Suomi. Kirjoituksia isänmaallisista aiheista. 1947. Osa 104. S. 1–40.
27. Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistössä // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 1973. Vol. 72. S. 239–275.
28. Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu: Karjalaisen Kulttuurin Edistämässäätiö, 1975. 382 s.
29. Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran Toimitteita I. Helsinki: Viipurin Suomalainen Kirjallisuusseura ry, 1976. S. 43–172.
30. Saar E. Vene õigeusu eesnimed vadja, isuri jaseto keeles. // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2015. № 61. Lg.167–186.
31. Sarikivi J. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North / Ed. by J. Nuorluoto. Helsinki, 2007. (Slavica Helsingiensia, 32). P. 196–246.
32. Stoebke D.-E. Die alten ostseefinnischen Personennamen in Rahmen eines urfinnischen Namenssystems. Hamburg: Leibniz-Verlag, 1964. 181 s.

Список сокращений

кар. — карельский язык

ливв. — ливвиковское наречие

люд. — людиковское наречие

собст.-карел. — собственно карельское наречие

Олон. — Олонецкий погост

Ошт. — Оштинский погост

Шунг. — Шунгский погост

KUZMIN Denis V.

Independent researcher
Finland, Helsinki
kusmiccu@hotmail.com

MULLONEN Irma I.

Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Russia, Petrozavodsk
mullonen@krc.karelia.ru

INTEGRATION OF THE RUSSIAN CHRISTIAN PERSONAL NAMES INTO KARELIAN USE

Abstract. This article traces the development of the Karelian Christian anthroponymicon in relation to canonical and folk forms of the Russian Orthodox name list. It is shown that after the adoption of Orthodoxy in 1227, the Karelian pre-Christian name list was gradually replaced by an Orthodox one. At the same time, Russian secular forms from adapted calendar personal names, whose modifications were common in the adjacent Russian territory, became entrenched in Karelian usage. The latter were formed primarily by truncating stems: *Griga* (Grigory), *Penta* (Pentelei), which were often formed with suffixes (*Grisha*, *Grikhno*, *Grinya*). While being adopted into Karelian usage, they, on the one hand, retained some Russian dialectal features, while on the other, they underwent significant Karelian phonetic processing. The article outlines the main points of phonetic adaptation of the Russian name list. Morphemic adaptation also occurred during the process of integration. A set of Baltic-Finnic suffixes has been identified which, when added to an anthroponymic base, perform a social and diminutive function.

The source material is a card index of long-term fieldwork on anthroponomy. Data on Karelian surnames and toponyms, which preserve many name variants no longer in active use, was also used. Data from census books and registers from the 16th and 17th centuries was also used.

Keywords: Karelia, Karelian language, anthroponomy, Christian names, language contacts, phonetic and morphemic adaptation

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences “Baltic-Finnic Languages of North-West Russia in the Context of Digitalization of Scientific Knowledge”, No. 124022000089-4.

For citation: Kuzmin D. V., Mullonen I. I. Integration of the Russian Christian Personal Names into Karelian Use. *Studia Nordica*, 2025, no. 1, pp. 56–83. DOI: 10.17076/sn3

References

1. Ganzhina I. M. Vokalicheskaiia substitutsiiia v oblasti khristianskikh russkikh imen: glasnye v nachale slova. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. “Philology”, 2015, no 1 pp. 141–145.

2. Gvozdeva E. L. K voprosu o foneticheskoi adaptatsii muzhskikh kalendarnykh imen v velikorusskoi delovoi pis'mennosti XIV–XVI vv. *Leksika russkogo iazyka i ee izuchenie*. Ryazan', 1988, pp. 97–105.
3. *Drevniy Olonets*. Ed. by S. I. Kochkirkina. Petrozavodsk, 1994, 149 p.
4. Karlova O. L. *-L-ovaia model' v toponimii Karelii*. Abstract of Ph. D. thesis. Petrozavodsk, 2004, 25 p.
5. Komleva N. V. *Antroponimiia vologodskikh pamiatnikov ofitsial'no-delovoi pis'mennosti kontsa XVI–XVII vv*. Abstract of Ph. D. thesis. Vologda, 2004, 23 pp.
6. Kuz'min D. V. Khristianskie imena karelsov. *Voprosy onomastiki*. 2016, vol. 13, no. 2, pp. 56–86.
7. Leskinen V. T. Karely. *Sistemy lichnykh imen u narodov mira*. Moscow, Nauka, 1989, pp. 157–160
8. Mullonen I. I. Karel'skoie antroponimnoe nasledie v russkom Zaonezh'e. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2023, vol. 25, no. 4, pp. 264–282.
9. Mullonen I. Ocherki vepsskoi toponimii. Saint Petersburg, Nauka, 1994, 156 p.
11. Nikonov V. A. Russkaia adaptatsiia inoiazychnykh lichnykh imen. *Onomastika*. Moscow, Nauka, 1969, pp. 54–78.
11. Popov A. I. Materialy po toponimike Karelii. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. Petrozavodsk, 1949, pp. 46–66.
12. Rozhanskii F. I. O forme lichnykh imen v vodskom iazyke. *Ot Bikina do Bambaliumy, iz variag v greki. Ekspeditsionnye etiudy v ches't Eleny Vsevolodovny Perekhval'skoi*. Saint Petersburg, Institute of World Literature (Russian Academy of Sciences), 2014, pp. 302–316.
13. Selishchev A. M. *Trudy po russkomu iazyku. Iazyk i obshchestvo. T. 1. Sotsiolingvistika*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003, 627 p.
14. Superanskaia A. V. Slovar' russkikh lichnykh imen. Moscow, Izdatel'stvo AST, 1998, 521 p.
15. Tolkachev A. I. K istorii slovoobrazovaniia form so znacheniem sub"ektivnoi otsenki. *Etimologija* 1973. Moscow, Nauka, 1975, pp. 79 – 121.

16. Tolkachev A. I. K istorii slovoobrazovaniia form so znacheniem sub”ektivnoi otsenki (kvalitativov) lichnykh sobstvennykh imen grecheskogo proiskhozhdeniia v drevnerusskom iazyke XI–XV vv. *Istoricheskaiia onomastika*. Moscow, Nauka, 1977, pp. 72–130.
17. Unbegaun B. O. *Russkie familiи*. Ed. by B. A. Uspenskii. Moscow, Progress, 1989. 443 p.
18. Uspenskii B. A. *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen. (Istoriia udareniiia v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)*. Ed. by O. Akhmanova. Moscow, Publishing House of Moscow University, 1969, 334 p.
19. Khelimskii E. A. O pribaltiisko-finskom iazykovom materiale v novgorodskikh berestianykh gramotakh. *Ianin V. L., Zalizniak A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*. Moscow, Nauka, 1986, pp. 252–259.
20. Ariste P. Einige Ausführungen zu wotischen Personennamen. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, 1980, no. 2, pp. 81–82.
21. Forsman A. V. Tutkimuksia suomen kansan persoonallisen nimistön alalta. I. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1891. 253 p.
22. Hakulinen L. *Suomen kielen rakenne ja kehitys*. 3., korj. ja lis. pain. Helsinki, Otava, 1968. 527 p.
23. Kiviniemi E. *Rakkaan lapsen monet nimet. Suomalaisten etunimet ja nimivalinta*. Espoo, Weilin+Göös, 1982. 376 p.
24. Nissilä V. *Vuoksen paikannimistö*. I. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1939. 488 p. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 214).
25. Nissilä V. Venäläisperäisiä henkilönnimiä Itä-Karjalan paikannimistössä, *Virittäja*, 1943, no. 1, pp. 46–78.
26. Nissilä V. Lisiä venäläisperäisiin henkilönnimiin Itä-Karjalan paikannimistössä. *Suomi. Kirjoitukset isänmaallisista aiheista*, 1947, vol. 104, pp. 1–40.
27. Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistössä. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*, 1973, vol. 72, pp. 239–275.
28. Nissilä V. *Suomen Karjalan nimistö*. Joensuu: Karjalaisen Kulttuurin Edistämässäätiö, 1975, 382 p.

29. Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö. *Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran Toimitteita I*. Helsinki, Viipurin Suomalainen Kirjallisuusseura ry, 1976, pp. 43–172.
30. Saar E. Vene õigeusu eesnimed vadja, isuri jaseto keeles. *Emakeele Seltsi aastaraamat*, 2015, no. 61, pp. 167–186.
31. Sarikivi J. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents. *Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North*. Ed. by J. Nuorluoto. Helsinki, 2007 (Slavica Helsingiensia, 32), pp. 196–246.
32. Stoebke D.-E. *Die alten ostseefinnischen Personennamen in Rahmen eines urfinnischen Namenssystems*. Hamburg, Leibniz-Verlag, 1964, 181 p.

КРЮКОВ Алексей Викторович

Институт лингвистических исследований РАН

Россия, Санкт-Петербург

kauko@mail.ru

ОБ ЭТНОНИМЕ *VEPSÄ* У ИЖОР

Аннотация. В статье на полевых материалах автора конца XX — начала XXI вв. представлена пестрая этнонимическая ситуация у ижор. Показано, что отдельные локальные группы ижор маркированы специфическими экзо- и эндоэтнонимами, указывающими на отсутствие этнического единства между этими группами в обозримом прошлом. Автором выявлено бытование отдельной группы ижор в западной Ингерманландии (Волосовский и Ломоносовский районы Ленинградской области) с самоназванием *vepsä* / *vepsäläiset* ‘вепсы’. Из-за раннего обрусения эта группа и маркировавший ее этноним не попали в поле зрения исследователей. Показана большая давность существования данной группы обруsevshih ижорских поселений, подтверждаемая как топографически, так и историческими источниками. Наследие термина *vepsä* / *vepsäläinen* сохраняется в топонимах и фамилиях, причем на значительно более обширной территории, чем собственно ижорская. Вопрос о взаимоотношениях этнонаима *vepsä* / *vepsäläinen* на Ижорской возвышенности и в других местах остается открытым.

Ключевые слова: вепсы, водь, Земельщина, ижоры, ижорские диалекты, Ингерманландия, топонимы, этнонимы.

Благодарности: За участие в подготовке этой работы автор благодарит Арво Сурво, Веронику Махтину, Андрея Ридаля, Михаила Браудзе.

Для цитирования: Крюков А.В. Об этнониме *vepsä* у ижор // *Studia Nordica*. 2025. № 1. С. 84–109. DOI: 10.17076/sn4

Ижоры — малая народность северо-запада России (Ленинградская область). В 2000 г. ижоры («ижорцы») включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. По данным последней переписи населения численность ижор на 2021 г. составила 210 человек. Совершенно неверно было бы представлять ижор в виде небольшого компактного этнического коллектива, живущего традиционным способом. Близость к границам России и к Петербургу, революция и войны обусловили слом традиционного быта, вынужденные переселения, рассеяние по всему СССР и полное уничтожение традиционного хозяйства в конце XX в. Численность ижор стремительно уменьшается: в 1926 — 16 тыс. чел.¹,

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том 1. Отдел 1. Народность, родной язык, возраст, грамотность. Издание ЦСУ Союза ССР. М., 1928. С.117.

в 1959 г. — 1,1 тыс. чел.², в 1989 — 449 чел. в РСФСР³. Падение численности ижор обусловлено, в общем, процессами ассимиляции — до начала XX в. естественной, а в XX в. — форсированной (в отрыве от привычной среды обитания). На рубеже XX и XXI вв. для ижор характерны утрата этнического самосознания, языка и других этнических признаков и, наконец, смешение с окружающим населением — как в новых местах проживания, так и на своей коренной этнической территории. Очевидно, что ижоры — исчезающий этнос.

Современная этническая территория ижор (на конец XX в.) находится в пределах Кингисеппского и Ломоносовского районов Ленинградской области. Арво Лаанест, исследовавший говоры ижор в 1960-х гг., связывает локальные группы ижор с четырьмя диалектными ареалами: нижнелужским, сойкинским, ковашским (хэваским) и оредежским. Такая конфигурация сложилась в результате уменьшения этнической территории ижор по сравнению с ситуацией XIX в. в результате того, что ижоры Карельского перешейка и Центральной Ингерманландии подверглись суомизации либо обрусению и сменили этническое самосознание к началу XX в.⁴ Таким образом, ареал ижор, сохранивших этничность, уменьшился до состояния, которое показал А. Лаанест⁵, а к концу XX в. — до нынешнего состояния: к 1970-м гг. локальная группа оредежских ижор полностью обруслена — фактически исчезла.

Об истории и происхождении ижор известно мало. Ижоры в отличие от води не считаются автохтонным населением западной Ингерманландии.

² Численность, состав и размещение населения СССР. Краткие итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. М., 1961. С.27.

³ Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С.159. Численность указана по переписи населения 1989 г. (Там же. С. 4).

⁴ *Inkeroinmurteiden sanakirja / Toim. R. E. Nirvi. Helsinki, 1971. S. V (Johdanto)*. См. также: Крюков А. В. Ижоры Карельского перешейка в XX веке // «Нет родной сторонки краше...»: Сборник статей и материалов научно-просветительской конференции, посвящённой 170-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины великой ижорской сказительницы Ларин Параске (1834–1904). СПб.: Издательский дом «Инкерি», 2006. С. 62–92; Крюков А. В. Ижоры Центральной Ингерманландии в XX веке // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт: Седьмые Международные Шёгреновские чтения: Сборник статей. СПб., 2018. С. 78–91.

⁵ Лаанест А. Ижорские диалекты. Таллин, 1966. С. 4–5.

Их самые ранние археологические памятники датируются XIII–XIV вв.⁶ В сущности, сведения о прошлом ижор базируются на нескольких летописных упоминаниях и на немногих источниках XVII–XIX в. Ф. Туманский, оставивший описания быта ижор конца XVIII в., не привел их самоназваний, но отметил, что по-русски ижорами называли и другую народность — ямов⁷. А. Шёгрен, описавший финское население Петербургской губернии в первой половине XIX в., показал соответствие этнонимов *ижоры / ижорцы* — *Ingrikot*⁸, отметив также экзоэтноним *Karjalaiset* — название ижор у води⁹. Позже П. Кёппен постулировал как основное этническое название ижор — *Ingrikot oder Ingerikot*, связав его с гидронимом — названием реки Ижоры (*Ingerinjoki*)¹⁰.

Финские фольклористы, посещавшие Ингерманландию в конце XIX — начале XX в., не заостряли внимания на этнонимах — не всегда указывались даже имена сказителей. Большой корпус песен калевальской метрики был записан примерно в равном количестве от ижор и от финнов. Отличиям речи финнов и ижор не придавали большого значения, поскольку она была, видимо, взаимопонятной. В материалах финских фольклористов при именах православных сказителей-ижор стоит обозначение *Inkeroinen* ('ижор')¹¹. В финской фольклористике принята идея о принадлежности песенного наследия ижор к традиции финского народа.

В. Поркка в работе, посвященной «ижорскому диалекту» (1885), утверждал тождество (равнозначность) названий *Inkeroiset* и *Karjalaiset* у ижор локальных

⁶ Седов В. В. Ижора // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 42–43. См. также: Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб., 1997. С. 63–66.

⁷ Örik E. Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul: Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses / Toim. A. Viires. Tallinn, 1970. Lk. 56–57.

⁸ Sjögren A. J. Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersbugischen Guvernement und ueber den Ursprung des Namens Ingermannland. St.-Petersburg, 1833. S. 3–4, 27, 35–36.

⁹ Ibid. S. 35.

¹⁰ Köppen P., von. Erklärender Text zu der Ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernement. St.-Petersburg, 1867. S. 32.

¹¹ Suomen kansan vanhat runot. Helsinki, 1915–1924. Vol. III. Länsi-Inkerin runot. Osat 1–3; 1925–1928. Vol. IV. Keski-Inkerin runot. Osat 1–3; 1929–1931. Vol. V. Itä- ja Pohjois-Inkerin runot. Osat 1–3. См. также: Salminen V. Inkerin runonlaulajat ja tietäjät // Suomen kansan vanhat runot. Vol. V. Osa 3. S. 536 etc.

групп Сойкино, Копорье, Хеваа (Коваша) и Лужского уезда — т. е. всех, за исключением ижор нижнелужского ареала¹². В дальнейшем было выявлено, что этноним *inkerikko / ingerikko* малоизвестен в западной Ингерманландии¹³ — именно там, где живут современные ижоры.

В 1990-х гг. автор этих строк занимался планомерным исследованием ономастики финноязычного населения Ингерманландии. Исследование состояло главным образом в фиксации антропонимов, домонимов, топонимов и фактов местной истории. Фиксировались также названия местных жителей (локальные названия, катойконимы) и специфика их употребления. За «точку отсчета» бралось время молодости информантов — обычно это были 1920-е гг. Материалы автора в большей или меньшей мере охватывают весь ареал финноязычного населения Ингерманландии. Наблюдения выявили существенные отличия от общепринятой схемы¹⁴. Основные выводы могут быть кратко изложены в виде следующих тезисов.

А) Этноним *ижоры* принадлежит русскому языку — это экзоэтноним, применяющийся к различным этническим группам безотносительно к их самоназваниям. В XX в. «ижорами» называли и западную водь¹⁵, и православных финнов неясного происхождения¹⁶, и финнов-лютеран¹⁷, и некоторые группы русских¹⁸. В то же самое время жители деревень северной и центральной Ингерманландии, где ижоры показаны в источниках XIX в., не

¹² Porkka V. Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländische Dialekte. Helsingfors, 1885. S. 2–3.

¹³ Inkerioismurteiden sanakirja. S.94 (*ingerikkoi*).

¹⁴ Inkerikot, setot ja vatjalaiset: Kansankulttuuri, kiel i ja uskomusperinteet / Toim. K. Kallio, R. Grünthal ja L. Saressalo. Helsinki, 2021. S. 20.

¹⁵ Крюков А. В. Водь или чудь? // Язык и традиционная культура русского Северо-Запада: Сборник статей памяти Лиции Яковлевны Петровой. Великий Новгород, 2010. С. 179.

¹⁶ Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 135. Оп. 3. Д. 95 (Троцкий уезд). См. Вингисаровская вол., № 149 (Б. Сяскелево), № 150 (М. Сяскелево), № 151–152 (Тойворово), № 171 (Лисьи Горы) и др.

¹⁷ Там же. См. Ковашевская вол., № 419 (Долгово), № 423 (Липово), № 426 (Ракопежи), № 427 (Ручьи); Ораниенбаумская вол., № 741 (Куккузи), № 742 (Лангерево), № 745 (Пеники), № 749 (Гаменгонт), № 752 (Бол. Коновалово), № 761 (Дубки) и др. См. также: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987. С. 226 («Ингерманландская автономия»).

¹⁸ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1885. Вып. 10. С. 56 («русские ижорского племени» — приход в Мёдушах).

имели понятия об ижорах. По-русски их также не называли ижорами (чаще всего их считали финнами). Самоназваниями этих людей были *russkie / venäläiset* либо *финны / suomalaiset*. Их родным языком был местный финский диалект (*suomen kielä*) — за исключением обруsevих деревень окрестностей Петербурга (Большие Лаврики, Волково, Лигово) и ряда обруsevих деревень в центральной Ингерманландии (Яскелево и др.). В западной Ингерманландии, где об ижорах всем известно, сами ижоры чаще всего называли себя русскими (*venäläiset / vellaset*), но при этом знали местные ижорские этнонимы и лингвонимы, которые, по большей части, не имели сходства с экзоэтнонимом *ижоры*.

Б) Название *inkeroiset* зафиксировано автором только как локальное название финнов прихода *Inkere* (по модели *Tuutari > tuutaroiset, Venjoki > venjokkoiset* и др.), и нигде в качестве названия ижор — ни как самоназвание, ни как экзоэтноним. Название хэваских ижор *ingeroin*, еще известное в 1950-х гг.¹⁹, было зафиксировано только у данной локальной группы.

В) Этноним *inkerikko* (мн. ч. *inkerikkoloi*) фиксировался автором в северной и центральной Ингерманландии как экзоэтноним (название ижор со стороны финского населения) и нигде — в качестве самоназвания ижор. В западной Ингерманландии, где ижоры проживают компактно, этноним *inkerikko* не зафиксирован. В частности, это значит, что употребление в нормативном финском этнонимов-ярлыков *inkerikko / inkeroiset* не соответствует реальным этнонимам ижор²⁰. Возможно, финская традиция называть ижор *inkerikko / inkeroiset* отражает ситуацию XIX в. — но похоже, что это верно только для некоторых локальных групп. Выше показано, что русский этноним *ижоры* также не соответствует эндоэтнонимам ижор. Это

¹⁹ Inkeroismurteiden sanakirja. S. 94 (*ingeroin*). См. также: Laanest A. Näiteid isuri keele Heva murdest // Keele ja Kirjanduse Instituudi uurimused=Труды Института языка и литературы. Tallinn, 1958. Osa II. lk. 167–174; Laanest A. Isuri keele Hevaha murde sõnastik. Tallinn, 1997. lk. 46 (*ingeroin*).

²⁰ Понятие «этнонимы-ярлыки» автор использует в значении «этнонимы, принятые в официальном употреблении» (в том числе в научном обороте), отличные от местных этнонимов, как напр. *водь* (местные русские экзоэтнонимы *чудья* и *ижоры*).

означает, что принятое в литературе соответствие *inkeroiset / inkerikot* — ижоры также является условным.

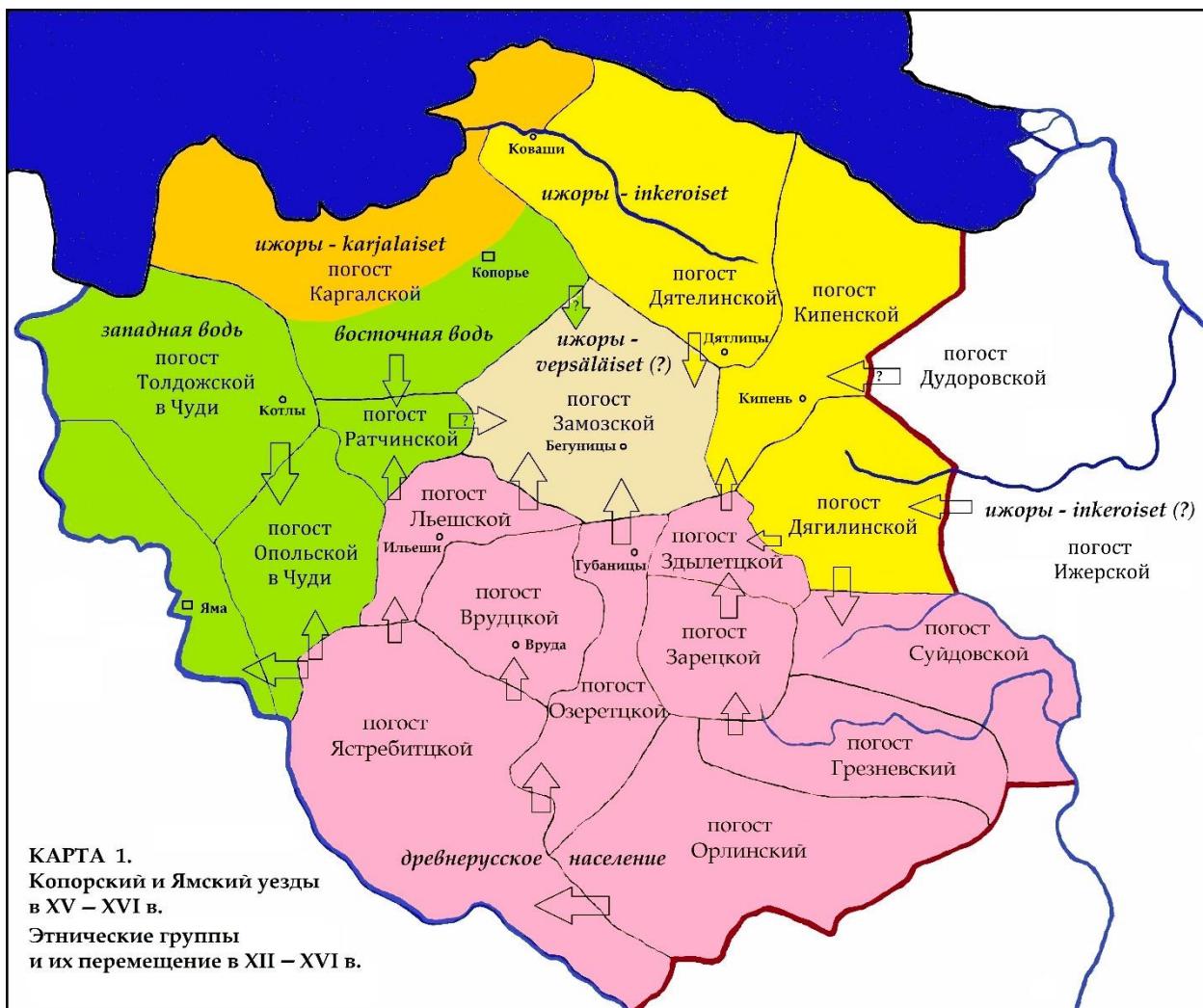
Г) этноним *karjalaiset* и лингвоним *karjalan keel'* признавались в качестве самоназвания и названия своего языка старшим поколением сойкинских и систинских ижор, тогда как представители не только нижнелужских, но и хэваских ижор отказывались от них. Исходя из сказанного выше, автор предположил отсутствие этнического единства между различными группами ижор в обозримом прошлом²¹.

Здесь надо сказать подробнее о локальной группе систинских ижор. Впервые локальные и диалектные группы ижор обозначил В. Поркка (1885), позже сходное деление предложил А. Лаанест (1966). В последнем случае систинские и сойкинские ижоры объединены в одну группу. Видимо, это оправдано в языковом отношении, однако в остальном между этими группами была существенная разница, обусловленная, главным образом, географическим положением. Систинские ижоры не занимались морским рыболовством (кроме д. Урмизно), они не были изолированы от русского населения окрестностей Копорья, и в большей мере подверглись влиянию русского языка и собственно обрусению, которое шло со стороны Копорья. По сведениям автора, ижорские деревни в окрестностях Копорья (Копорки, Лужки и др.) в 1920-х гг. были совершенно обруссевшими. Тем не менее вполне очевидно, что ижоры побережья Финского залива в прошлом представляли единство в языковом и этническом отношении. Это единство выявляется в виде очертаний существовавшей в XV–XVII в. административной единицы — Каргальского погоста, в названии которого звучит *Karjala* — основа этнонима сойкинских и систинских ижор, записанного автором в различных фонетических вариантах, в том числе *kar'b'alaiset* и *kar'ž'alaizet*²². Таким образом, Каргальский погост охватывает ареал ижор, в XIX–XX вв. называвшихся *karjalaiset* (хотя в Каргальский погост входили также деревни

²¹ Крюков А. В. Что стоит за этнонимом «ижоры»? // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России». Материалы. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. Петрозаводск, 2014. С. 36–39.

²² Полевые материалы автора (приведенные формы этнонима записаны у систинских ижор).

восточной води)²³. Создается впечатление, что этноним *karjalaiset* и лингвоним *karjalan keel'* принадлежали, в первую очередь, локальной группе, расселенной вдоль побережья Финского залива (см. карту 1).

КАРТА 1. Которозский и Ямский уезды в XV–XVI вв. Ареалы этнических групп в XII–XVI вв.

Границы погостов — на основании «карты Архимандрита Сергия» (1905) и Писцовой книги Водской пятини 7008 (1500 г.). Сухопутная граница Которозского уезда показана коричневой линией. Предполагаемый этнический состав населения (на XII–XVI вв.) показан цветом. Стрелками показаны вероятные направления движения населения (XII–XIII вв.).

Начиная примерно с 1991 г. в окрестностях Которья автор неоднократно слышал упоминания о «верпсах». Эти сообщения не казались автору чем-то заслуживающим внимания, и им не придавалось значения. Можно было

²³ Переписная окладная книга Вотской пятини, 1500 года. Первая половина // Новгородские писцовые книги, изданные археографической комиссией. СПб., 1868. Том 3. С. 494–553 (Каргалский погост).

думать, что собеседник путает вепсов и водь, либо что человек слышал о вепсах и вспомнил о них не к месту, либо что где-то недалеко живет некий представитель вепсов. Разговор происходил во всех случаях на русском языке (носителей прибалтийско-финских языков в этой местности к тому времени практически не было), и этноним звучал в русской форме — *вепсы*. Так или иначе, подобные сообщения не фиксировались, поскольку автор *a priori* предполагал ошибку.

Отношение автора к сообщениям о «вепсах» изменилось, когда однажды (в 1999 г.) Николай Яковлев, родом из д. Накково, ижор, в ответ на вопрос автора (по-фински) о названии родного языка, уверенно ответил, что ижорский язык — *karjalan keel* ‘карельский язык’ и что ижоры в его местности (т. е. систинские) назывались *karjalaižet* ‘карелы’, а затем пояснил, что ижоры не все *karjalaižet*, а есть еще *vepsäläiset*, они тоже ижоры, их деревни находятся за Копорьем (т. е. к востоку от Копорья)²⁴. Информант показал ясную память и живой ум, а также знание родного языка, местности и этнонимов. На уточняющие вопросы автора он весьма определенно ответил, что эти *vepsäläiset* не вепсы и не *чудья* (т. е. не водь). Деревни восточной воды около Копорья он назвал *чудейскими*. Таким образом, смешение упомянутых информантом *vepsäläiset* с вепсами и водью было в данном случае исключено.

После данного сообщения автор понял, что за сообщениями об «вепсах» стоит нечто реальное и решил попытаться найти местообитание гипотетических ижор-*vepsäläiset*. Безусловно, такое предположение вызывало определенный скепсис, поскольку никто из филологов, посещавших ижор на протяжении 150 лет, не описал и, по-видимому, не заметил ничего подобного. Вместе с тем, находки автора в плане изучения ономастики финнов и ижор позволяли думать о том, что открыто еще далеко не все.

Прежде всего внимание автора привлекло название села Коваши — центра ковашских (хэваских) ижор — по-ижорски оно называется *Vepsä*. В дальнейшем (в 1999 г. и позже) автор посещал село Коваши и соседние деревни с целью изучения антропонимии и топонимии местных ижор.

²⁴ Полевые материалы автора (Николай Яковлев, 1921 г.р., записано в д. Арболово).

Хэваского диалекта в живом употреблении автор уже не застал. Известное из источников XIX и XX вв. самоназвание *ingeroin* было совершенно забыто и неизвестно. Этноним *karjalain* (мн. ч. *karjalaizet*) местные ижоры отвергали, поясняя, что так называли сойкинских ижор. Самоназвания ковашских ижор, записанные автором — *venäläiset* ‘русские’ (конфессионим) и *hevaroiset* (топоэтноним), а местное название «ижорского языка» — *чухонский язык / soomen keeli*. Предположение о связи этнонима *verpsä* с хэваскими ижорами в целом не нашло подтверждения, хотя жители села Коваши могли называть *verpsäläin*, по модели *Koskove > koskelain*, *Ojuve > ojalain* и т. д.²⁵

В дальнейшем, при обследовании деревень северной части Волосовского района (Теглицы и др.), население которых по данным XIX в. составляли ижоры, вновь были получены сообщения о некогда бывшей в этих деревнях народности *wepsa*. Это было тем более удивительно, что информанты автора (местные жители) не знали о том, что их предков в XIX в. считали ижорами.

О теглицкой группе ижор известно мало. Согласно Кёппену (1854), ижоры составляли все население д. Теглицы и Русские Лашковицы, почти все население д. Рукулицы, большинство населения д. Коростовицы и меньшую часть населения д. Радицы.²⁶ «Список населенных мест» (1864) называет в числе деревень, где жили ижоры, дополнительно Местаново и Карстолово²⁷. «Историко-статистические сведения о С.Петербургской епархии» (1885) показывают ижор также в д. Старые Бегуницы и Стойгино²⁸. Видимо, ижоры составляли также часть населения д. Русские Голубовицы и Финские Голубовицы²⁹. Церковная принадлежность ижор теглицкой группы менялась

²⁵ Полевые материалы автора (записано в с. Коваши от местных жителей и от бывших жителей д. Тентелево, Ломоносово и Шипкино).

²⁶ [Кеппен П.] Селения, обитаемые ижорами. в С.-Петербургской губернии. [СПб.], [1854]. С. 414.

См. также: *Köppen P., von. Erklärender Text... S. 38.*

²⁷ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1864. Вып. XXXVII. Санктпетербургская губерния. Список населенных мест по сведениям 1862 года. См. раздел «Общие сведения о губернии», с. XVIII (№ 3834–3837). В числе деревень, где жили ижоры, названы Местаново (3836) и Карстолово (3842).

²⁸ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 10. С. 47.

²⁹ Полевые материалы автора («Ижорский конец» в д. Русские Голубовицы, православные финны в д. Финские Голубовицы).

— с 1825 г. в Теглицах была своя церковь³⁰, однако в 1880-х гг. деревни теглицкой группы ижор показаны в составе православного прихода в Бегуницах. Как видно, ижоры составляли население северной части бегуницкого прихода, причем Теглицы — самое периферийное селение — было подобием альтернативного религиозного центра этой группы ижор.

В деревнях, составлявших теглицкую группу ижор, автор не встретил никакого следа ижорских диалектов, за исключением топонимов. Коренные жители считали себя русскими, в большинстве деревень данной группы говорили только по-русски и не показывали никаких признаков владения каким-либо другим языком. В д. Коростовицы и Радицы, где часть населения составляли финны, местные русские (старшее поколение) владели финским языком как родным и не отмечали разницы в речи с местными финнами. То же самое можно сказать о д. Старые Бегуницы, где информантами автора были только финны. Характерно, что обрусовшими были все деревни теглицкой группы ижор, где не было финского населения. Однако именно в д. Теглицы и Местаново автором записаны сообщения о бывшей в этих деревнях народности *вепса*. Упоминания о народности *вепса* в качестве своих прямых предков записаны автором также от жителей д. Зябицы (которую ни один из источников не относит к ижорским). Таким образом, вырисовывается ареал упоминаний о народе *вепса* (Местаново — Зябицы — Теглицы), к которому прилегают соседние обрусовшие деревни Русские Лашковицы и Рукулицы, где ничего подобного автору не сообщали, как не знали и о том, что их предки были «ижоры».

Еще позже (в 2004 и 2007 гг.) сообщения о народности *вепса* были записаны автором от бывших жителей деревень Савольщина и Мартыново (Ломоносовский район). В обоих случаях разговор происходил вдали от их родных мест. Информанты автора, возраст которых превышал 90 лет, говорили только по-русски, но знали, что в их родных деревнях в прошлом говорили *по-чухонски* и эти люди назывались *вепса*.

Обратим внимание на географию сообщений о народности *вепса*. Обрусовшие ижорские деревни теглицкой группы соседствуют с ныне исчезнувшим массивом ижорских деревень южного края Ломоносовского района, в который входили Глобицы, Горбовицы и др. (см. карту 2). По всей

³⁰ Земля Невская Православная: Православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области: Краткий церковно-исторический справочник. СПб., 2000. С. 91.

видимости, ни В. Поркка, ни другие финские филологи не посещали эти деревни, вследствие чего их диалект остался нам неизвестным.

КАРТА 2. Бегуницкая, Глобицкая, Мёдущская и Теглицкая локальные группы ижор в XIX — начале XX в.

Этнический состав населения — на основании данных XIX–XX в. Желтый кружок — деревни с ижорским населением (обрусевшие ижоры). Желтый кружок с черной точкой внутри — деревни с финским и ижорским населением (суманизированные ижоры). Зеленый кружок — деревни восточной воды. Белый кружок — деревни, население которых считалось полностью русским (возможно, в некоторых деревнях это ранее обрусевшие ижоры). Белый кружок с черной точкой внутри — финские деревни без ижор (в том числе деревни с финским и русским населением). Флажком показаны деревни, к которым относятся упоминания о народности *vepsä*.

Характерно, что и финские фольклористы, записавшие много песенного материала у ковашских ижор, и в ижорских деревнях по р. Рудице (по сведениям автора, в 1920-х гг. уже обрусевших, т. е. полностью перешедших на русский язык), не записали ничего ни в деревнях теглицкой группы ижор, ни у

ижор Глобицкого прихода (Глобицы, Горбовицы и др.)³¹. Вернее всего, это обстоятельство говорит о раннем обрусении ижор данной местности. На раннее обрусение теглицкой и глобицкой групп ижорских деревень (XIX в.) указывает и то, что об этнониме *vepsa* / *vefsä* у ижор до сих пор ничего не было известно.

Кем же в действительности были жители теглицкой группы деревень и соседних с ними деревень Глобицкого прихода, которых в XIX в. считали ижорами, и которые в конце XX в. и даже в начале XXI в. говорили автору о местных «вепсах»? Исходя из вывода автора об условности этнонима «ижоры», можно предположить существование в прошлом в обозначенной местности отдельной этнической группы, близкой другим группам ижор — или, возможно, води.

Насколько вообще возможно существование отдельной никем не замеченной этнической (либо локальной) группы прибалтийско-финского населения вблизи Петербурга? Жизнь показывает, что это вполне реально. Можно думать, что церковнослужители и русское население (с. Большие Бегуницы, д. Большое Тешково, д. Синковицы и др.) считали финноязычных православных «ижорами», не вникая в частности. В остальном эти «ижоры» не привлекали ничьего внимания, как и некоторые другие этнолокальные группы — как например, пятницкая группа води³².

В этой связи интересны сведения XIX в., по которым жители д. Коростовицы — «карелы, впрочем знающие русский язык»³³. Название «карелы» может означать «ижор-*karjalaiset*». Вместе с тем, по сообщению информантов автора, русские жители Коростовиц — «в седьмом поколении

³¹ Salminen V. Inkerin runonlaulajat ja tietäjät. В тексте книги указаны места, где были сделаны записи, и обычно даны сведения о том, откуда родом были сказители. Большим количеством записей представлены Ковапи (*Vepsä*), Мёдуши (*Medussi*), Рудицы (*Ruitsa*). См. также карту в конце книги. Из текста и карты видно, что ареалы теглицких ижор а также ижор к западу от Лопухинки и Мёдуши до Копорья представляет собой «белое пятно», где фольклористы не были или во всяком случае ничего не записали.

³² Крюков А. В. Малоизвестная группа постэтнической води в Кингисеппском районе Ленинградской области // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада — 3: Шестые Шёгреновские чтения: Сборник статей и тезисов докладов. СПб., 2014. С. 52–65.

³³ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 10. С. 355 (см. Спасская Чирковицкая церковь).

vatjalaiset,³⁴ т. е. потомки воды, утратившие водский язык и этничность, говорившие по-фински и по-русски. Как объяснить это противоречие? Мы знаем, что *vatjalaiset* — лингвоэтноним («говорящие по-водски»). В случае перехода на ингерманландско-финский диалект потомков воды называли «русскими» (*venäläiset* / *vellaset*) в значении «православные», как было в д. Караваево, Кикерицы, Чухонская Рассия и т. д.³⁵ Почему же в данном случае их считали «карелами»? Учитывая местоположение деревни (12 км до ближайших деревень восточной воды), нельзя исключить их водское происхождение. Означает ли известие о «карелях» в Коростовицах промежуточный этап смены языка — с водского на ижорский диалект — *karjalan keel'*, а позже на ингерманландско-финский диалект? По историческим свидетельствам и сообщениям информантов автора, переход населения целой деревни с одного близкородственного языка (диалекта) на другой в течение жизни одного поколения — вполне реален³⁶. В течение жизни двух поколений вполне могло быть две смены языка (диалекта). Таким образом, «ижорами» и «карелами» вполне могли называть «чудей» (водь), перешедших на другой родственный язык (или диалект).

Поскольку наши сведения о «вепсах» в составе ижор исчерпываются представленными выше сообщениями, перейдем к умозрительным построениям. На большей части Ижорской возвышенности (кроме ее окраин) практически нет источников воды — озер, рек, ручьев и родников, характерные полузакрытые ландшафты имеют определенно антропогенное происхождение. Эти и другие природные особенности (в т. ч. почвы и растительность) позволяют думать, что около тысячи лет назад Ижорская возвышенность была покрыта лесом и необитаема. Заселение Ижорской возвышенности было связано с ее земледельческим освоением, начавшимся,

³⁴ Полевые материалы автора (сообщение Анны Грибовской, р. 1918, д. Коростовицы).

³⁵ Полевые материалы автора (записано непосредственно в названных деревнях).

³⁶ Оллыкайнен В. М. Словарь северно-ингерманландских говоров финского языка: Говоры вуолэ и колтушский = Pohjois-Inkerin murresanakirja: Vuoleen ja Kelton murresanastoa. [Петрозаводск]; [Helsinki], 2003 (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja, 127). С. 51 (*huastaa*), 182 (*luatii*). См. также: Krukov A. Hyö huastoit, a myö luaimmo // Inkeri. 2012. № 2 (077).

очевидно, с ее окраин. Об этом говорит, в частности, местное название Ижорской возвышенности — *Земельщина* (водск., иж., фин. *Maa*)³⁷. Археологические памятники Ижорской возвышенности (XII–XIV вв.), отражают, вероятно, эпоху заселения данной территории. Земледельческое освоение закономерно привело к появлению характерных для Ижорской возвышенности полузакрытых ландшафтов — сведение лесов продолжалось местами до XIX в.³⁸ Освоение Земельщины водской народностью началось, видимо, с северо-западного края Ижорской возвышенности — *Горщины* (линия Котлы — Копорье) — и привело к появлению открытой местности — Ополья в Чуди. Дальнейшее проникновение воды на Ижорскую возвышенность столкнулось со встречным движением древнерусской народности (с юга), а также другой прибалтийско-финской народности (условно, «ижор-*inkeroiset*») — с востока, т. е. со стороны реки Ижоры, и вероятно, еще одной родственной народности (возможно, «ижор-*karylaiset*») — с севера, со стороны Глобиц³⁹. В результате Ижорская возвышенность была более-менее равномерно заселена, на ней сформировалось смешанное в этническом отношении население, причем водский компонент присутствовал главным образом в ее западной части (Опольевский и Толдожский погосты в Чуди), где водское население было еще в XIX в. Поскольку *чудь* — местное название воды, т. е. оба названия — летописное и современное — относятся к одной народности, то предложенное Е. Рябининым рассмотрение «води» и «чуди» как разных народностей, и выделение «Водской земли», отдельной от погostов «в Чуди»⁴⁰, выглядит искусственным и теряет смысл. Совершенно ясно, что «Водская земля» — это не Земельщина, а именно погосты «в Чуди» —

³⁷ Крюков А. В. Западная Ингерманландия: этническая история в зеркале топонимики // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика: Дополнительные материалы международной конференции, посвященной 60-летию КарНЦ РАН (24–27 октября 2006 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2006. С. 255–257.

³⁸ Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 10. С. 56.

³⁹ Крюков А. В. Земельщина и вода: К вопросу о формировании этнокультурных зон в Западной Ингерманландии // Народное зодчество: Межвузовский сборник: Материалы международной научно-практической конференции «Забытое наследие. Как спасти деревянное зодчество России», посвященной 100-летию академика Д. С. Лихачева. Петрозаводск, 2007. С. 474.

⁴⁰ Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001. С. 11–13.

в противном случае мы получаем «Водскую землю» за пределами этнической территории воды, что абсурдно. В целом можно полагать, что исходные места проживания воды и ижор находятся за пределами Земельщины (воды — в Горщине и Подгорщине, ижор — в бассейнах р. Ижоры и Коваш), а поселения воды и ижор и воды на Земельщине возникли намного позже — не ранее XII–XIII в. (см. карту 1).

В отношении теглицких ижор можно предполагать большую давность существования данной группы поселений — во-первых, она расположена ближе к краю Ижорской возвышенности (т. е. к исходному пункту освоения Земельщины), во-вторых, здесь есть два крупных озера (Теглицкое и Заозерское), которые могли не только привлечь древних людей, но и стать центром возникновения куста поселений. Древние могилы («курганы») у д. Теглицы В. Седов относит к XIII–XIV вв. и считает их древностями воды⁴¹, что весьма условно, поскольку предложенная атрибуция опирается на идею о расселении ижор в западном направлении по южному берегу Финского залива (из бассейна р. Невы)⁴² — хотя, в общем, нет данных о том, что такое движение вообще когда-либо имело место. В принципе, отнесение археологических памятников в окрестностях Теглиц к води (согласно Седову) или к ижoram (опираясь на сведения XIX в.) не принципиально, учитывая условность этнонима *ижоры*.

Исторические сведения о данной местности скучны. Фактически есть один подробный источник — Писцовая книга Водской пятини 1500 г. Из нее мы знаем, что в XV–XVI вв. вся Ижорская возвышенность входила в состав Копорского уезда. Ареал теглицкой группы ижор находился в пределах Ильинского Замозского погоста с центром в Бегуницах (см. карту 1). Многие ойконимы Замозского погоста соотносятся с известными нам в XIX–XX вв. селениями, как напр. Бегуницы, Бронцевичи (совр. Ронковицы), Брызговичи (совр. Брызгово), Глазковичи (совр. Лашковицы), Глобицы, Клопицы, Коростовичи, Медуша, Поддубье, Рыкулицы (совр. Ракулицы), Свинковичи

⁴¹ Седов В. В. Ижора. С. 38.

⁴² Там же. С. 43.

(совр. Синковицы), Смедово, Тешковичи (совр. Тешково) и др.⁴³ Изучение приведенных в писцовой книге личных имен и ойконимов создает впечатление, что местное население было в основном русским, либо уже сильно обрусевшим — во всем Замозской погосте встречается только один ойконим прибалтийско-финского типа (Суйжела), личных имен прибалтийско-финского типа единицы (Рохно Михалев и Матюк Лентьев, д. Суйжела). Впрочем, писцевая книга 1500 г. не дает достаточных оснований для выводов об этническом составе населения — также и потому, что в описании Замозского погоста есть пропуски⁴⁴.

Шведский источник начала XVII в. показывает Замозский погост сильно обезлюдованным — в частности, в 1618–1623 годах деревни *Klopitzä By*, *Kotino By*, *Techlitzä By*, *Säbitzä By*, *Slepina By*, *Volgineuo By* не имели населения, тогда как другие — *Antossa By*, *Kinalitzä By*, *Klässina By*, *Laschowitzä By*, *Mestanoima By*, *Modolitzä By*, *Rikulitzä By*, *Saoserie By* и другие — были обитаемыми⁴⁵. Все крестьяне в названных деревнях имели русские имена и прозвища — что, впрочем, не дает оснований утверждать, что они были русскими⁴⁶. Можно думать, что позже (во второй половине XVII в.) опустевшие деревни были заселены другими «ижорами» — из соседних деревень, либо из других мест. В целом надо признать, что скудные и неполные исторические сведения не дают ответа на вопрос о происхождении ижор теглицкой группы деревень.

Ввиду отсутствия сведений об исчезнувшем языке ижор теглицкой группы обратимся к топонимии. В Ингерманландии известен один ойконим *Vepsä* — это название главного села хэваских ижор (Коваша). Кроме того, у самых границ Ингерманландии (за ее пределами) было еще два ойконима, образованных от той же основы — д. Вепса (*Vepsa*) в волости Рауту и Вепскюла (*Vepsküla*) на левом берегу р. Нарвы. О д. Вепса в Рауту известно, что

⁴³ Переписная оброчная книга Вотской пятини, 1500 года. С. 569–601 (см. Погост Ильинской Замозской в Бегуницах).

⁴⁴ Там же. С. 583 (примечания).

⁴⁵ Писцовые книги ижорской земли. СПб., 1859. Т. I. Годы 1618–1623. С. 81–100.

⁴⁶ Там же. С. 91, 94, 96–99. В указанный промежуток времени (1618–1623) Замозский погост включал также группы ижорских деревень по р. Рудице и Коваш, а также у Мёдуш и Глобиц, при этом приведенные в писцовой книге имена крестьян почти исключительно русского типа — хотя они, очевидно, ижоры.

в середине XIX в. там жили ижоры⁴⁷, и что в 1930-х гг. там было несколько семей православных (*venäjänuskoiset* ‘верующие по-русски’), которые в остальном не отличались от местных финнов⁴⁸. Таким образом, ойконим *Vepsä*, возможно, связан с ижорами. Об этническом составе д. Вепскула вблизи Нарвы у нас нет сведений, но учитывая, что окружающее население в XIX в. было эстонским, а совсем рядом находится ареал нижнелужских ижор, можно и в этом случае предположить связь данного ойконима с ижорами.

Ойконимы, образованные от этнонимов, естественным образом возникают в иноэтническом окружении, как напр. *Inkeri* (Собинки) в ареале систинских ижор («ижоры-*karjalaiset*»), *Vainkylä* (Чудиново) в группе ижорских деревень Дятлицкого прихода, *Vironkylä* (Вероланцы) в окружении финских деревень Ижорской возвышенности, а также целый ряд ойконимов типа Ижора / Ижорка (в прошлом — ижорские селения в финском и русском окружении). Аналогично, ойконимы *Vepsä*, *Vepsä* и *Vepsküla*, находящиеся вне ареала предполагаемой этнической группы *vepsä*, логично видеть образованными от этнонима — тем более что другого значения лексемы *vepsä* / *vepsä* мы не знаем.

Следующий вопрос — как связан этноним *vepsä* / *vepsä* у ижор с собственно вепсами. Известно, что этноним *veps* / *veps* был в употреблении только у части вепсов, хотя этноним *vepsä* был известен и за пределами области вепсов (прежде всего олонецким и тверским карелам)⁴⁹. Исследователи вепсов отмечают, что *vepsä* — лингвоэтноним.⁵⁰ При этом топонимы с основой *veps* есть и в Северном Приладожье и на Карельском перешейке, в восточных областях Финляндии (южное Саво, северное Саво, северное Хяме, северная Карелия), а также на юге и западе Финляндии. Происхождение этих топонимов традиционно объясняют миграцией, что едва ли возможно подтвердить. Есть версия, что топонимы с основой *veps* относились к водным и сухопутным разграничительным знакам⁵¹.

⁴⁷ Köppen P., von. Erklärender Text... S. 43.

⁴⁸ Полевые материалы автора (сообщение Хилды Лаллукка, до 1940 г. жившей в д. Вепса волости Рауту).

⁴⁹ Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 7.

⁵⁰ Grünthal R. Livvistä liivin: Itämerensuomalaiset etnonyymit. Helsinki, 1997. (Castrenianumin toimitteita, 51). S. 97.

⁵¹ Ibid. S.100–101.

Обратим внимание на фамилии *Vepsä* и *Vepsäläinen*, представленные в Финляндии немалым числом носителей — 1784 человек (*Vepsäläinen*) и 464 человека (*Vepsä*).⁵² Старейшие известия о фамилии *Vepsä* (XVI в.) относятся к волостям Карельского перешейка (*Jääski*, *Kivennäpa*, *Muolaa*, *Uusikirkko*, *Viipuri*), Саво (*Juva*, *Pellosniemi*, *Rantasalmi*, *Sääminki*, *Tavinsalmi*) и Похьянмаа (*Pattijoki*), фамилии *Vepsäläinen* — к финляндской Северной Карелии (*Suonenjoki*, Тиуропаара). В XVII в. носители фамилий *Vepsä* и *Vepsäläinen* были в *Hiiutola*, *Impilahti*, *Suistamo* — откуда, как считается, они распространились в Саво и Северную Карелию⁵³. Вырисовывается картина распространения носителей фамилии *Vepsä*, исходным пунктом которого оказывается западная часть Карельского перешейка с Выборгом. Присутствие ойконима *Vepsa* и фамилии *Vepsä* на Карельском перешейке в XVI в. больше похоже на местное явление, чем на следствие миграции. В то же самое время православные носители фамилии *Vepsäläinen* в Тиуропаара (*Teresko Vepseläinor*, XVI в.) и в *Impilahti* (*Iwan Wäpsäläinen*, XVII в.)⁵⁴ едва ли могли быть связаны с *Vepsa* / *Vepsä* на Карельском перешейке, да и направление предполагаемой миграции неясно. Складывается впечатление, что имена с основой *veps* возникли в разных местах независимо друг от друга.

Обнаруженный ижорский этноним *vepsä* территориально примыкает к ареалу онимов (фамилии и топонимы) *Vepsä* / *Vepsa* Карельского перешейка, Северного Приладожья и Финляндии. Вопрос об их связи с наименованием собственно вепсов, несмотря на неоднократные попытки решения⁵⁵, не получил однозначного ответа. В этом контексте наличие этнонима *vepsä* у ижор скорее указывает на культурно-языковое сходство различных групп древнего прибалтийско-финского населения — и, кроме того, существенно расширяет наши представления об ижорах.

⁵² Nimipalvelu [Электронный ресурс]. URL: <https://nimipalvelu.dvv.fi/sukunimihaku> (дата обращения: 12.05.2025).

⁵³ Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Helsinki, 2000. S. 737.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ См., например: Valonen N. Varhaisia lappalais-suomalaisia kosketuksia // Ethnologia Fennica. 1980. Vol. 10. S. 21–98; Напольских В. В. Происхождение самоназвания вепсов в контексте этнической истории Восточной Прибалтики // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 28–33.

Фото 1. Теглицы. Ландшафт. Фото автора (2025).

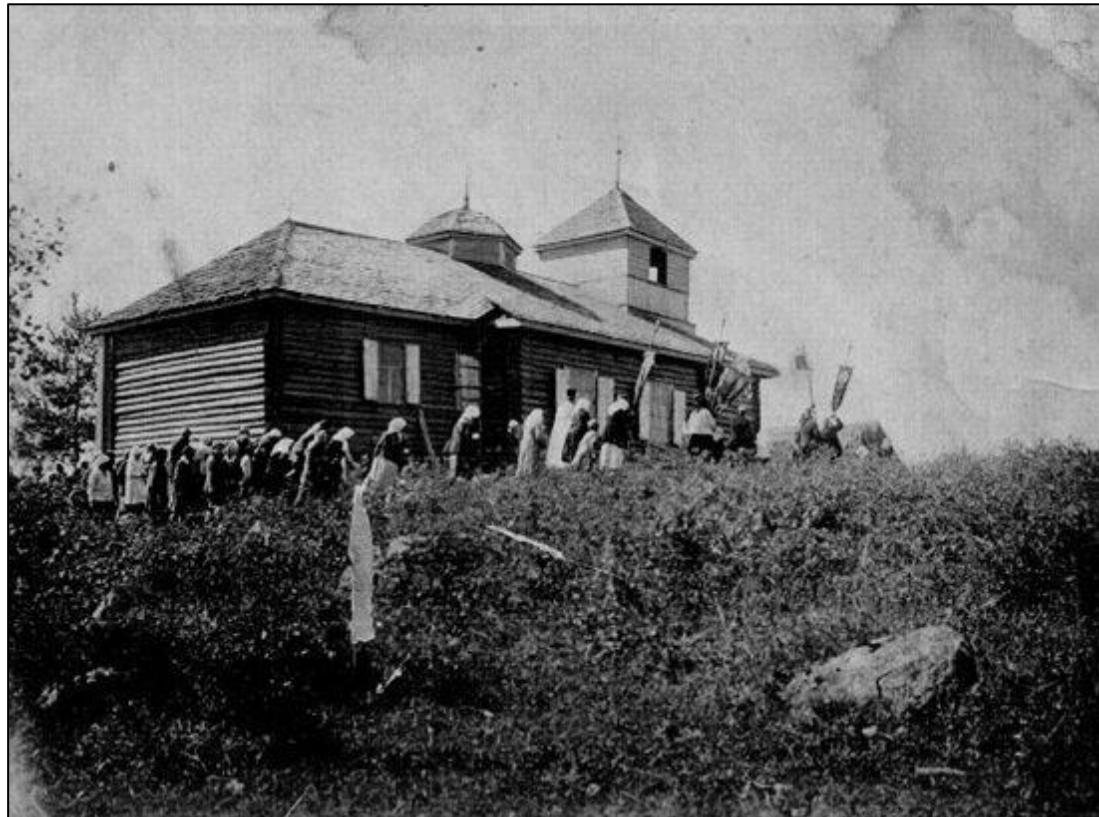

Фото 2. Теглицы. Церковь и крестный ход. Фото 1930-х гг.

Список литературы

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.
2. Земля Невская Православная: Православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области: Краткий церковно-исторический справочник. СПб.: Православная Русь, 2000. 199 с.
3. Крюков А. В. Западная Ингерманландия: этническая история в зеркале топонимики // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика: Дополнительные материалы международной конференции, посвященной 60-летию КарНЦ РАН (24–27 октября 2006 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2006. С. 255–257.
4. Крюков А. В. Ижоры Карельского перешейка в XX веке // «Нет родной сторонки краше...»: Сборник статей и материалов научно-просветительской конференции, посвящённой 170-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины великой ижорской сказительницы Ларин Параске (1834–1904). СПб.: Издательский дом «Инкери», 2006. С. 62–92.
5. Крюков А. В. Земельщина и водь: К вопросу о формировании этнокультурных зон в Западной Ингерманландии // Народное зодчество: Межвузовский сборник: Материалы международной научно-практической конференции «Забытое наследие. Как спасти деревянное зодчество России», посвященной 100-летию академика Д. С. Лихачева. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета, 2007. С. 465–486.
6. Крюков А. В. Водь или чудь? // Язык и традиционная культура русского Северо-Запада: Сборник статей памяти Лиодии Яковлевны Петровой. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. С. 175–198.
7. Крюков А. В. Малоизвестная группа постэтнической воды в Кингисеппском районе Ленинградской области // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада — 3: Шестые Шёгреновские чтения: Сборник статей и тезисов докладов. СПб.: Европейский Дом, 2014. С. 52–65.

8. Крюков А. В. Что стоит за этнонимом «ижоры»? // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: Материалы. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2014. С. 36–39.
9. Крюков А. В. Ижоры Центральной Ингерманландии в XX веке // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт: Седьмые Международные Шёгреновские чтения: Сборник статей. СПб.: Издательский дом «Инкери», 2018. С. 78–91.
10. Лаанест А. Ижорские диалекты. Таллин: Изд. АН ЭССР, 1966. 179 с.
11. Напольских В. В. Происхождение самоназвания вепсов в контексте этнической истории Восточной Прибалтики // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 28–33.
12. Народы России: Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. 479 с.
13. Оллыкайнен В. М. Словарь северно-ингерманландских говоров финского языка: Говоры вуолэ и колтушский = Pohjois-Inkerin murresanakirja: Vuoleen ja Kelton murresanastoa. [Петрозаводск]: Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН; [Helsinki]: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2003. XVII, 421 s.
14. Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л.: Наука, 1965. 264 с.
15. Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. 260 с.
16. Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 259 с.
17. Седов В. В. Ижора // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 42–43.

18. Grünthal R. Livvistä liiviin: Itämerensuomalaiset etnonyymit. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Laitos, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997. 283 s. (Castrenianumin toimitteita, 51).
19. Inkerikot, setot ja vatjalaiset: Kansankulttuuri, kieli ja uskomusperinteet / Toim. K. Kallio, R. Grünthal ja L. Saressalo. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2021. 504 s.
20. Inkeroismurteiden sanakirja / Toim. R. E. Nirvi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1971. XVI, 730 s.
21. Laanest A. Näiteid isuri keele Heva murdest // Keele ja Kirjanduse Instituudi uurimused=Труды Института языка и литературы. 1958. Osa II. Lk. 167–174.
22. Laanest A. Isuri keele Hevaha murde sõnastik. Tallinn: Eesti Keele Instituut, 1997. 233 lk.
23. Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Helsinki: Otava, 2000. 895 s.
24. Nimipalvelu [Электронный ресурс]. URL: <https://nimipalvelu.dvv.fi/sukunimihaku> (дата обращения: 12.05.2025).
25. Salminen V. Inkerin runonlaulajat ja tietäjät // Suomen kansan vanhat runot. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1931. Vol. V. Itä- ja Pohjois-Inkerin runot. Osa 3. Parasken runot ja loitsut. Toisinnot 1–1343. Inkerin runonlaulajat ja tietäjät. S. 526–649.
26. Suomen kansan vanhat runot. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1915. Vol. III. Länsi-Inkerin runot. Osa 1. Toisinnot 1–1250. 670 s.; 1916. Osa 2. Toisinnot 1251–2580. 734 s.; 1924. Osa 3. Toisinnot 2581–4634. XLIX, 783 s.; 1925. Vol. IV. Keski-Inkerin runot. Osa 1. Toisinnot 1–1503. 638 s.; 1926. Osa 2. Toisinnot 1504–2762. 672 s.; 1928. Osa 3. Toisinnot 2763–4807. 780 s.; 1929. Vol. V. Itä- ja Pohjois-Inkerin runot. Osa 1. Kertovaiset runot. Toisinnot 1–1354. XI, 672 s.; 1930. Osa 2. Tunnelmarunot ja loitsut. Toisinnot 1–2699. 812 s.; 1931. Osa 3. Parasken runot ja loitsut. Toisinnot 1–1343. Inkerin runonlaulajat ja tietäjät. LXIV, 649 s.
27. Valonen N. Varhaisia lappalais-suomalaisia kosketuksia // Ethnologia Fennica. 1980. Vol. 10. S. 21–98.

28. Öpik E. Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul: Etnograafilisi ja lingvistikilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses / Toim. A. Viires. Tallinn: Valgus, 1970. 206 lk.

KRIUKOV Alexei V.

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Russia, Saint Petersburg
kauko@mail.ru

ON THE ETHNONYM *VEPSÄ* BY THE IZHORIANS

Abstract: The author presents on his own field materials of the late 20th — early 21th centuries a motley ethnonymic situation at Izhorians. It has been shown that individual local groups of Izhorians are marked with specific exo- and endoethnonyms, indicating a lack of ethnic unity between these groups in the foreseeable past. The author revealed the existence of a separate group of Izhorians in western Ingermanland (Volosovskii and Lomonosovskii districts of the Leningrad region) with the self-name *vepsä* / *vepsäläiset* 'Vepsians'. This group and the ethnonym marking it did not come to the attention of researchers, due to early russification. The long existence of this group of russified Izhorians settlements is proved, confirmed both topographically and by historical sources. The legacy of the term *vepsä* / *vepsäläinen* is preserved in toponyms and surnames, and on a much wider territory than Izhora proper. The question of the relationship of the ethnonym *vepsä* / *vepsäläinen* in Izhora Upland and elsewhere remains open.

Keywords: Vepsians, Votians, Izhorians, Ingrian dialects, Ingria toponyms, ethnonyms.

Acknowledgments: The author thanks Arvo Survo, Veronika Makhtina, Andrei Ridal', Mikhail Braudze for the help in preparing this article

For citation: Kriukov A. V. On the Ethnonym *Vebsä* by the Izhorians. *Studia Nordica*, 2025, No. 1, pp. 84–109. DOI: 10.17076/sn4

References

1. *Civil war and military intervention in the USSR: encyclopedia*. 2nd ed. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1987. 720 p.
2. *Neva Orthodox Land: Orthodox churches of suburban areas of St.-Petersburg and the Leningrad region: A brief church history guide*. St-Petersburg, Orthodox Russia, 2000. 199 p.
3. Kryukov A. V. *West Ingermanland: ethnic history in the mirror of toponymy* // Northern Europe in the 21st century: nature, culture, economy: Additional materials of the international conference dedicated to the 60th anniversary of KarRC RAS

(October 24–27, 2006, in Petrozavodsk). Petrozavodsk: Publishing House of KarRC RAS, 2006, pp. 255–257.

4. Kryukov A. V. *Izhora of Karelian Isthmus in the twentieth century* // "No native side is more beautiful...": Collection of articles and materials of the scientific and educational conference dedicated to the 170th anniversary of the birth and 100th anniversary of the death of the great Izhora storyteller Larin Paraske (1834–1904). St-Petersburg: Inkeri Publishing House, 2006, pp. 62–92.

5. Kryukov A. V. *Land and water: On the formation of ethnocultural zones in West Ingemanland* // Folk architecture: Interuniversity collection: Proceedings of the international scientific-practical conference "Forgotten legacy. How to save the wooden architecture of Russia," dedicated to the 100th anniversary of academician D. S. Likhachev. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publishing House, 2007, pp. 465–486.

6. Kryukov A. V. *Votians or Chud?* // Language and traditional culture of the Russian Northwest: Collection of articles in memory of Lydia Yakovlevna Petrova. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2010, pp. 175–198.

7. Kryukov A. V. *A little-known group of post-ethnic water in the Kingisepp district of the Leningrad region* // Historical and cultural landscape of the North-West — 3: Sixth Shogren Readings: Сборник статей и тезисов докладов. St-Petersburg: European House, 2014, pp. 52–65.

8. Kryukov A. V. *What is behind the ethnonym "Izhora"?* // V All-Russian Conference of Finno-Ugric Scholars "Finno-Ugric languages and cultures in the socio-cultural landscape of Russia": Materials. Petrozavodsk, June 25–28, 2014. Petrozavodsk: Institute of Language, Literature and History, KarRC RAS, 2014, pp. 36–39.

9. Kryukov A. V. *Izhora of Central Ingemanland in the twentieth century* // North-West: ethno-confessional history and historical and cultural landscape: Seventh International Sjogren Readings: Collection of articles. St-Petersburg: Inkeri Publishing House, 2018, pp. 78–91.

10. Laanest A. Izhora dialects. Tallinn: Ed. Academy of Sciencec of ESSR, 1966. 179 p.
11. Napolskikh V. V. *The origin of the self-name of the Vepsians in the context of the ethnic history of the Eastern Baltic* // Voprosy onomastiki. 2007, № 4, pp. 28–33.
12. Peoples of Russia: encyclopedia. Moscow, Great Russian Encyclopedia, 1994. 479 p.
13. Ollikainen V. M. *Slovar' severno-ingermanlandskikh govorov finskogo iazyka: Govory vuole i koltushskii = Pohjois-Inkerin murresanakirja: Vuoleen ja Kelton murresanastoa*. [Petrozavodsk], Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre (Russian Academy of Sciences), [Helsinki], Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2003, XVII, 421 p.
14. Pimenov V. C. *Vepsians: The essay of ethnic history and the genesis of culture*. Moscow – Leningrad, Nauka, 1965. 264 p.
15. Ryabinin E. A. *Finno-Ugric tribes as part of ancient Russia: To the history of Slavic-Finnish ethnocultural ties: Historical and archaeological essays*. St-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1997. 260 p.
16. Ryabinin E. A. *Vodic land of Great Novgorod*. St-Petersburg, Dmitry Bulanin, 2001. 259 p.
17. Sedov V.V. *Ižbora* // Finno-Ugric peoples and Balts in the Middle Ages. Moscow, Nauka, 1987, pp. 42–43.
18. Grünthal R. *Lirvistä liiviin: Itämerensuomalaiset etnonyymit*. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Laitos, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997, 283 p. (Castrenianumin toimitteita, 51).
19. Inkerikot, setot ja vatjalaiset. Kansankulttuuri, kieli ja uskomusperinteet. Ed. by K. Kallio, R. Grünthal and L. Saressalo, Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2021, 504 p.
20. Inkeriismurteiden sanakirja. Ed. by R. E. Nirvi. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1971. XVI, 730 p.
21. Laanest A. Näiteid isuri keele Heva murdest. *Keele ja Kirjanduse Instituudi uurimused = Trudy Instituta iazyka i literatury*, 1958, vol. II, pp. 167–174.

22. Laanest A. *Isuri keele Hevaha murde sõnastik*. Tallinn, Eesti Keele Instituut, 1997, 233 p.
23. Mikkonen P., Paikkala S. *Sukunimet*. Helsinki, Otava, 2000, 895 p.
24. Nimipalvelu. Available at: <https://nimipalvelu.dvv.fi/sukunimihaku> (accessed May 12, 2025).
25. Salminen V. Inkerin runonlaulajat ja tietäjät. *Suomen kansan vanhat runot*, vol. III, part 3. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden seura, 1931 pp. 526–649.
26. *Suomen kansan vanhat runot*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1915–1924, vol. III, parts 1–3; 1925–1928, vol. IV, parts 1–3; 1929, vol. V, parts 1–3.
27. Valonen N. *Varhaisia lappalaista-suomalaisia kosketuksia: Ethnologia Fennica*, 1980, vol. 10, pp. 21–98.
28. Öpik E. *Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul: Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses*. Ed. by A. Viires. Tallinn, Valgus, 1970, 206 p.

МАТАШИНА Ирина Сергеевна

Независимый исследователь

Россия, Петрозаводск

irinadesh@mail.ru

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» В ПОВЕСТИ АЙЛИ НУРДГРЕН «ГОРИ, ОГОНЬ»

Аннотация. Статья посвящена анализу оппозиции «свой — чужой» в повести финской писательницы Айли Нурагрен (*Aili Nordgren*) «Гори, огонь» (*Brinn eld*, 1951). Рассматриваются культурно-исторические особенности творчества автора и тематические аспекты произведения, связанные с социальным конфликтом и формированием идентичности действующих лиц. Анализируется проявление оппозиции «свой — чужой» в определении у героев повести национальной принадлежности и культурной самобытности при внутренней дифференциации финского общества. Прослеживается социальный конфликт между торпарями и зажиточными крестьянами, в который вмешивается «иной» герой — представитель движения за права крестьян и рабочих родом с материковой части Финляндии. Наличие данного образа усложняет описываемый социальный конфликт, именно он становится движущей силой, сподвигающей остальных персонажей на активную деятельность. Анализ произведения показывает, что в нем помимо социального противоречия прослеживается противопоставление Аландских островов, Финляндии и Швеции. Культурно-исторический контекст помогает раскрыть внутренние конфликты действующих лиц и особенности межличностных взаимоотношений. Преодоление границы между «своим» и «чужим», по мнению писательницы, в перспективе ведет к укреплению общественного единства и способствует реализации декларируемых автором ценностей.

Ключевые слова: литература Финляндии, XX век, Айли Нурагрен, свое, чужое

Для цитирования: Маташина И. С. Противопоставление «свой — чужой» в повести Айли Нурагрен «Гори, огонь» // *Studio Nordica*. 2025. № 1. С. 110–120. DOI: 10.17076/sn5

Имя финской писательницы Айли Нурагрен (*Aili Nordgren*, 1908–1995) мало известно российскому читателю, однако в культурной жизни Финляндии семья Нурагрен оставила яркий след: один из сыновей А. Нурагрен — писатель Ральф Нурагрен (*Ralf Nordgren*, 1936–2014), другой — композитор Пер Хенрик Нурагрен (*Pehr Henrik Nordgren*, 1944–2008); кроме того, ее сестра Салли Салминен (*Sally Alina Ingeborg Salminen*, 1906–1976) и братья Уно и Рунар Салминен (*Henrik Uno Albert Salminen*, 1905–1991, *Runar Ensio Salminen*, 1912–1989) также известны своим литературным творчеством.

Э. Г. Карху отмечал, что родина А. Нурагрен — Аландские острова — «не только географическое, но и национально-культурное понятие. Это и тщательно оберегаемая, можно сказать, заповедная островная территория

шведского языка и шведских культурных традиций, сохранению и развитию которых способствует автономия Аланд»¹. Спорный в течение продолжительного времени вопрос о статусе Аландских островов разрешился в 1921 г., когда Лигой Наций была принята конвенция об их принадлежности Финляндии², а также соглашение, закрепившее гарантии сохранения шведского языка и шведской культуры. Право на самоуправление отражено в Конституции Финляндии. Шведскому языку на территории Аландов гарантируется статус единственного государственного языка. В настоящее время «отношения с Финляндией строятся на двусторонней основе»³. Тем самым актуальность исследования обусловлена языковым и географическим своеобразием малой родины писательницы, в описание которой она вложила свои творческие силы. Финские исследователи С. Нюгорд и Х. Тандефельт считают, что «недоминирующая литература шведской части Финляндии... не была гомогенной. Она была раздроблена на представителей различных провинций, на писателей, повествующих о жизни в деревне и о жизни рабочих, а в 1940-х годах — также и среди сторонников левой идеологии на социал-демократов, таких, как Анна Бундестам, и “народных демократов”, таких как Эва Викман и Айли Нурагрен»⁴. Т. Уорбертон, рассуждая об изображении финской провинции в шведоязычной литературе Финляндии начала XX века, указывает на наличие двух творческих центров: на юго-востоке и в провинции Эстерботтен, а также отмечает, что развитие литературы Аландских островов также проявило художественные таланты их жителей. В частности, исследователь упоминает таких писателей, как Салли Салминен, Айли Нурагрен, Сигнелиа Хегблум (*Signelia Häggblom*, 1917–2010), Юханнес Окехольм (*Johannes Åkeholm*, 1901–1963) и других авторов⁵.

¹ Карху Э. Г. История литературы Финляндии. XX век. Л., 1990. С. 34.

² The Åland agreement in the Council of the League of Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://kulturstiftelsen.ax/app/uploads/2020/07/english-3-3-1.pdf> (дата обращения: 12.02.2024).

³ Погодин С. Н., Любина Д. Е. Особенности внутренней автономии Аландских островов в составе Финляндии // Управленческое консультирование. 2021. № 1. С. 88 – 96.

⁴ Nygård S., Tandefelt H. Skrivandets villkor och gemenskap: Finlands svenska författarförening 1919–2019. Helsingfors, 2019. S. 219.

⁵ Warburton Th. Åttio år finlandssvensk litteratur. Helsingfors, 1984. S. 265–268.

Тем не менее тематически творчество А. Нурдгрен находится в общем контексте тенденций скандинавской литературы. А. В. Коровин в статье «Современная скандинавская литература» утверждает, что «в начале XX века в датской литературе постепенно начинает доминировать реализм, тесно связанный с левыми идеями, появляются романы о судьбах женщин в современном обществе К. Микаэлис (1872–1950), о жизни крестьян Ю. М. Скьюльборга (1861–1936) и Й. Окьера (1866–1930), а находившийся под сильным влиянием коммунистических идей М. Андерсен-Нексё (1869–1954) закладывает основы пролетарской литературы»⁶. Сходная тенденция прослеживается и в шведской литературе. По мнению Д. В. Кобленковой, «изучение большого числа шведских романов второй половины XX — начала XXI века показывает, что одним из важнейших в произведениях шведской литературы указанного периода остается социальный конфликт, начало которому в литературе Швеции было положено А. Стриндбергом, усилено представителями пролетарской литературы и писателями-шестидесятниками»⁷. На сегодняшний день отдельных исследований творчества А. Нурдгрен в отечественном литературоведении не имеется, однако ее имя упоминается в разделе монографии Э. Г. Карху «История литературы Финляндии. XX век»⁸, посвященном началу указанного периода. Творчеству А. Нурдгрен и близких ей по духу писателей посвящен обзор финского исследователя Т. Саарелы «Национальный меньшинства финско-шведского рабочего движения»⁹, очерк А. Сунделин и М. Викстрёма «Любовь и классовая борьба через Атлантику»¹⁰, монография С. Нюгорда и

⁶ Коровин А. В. Современная скандинавская литература (статья первая) // Современная Европа. 2007. № 3. С. 135.

⁷ Кобленкова Д. В. Типология шведского романа второй половины XX — начала XXI века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 1. С. 77.

⁸ Карху Э. Г. История литературы Финляндии. XX век.

⁹ Saarela T. Den finlandssvenska arbetarrörelsens minoritetsnationalism // Historisk Tidskrift för Finland. 2024. Vol. 109. No. 3. S. 311–316. URL: <https://journal.fi/htf/article/view/155975> (дата обращения: 21.09.2025).

¹⁰ Sundelin A., Wickström M. Kärlek och klasskamp över Atlanten: Aili och Runar Nordgrens revolutionära livsresa // Historiska och litteraturhistoriska studier. 2020. Vol. 95. S. 95–120. URL: <https://hls.journal.fi/article/view/87515> (дата обращения: 21.09.2025).

Х. Тандефельт «Условия и общность творчества. Финско-шведское объединение писателей 1919–2019»¹¹.

Фундаментальная оппозиция «свой — чужой» изучалась во многих гуманитарных науках: филологии, философии, социологии. По словам Ю. М. Лотмана, «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“их”»)¹². Следовательно, эта оппозиция оказывает непосредственное влияние на то, как в сознании человека воспринимается реальный мир. Ю. С. Степанов пишет, что универсальные противопоставления пронизывают «всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального миоощущения»¹³.

В приведенном выше контексте повесть «Гори, огонь» представляется классически выстроенным произведением, в основе которого — социальный конфликт батраков-торпарей и зажиточных крестьян. Повесть является продолжением повести 1948 г. «Указавший путь» (*Visa en väg*, 1948). События разворачиваются в 1924–1925 гг., во время становления движения за права сельского населения. В этом столкновении можно проследить первый уровень оппозиции «свой — чужой». А. Нурдгрен вводит в повествование образ Маннинена, крестьянина из материковой части Финляндии, который помогает коренным аланцам постоять за себя: «Помни, Матсен, когда ты идешь на борьбу с хозяином, ты должен знать свое оружие. И чужое оружие тоже — оружие твоего хозяина и твоих товарищ, иначе ты проиграешь!»¹⁴. Затем эстафету у него перенимает главная героиня повести — девушка по имени Бетти, коренная аланка.

Противостояние «угнетенных» бедняков и «бессердечных» хозяев прослеживается на протяжении всей повести. Консолидация торпарей вокруг фигуры Маннинена и его идей помогает им ощутить свою силу и оказать

¹¹ Nygård S., Tandefelt H. Skrivandets villkor...

¹² Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 175-176.

¹³ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001. С. 92.

¹⁴ Диктюнус Э. Рассказы и зарисовки. Нурдгрен А. Гори, огонь. Бундестам А. Пропасть. Чильман К. Милейший принц. М., 1979 (далее — Нурдгрен А. Гори, огонь). С. 163.

противодействие старому укладу: «Наступили новые времена»¹⁵. Акцент на борьбе крестьян за свои права параллелен тенденции в послевоенной литературе Швеции, в которой, как отметил М. Нильссон, приводя слова Ф. Фриделль, «пришло время критиковать условия труда в современной промышленности и классовую несправедливость»¹⁶.

Социальное неравенство проявляется и в любовной линии повествования. Главная героиня разочаровывается в своей первой любви. Ее избранник предпочел другую, более обеспеченную девушку: «Он смутно ощущал, что беда в его богатстве, она — что только бедность мешает их счастью»¹⁷.

Представляется важным отметить особое положение в исследуемой оппозиции образа Манниена, который учит других работников отстаивать свои права. С одной стороны, фигура Манниена воспринимается с позиции «свой», поскольку крестьяне считаются с его мнением и поддерживают его идеи, с другой — отличается от них. По мнению Е. Ю. Кисляковой и В. В. Соломиной такого рода противопоставления из бинарных превращаются в тройственные: «чужое воспринимается как иное, т.е. не несущее потенциальной опасности, и результаты познания мира трактуются в парадигме «любопытство — интерес — симпатия — восхищение — константное доброжелательное и уважительное отношение»¹⁸. Таким образом, в дилеммии «свой — чужой» этот образ можно отнести к промежуточной категории «иной».

Отметим также более глубокое противопоставление-триаду, которое прослеживается в сюжете повести: Аландские острова — Финляндия — Швеция. Отправная точка повествования — Аландские острова, где живет

¹⁵ Там же. С. 168.

¹⁶ Nilsson M. The Making of Swedish Working-Class Literature // Working-Class Literature(s): Historical and International Perspectives. Vol. II. 2017. P. 107. URL: https://www.researchgate.net/publication/321789833_The_Making_of_Swedish_Working-Class_Literature (дата обращения: 21.09.2025).

¹⁷ Нурдгрен А. Гори, огонь. С. 177.

¹⁸ Кислякова Е. Ю., Соломина В. В. Концептуальная триада «свой — чужой — иной» в английском и русском языках: теоретико-методологический аспект. Тамбов, 2011. № 3 (10). С. 73.

семья главной героини. В замкнутом мире архипелага есть свои трудности: бедность и отсутствие перспектив вынуждает деревенских жителей Аландских островов покинуть малую родину и искать лучшей жизни в эмиграции, их попытки оказываются неудачными. Старший брат Бетти, Вильгельм, который в ходе странствий обосновался на другом краю света, в Австралии, зарабатывает себе на пропитание, однако отдалился от родных: «годы стерли память о тебе, письма от тебя приходили все реже и становились чужими»¹⁹. Больших успехов на чужбине он не добился, хотя и присыпал семье немного денег. По его стопам пошла сестра Бетти — Инга, отправившаяся на заработки в Швецию. Отметим, что хотя Инга говорит по-шведски, в Стокгольме «своей» ей стать не удалось: «Когда она пыталась объяснить им, что родом с Аландских островов, они только смеялись и говорили, что, тем не менее, она финка»²⁰. Тем самым потребность человека определить свою идентичность не получает в анализируемой повести реализации в языковой принадлежности героини.

Свообразие положения Аландских островов отражается и в том, что Финляндия воспринимается коренными жителями как нечто чужое: «Это Аланды, а в свою Финляндию отправляйся сам»²¹, — говорит Бетти своему товарищу. Подобное противопоставление не единожды возникает в повести, показывая отношение местных жителей к материковой части Финляндии. Сестра Бетти, Инга, вдали от родины лишается рассудка, и только вернувшись домой чувствует целительную силу природы и родной земли: «В особенно тяжелые минуты им становилось легче уже от одного того, что они стояли на пригорке и глядели на луга. Глубокий покой, разлитый в природе, вносил покой и в их души: леса, траурным кантом обрамлявшие яркую зелень лугов, придавали их печали иной оттенок»²². Более того, вдали от родины и от семьи Инга под влиянием тяжелой работы постепенно теряет рассудок. Только по возвращении домой целительная забота близких и единение с природой

¹⁹ Нурдгрен А. Гори, огонь. С. 242.

²⁰ Там же. С. 144.

²¹ Там же. С. 114.

²² Там же. С. 205.

возвращают ее к людям: «Она плавала между льдинами, плавала каждый день, и, когда возвращалась домой, глаза ее блестели по-новому. И однажды она узнала всех»²³.

Сама главная героиня, размышляя о своей судьбе, связывает себя с родной деревней и после долгих колебаний решает не покидать ее, поскольку именно здесь она чувствует себя настоящую: «вечно ездить между Стокгольмом и Аландами, быть ни аландкой, ни шведкой, никем...»²⁴. Важно отметить, что это убеждение формируется не сразу. В начале повести Бетти не видит иного способа вырваться из нищеты, кроме как уехать из родных мест: «Если дети богатых крестьян хотят стать учителями, они едут в Экенес, в Гельсингфорс, в Або, в Нюкалрлебю... те, кто едут в Финляндию, получают работу и чувствуют себя там как дома, потому что никто не считает их чужаками».²⁵ Маннинен, появившись в жизни Бетти, делится с ней своими убеждениями, которые она принимает. Маннинен, убеждает ее принести пользу Финляндии: «Твоя совесть должна заставить тебя остаться, но не только ради них: ты должна остаться ради себя самой!»²⁶. Тем самым, в определении «своих» для Бетти основополагающей становится ее роль в общественной жизни внутри родной страны, а не за ее пределами: «лишь бы тебе хотелось читать, учиться и быть с теми, кто борется за то, чтобы у всех была лучшая жизнь»²⁷.

Подводя итог, отметим, что в повести «Гори, огонь» прослеживается процесс формирования идентичности героев через оппозицию «своего» и «чужого», кроме того, автор раскрывает сущность мировосприятия жителей Аландских островов. Приверженность традициям и сложившемуся укладу помогает преодолеть сила, которая приходит «извне», с материковой части Финляндии. При этом фигура «иного» помогает упрочить связь жителя Аландов — главной героини произведения, с родиной: Маннинен убеждает Бетти не уезжать на заработки в Швецию. Так понятие «инаковости» в

²³ Там же. С. 202.

²⁴ Там же. С. 145.

²⁵ Там же. С. 170.

²⁶ Там же. С. 230–231.

²⁷ Там же. С. 232.

сознании героини претерпевает изменения, что отражает фундаментальный сдвиг в ее сознании. Айли Нурдгрен предлагает свое решение социальных проблем финского общества: социальное единство населения, трудящегося на благо своей страны.

Список литературы

1. Диктониус Э. Рассказы и зарисовки. Нурдгрен А. Гори, огонь. Бундестам А. Пропасть. Чильман К. Милейший принц. М.: Прогресс, 1979. 605 с.
2. Карху Э. Г. История литературы Финляндии. ХХ век. Л.: Наука, 1990. 606 с.
3. Кислякова Е. Ю. Соломина В. В. Концептуальная триада «свой — чужой — иной» в английском и русском языках: теоретико-методологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 3 (10). С. 72–76.
4. Кобленкова Д. В. Типология шведского романа второй половины XX — начала XXI века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 1. С. 76 – 80.
5. Коровин А.В. Современная скандинавская литература (статья первая) // Современная Европа. 2007. № 3. С. 133–149.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-Спб, 2000. 704 с.
7. Погодин С. Н., Любина Д. Е. Особенности внутренней автономии Аландских островов в составе Финляндии // Управленческое консультирование. 2021. № 1. С. 88–96.
8. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 989 с.
9. Nilsson M. The Making of Swedish Working-Class Literature // Working-Class Literature(s): Historical and International Perspectives. Vol. II. Stockholm: Stockholm University Press, 2017. 288 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/321789833_The_Making_of_Swedish_Working-Class_Literature (дата обращения: 21.09.2025).

10. Nygård S., Tandefelt H. Skrivandets villkor och gemenskap. Finlands svenska författareförening 1919–2019 [Электронный ресурс]. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2019. 456 p. Режим доступа: <https://www.sls.fi/wp-content/uploads/mfiles/2622/2622.pdf> (дата обращения: 12.06.2025).

11. Saarela T. Den finlandssvenska arbetarrörelsens minoritetsnationalism // Historisk Tidskrift för Finland. 2024. Vol. 109. No. 3. S. 311–316. URL: <https://journal.fi/htf/article/view/155975> (дата обращения: 21.09.2025).

12. Sundelin A., Wickström M. Kärlek och klasskamp över Atlanten: Aili och Runar Nordgrens revolutionära livsresa // Historiska och litteraturhistoriska studier. 2020. Vol. 95. S. 95–120. URL: <https://hls.journal.fi/article/view/87515> (дата обращения: 21.09.2025).

MATASHINA Irina S.

Independent researcher
Russia, Petrozavodsk
irinadesh@mail.ru

THE “SELF-OTHER” OPPOSITION IN THE NOVEL *BURN, FIRE* BY AILI NORDGREN

Abstract. Realization of the opposition “one's own —alien” in the novel *Burn, Fire* (*Brinn eld*, 1951) by a Finnish writer Aili Nordgren is analyzed. The author's cultural and historical background as well as the thematic aspects related to social conflict and identity formation are considered. The analysis is focused on the manifestation of the opposition “one's own — alien” in the characters' defining national and cultural identity in an internally differentiated Finnish society. The social conflict between the *torparis* (crofters) and the wealthy peasants is traced, in which the “other” hero — a representative of the movement for the rights of peasants and workers from the mainland of Finland — intervenes. The presence of this character complicates the described social conflict, but at the same time it is he who becomes the driving force that motivates the other characters to become active. In addition to the social conflict Aili Nordgren draws on a contrast between Åland Islands, Finland and Sweden in describing the process of the main protagonist's identity formation. The cultural and historical context helps to reveal the internal conflicts of the protagonists and interpersonal relationships. Overcoming the boundary between “own” and “alien” in the perspective leads to the strengthening of social unity and contributes to the achievement of the author's declared goals and realization of her values.

Keywords: Finnish literature, XX century, Aili Nordgren, self, other.

For citation: Matashina I. S. The “Self-Other” Opposition in the Novel *Burn, Fire* by Aili Nordgren. *Studia Nordica*, 2025, no. 1, pp. 110–120. DOI: 10.17076/sn5

References

1. Diktonius E. *Rasskazy i zarisovki*. Nordrgen A. *Gori, ogor'*. Bondestam A. *Propast'*. Kihlman K. *Mileishii prints*. Moscow, Progress, 1979, 605 p.
2. Karhu E. G. *Istoriia literatury Finliandii. XX vek*. Leningrad, Nauka, 1990, 606 p.
3. Kisliakova E. Iu. Solomina V. V. Kontseptual'naia triada “svoi — chuzhoi — inoi” v angliiskom i russkom iazykakh: teoretiko-metodologicheskii aspekt. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, 2011, no. 3 (10). pp. 72–76.
4. Koblenkova D. V. Tipologija shvedskogo romana vtoroi poloviny XX — nachala XXI veka. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, vol. 44, no. 1, pp. 76–80.
5. Korovin A. V. Sovremennaia skandinavskaia literatura (stat'ia pervaia). *Sovremennaia Europa*, 2007, no. 3, pp. 133–149.
6. Lotman Iu. M. *Semiosfera*. Saint-Petersburg, Iskusstvo-Spb, 2000, 704 p.
7. Pogodin S. N., Liubina D. E. Osobennosti vnutrennei avtonomii Alandskikh ostrovov v sostave Finliandii. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2021, no. 1. pp. 88–96.
8. Stepanov Iu. S. *Konstanty: slovar' russkoi kul'tury*. Moscow, Akademicheskii proekt, 2001, 989 p.
9. Nilsson M. The Making of Swedish Working-Class Literature. *Working-Class Literature(s): Historical and International Perspectives. Vol. II*. Stockholm, Stockholm University Press, 2017, 288 p.
URL: https://www.researchgate.net/publication/321789833_The_Making_of_Swedish_Working-Class_Literature (accessed September 21, 2025).
10. Nygård S., Tandefelt H. *Skrivandets villkor och gemenskap. Finlands svenska författarförening 1919–2019*. Helsinki, Svenska litteratursällskapet i Finland, 2019, 456 p. URL: <https://www.sls.fi/wp-content/uploads/mfiles/2622/2622.pdf> (accessed June 12, 2025).

11. Saarela T. Den finlandssvenska arbetarrörelsens minoritetsnationalism. *Historisk Tidskrift för Finland*, 2024. vol. 109, no. 3, pp. 311–316. URL: <https://journal.fi/htf/article/view/155975> (accessed September 21, 2025).
12. Sundelin A., Wickström M. Kärlek och klasskamp över Atlanten: Aili och Runar Nordgrens revolutionära livsresa. *Historiska och litteraturhistoriska studier*, 2020, vol. 95, pp. 95–120. URL: <https://hls.journal.fi/article/view/87515> (accessed September 21, 2025).

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

ДЖАКСОН Татьяна Николаевна

Институт всеобщей истории РАН

Россия, Москва

Tatjana.Jackson@gmail.com

**«ВЗГЛЯД С ВОСТОКА» НА НОВЕЙШЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
«ВОСТОЧНЫХ ВИКИНГОВ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ
СБОРНИКА СТАТЕЙ *THE MAKING OF THE EASTERN VIKINGS:
RUS' AND VARANGIANS IN THE MIDDLE AGES***

Аннотация. Статья представляет собой детальный анализ коллективной монографии под названием «Становление восточных викингов: Русь и варяги в Средние века», выпущенной издательством «Брепольс» в 2024 г. Помимо введения, терминологического указателя и библиографии сборник включает в себя одиннадцать статей, из которых восемь имеют источниковый характер, а три ориентированы в первую очередь на историографию. Посвященные событиям в Восточной Европе в IX–XIII вв., источники, на которых основаны статьи, делятся на пять групп: византийские исторические сочинения, труды арабских историков и географов, западноевропейские источники, русские летописи и исландские саги. В сборнике приняли участие, наряду с известными учеными, начинающие исследователи, и это проявилось в том, что уровень статей далеко не одинаков. Притом что примерно четвертую часть библиографии составляют работы (на русском и английском языках) российских авторов, в первую очередь занимавшихся присутствием скандинавов на Руси и в Византии в указанный период времени, в ряде глав сборника ощущается недостаточное знакомство с литературой по теме, что приводит либо к открытию ранее открытого другими исследователями, либо к просто ошибочным выводам. Сборник в целом можно охарактеризовать при помощи названия одной из входящих в него статей: *The West on the North in the East* — в буквальном переводе: «запад о севере на востоке», а по сути — представления западной историографии о скандинавах в Восточной Европе.

Ключевые слова: викинги, русы, Древняя Русь, варяги, Византия, варяжская дружины в Константинополе

Благодарности. Сердечно благодарю моих коллег по Отделу истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории РАН Е. А. Мельникову, Т. В. Гимона, А. С. Щавелёва и Т. М. Калинину за ценные замечания и комментарии.

Для цитирования: Джаксон Т. Н. «Взгляд с востока» на новейшее исследование «восточных викингов»: размышления по поводу сборника статей «*The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages*» // *Studia Nordica*. 2025. № 1. С. 122–158. DOI: 10.17076/sn6

Издательство «Брепольс» выпустило в 2024 г. сборник статей «Становление восточных викингов: Русь и варяги в Средние века»¹,

¹ The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages / Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout, 2024.

вызывающий естественный интерес специалистов по истории Древней Руси и русско-скандинавским связям. Редакторами сборника выступили сотрудники Университета Исландии (*Háskóli Íslands*) в Рейкьявике — известный историк и саговед, профессор средневековой истории факультета философии, истории и археологии Сверрир Якобссон, востоковед, доцент факультета языков и культур, доктор Торир Йоунссон Храундаль и докторант-преподаватель кафедры истории ДарьЯ Сегаль. Книга является результатом трехлетнего исследовательского проекта «Легенды восточных викингов», поддержанного Исландским исследовательским советом и выполнявшегося на базе Университета в Рейкьявике в 2019–2021 гг.², так что ее авторами стали в основном участники проекта — известные ученые, с одной стороны, и недавние выпускники университета, с другой. Декларируемой целью сборника является вклад в совершенно необходимый, по мнению его редакторов, «сдвиг парадигмы в изучении восточных викингов». Редакторы этого коллективного труда утверждают, что историография темы огромна, но она всегда концентрировалась на реальных событиях (исследователи пытались понять, что было в действительности), а повествователям, литературному контексту и мотивации написания соответствующих источников уделялось мало внимания. Здесь же исследовательский акцент, как они заявляют, смешен на свидетелей событий и на культурную память. Редакторы считают важным пересмотреть отдельные элементы грандиозного нарратива о событиях в Восточной Европе в IX–XIII вв., который сложился за двести с лишним лет изучения вопроса, введения в оборот письменных источников, а также накопления археологических и нумизматических данных³.

Книга состоит из введения, одиннадцати глав, списка цитируемой литературы и терминологического указателя, в котором по неясной причине отсутствует ключевой термин этой книги — *the Rus'* — то ли по случайной оплошности, то ли по причине трудности его однозначного определения.

² Cf. ”НÍ” at URL: https://hi.is/frettir/ny_bok_um_norraena_menn_i_austurvegi (accessed May 09, 2025).

³ Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and D. Segal. Introduction // The Making of the Eastern Vikings... P. 11–19.

Под именем «викингов», по формулировке А. Я. Гуревича, «известны выходцы из Скандинавии, которые в IX — первой половине XI в. совершили нападения на разные страны Европы и даже отваживались на экспедиции далеко за ее пределы»⁴. Однако в современном общественном и даже академическом дискурсе, как утверждают во введении редакторы рецензируемой книги, термин «викинги» стал обозначением скандинавов в целом, включая не только морских пиратов и воинов, но также купцов и мирных путешественников. Что касается «восточных викингов», которым посвящена книга, то в источниках они выступают как «русы» (греч. *οἱ Ρῶς*; лат. *Rhos*, *Rūzzi*, *Rugī*; арабск. *al-Rūs*, *al-Rūsiyya*; др.-русск. *роусъ*) и «варяги» (греч. *βάραγγοι*, арабск. *warank*, др.-сканд. *Væringi*, др.-русск. *вараж*). Эти термины не являются синонимами и использовались с разными значениями в разные периоды времени, а граница между ними проходит в XI в., когда (социо)этноним «русь» превращается в политоним «Русь» — название государства Владимира Святославича и его потомков, а скандинавы на востоке начинают именоваться исключительно «варягами».

Основной упор, по словам редакторов, делается на четыре группы источников: византийские исторические произведения середины X — начала XIII в.; труды арабских историков и географов IX–XI вв.; русские летописи (начиная с XII в.); исландские королевские и родовые саги, написанные в XII–XIII вв. Однако имеется глава, в которой рассматриваются также западноевропейские источники сер. IX — нач. XIII в. Из одиннадцати глав восемь посвящены изучению источников, а три написаны в несколько ином ключе и сосредоточены в первую очередь на историографии. Редакторы отмечают, что в рамках бинарной оппозиции «свой»/«чужой», позволяющей оценить то, как разные культуры определяли себя через сравнение с другими, в первых двух группах источников русы/Русь и варяги являются «чужими», а в третьей и четвертой они в какой-то степени принадлежат к «своим», но лишь как часть легендарного и ушедшего прошлого.

⁴ Гуревич А. Я. Викинги // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А. Я. Гуревича. М., 2003. С. 73–74.

Эта коллективная работа интересна поднимаемыми в ней вопросами, нетрадиционными подходами и интерпретациями, за что я отдаю должное исследователям, взявшим на себя труд по-новому (иначе, чем в предшествующей историографии) осветить проблему руси и варягов в Восточной Европе. И все же притом, что четвертая часть библиографии к книге — это современная русскоязычная научная литература (порой работы тех же авторов на английском языке), в целом ряде статей ощущается ее значительный недоучет, что снижает общий уровень представленного исследования. Ниже будет указано на некоторые наиболее заметные недочеты.

Сборник открывается двумя главами, написанными востоковедами. В первой из них — «Женщины русов в исламской географии? Подходы к изучению гендер» — Тонича М. Апхэм, аспирант-исследователь в Орхусском университете, изучает средневековые арабо-, персо- и тюркоязычные источники о русах⁵. Автор больше внимания уделяет критике имеющихся научных исследований, нежели непосредственному анализу источников. Из отмеченных ею традиционных недостатков работы с арабским географическим материалом справедливым видится ее рассуждение о якобы «необязательном» знании арабского языка и использовании этих источников для подтверждения другого исторического и археологического материала. Упомянутые недавние работы Торира Йоунсона Храундаля, Дж. Монтгомери и Н. Хермеса, которые, по ее словам, сделали «важный шаг» в правильном направлении, Апхэм игнорирует (впрочем, как и упомянутые ученые) труды российских востоковедов Т. М. Калининой и И. Г. Коноваловой, давно и плодотворно работающих с оригинальными текстами⁶. Однако нельзя не

⁵ Upham T. M. Rus' Women in Islamicate Geography? Approaching a Study of Gender // The Making of the Eastern Vikings... Р. 21–34.

⁶ См.: Калинина Т. М., Коновалова И. Г. Арабские и персидские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М., 2009. Т. III. С. 7–166, 211–251; см. также: Коновалова И. Г. Восточные источники о восточных славянах и Руси // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2013. С. 160–248; см. библиографию работ И. Г. Коноваловой в кн.: Книга картины земли. Сборник статей в честь И. Г. Коноваловой / Под ред. Т. Н. Джаксон и А. В. Подосинова. М., 2014. С. 331–346; см. библиографию работ Т. М. Калининой в кн.: Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 год: Восточная

согласиться с автором главы, что существует огромный потенциал для работы с исламскими источниками и что исламские источники о Руси требуют критического подхода, учитывая языковые, культурные и политические контексты.

Глава Торира Йоунссона Храундаля озаглавлена «Варяги в арабских источниках»⁷. Торир полагает, что постоянное движение купцов и товаров между севером и югом в IX и X веках сыграло важную роль в зарождении географических идей, но оно могло также искажать представления о реальных расстояниях и размерах территорий. Хорошей иллюстрацией этого, по его мнению, является изображение путей в анонимной «Книге диковинок» (*Kitab Ghara'ib al-funun wa-mulah al-'uyun*), «где Европа представлена как остров, а Балтийское море сливается с Доном и Черным морем в один крупный водоем»⁸. Скорее все же, это описание является косвенным отражением отмеченного еще в античной географии и космографии существования водной связи между севером и югом Европы. И надо подчеркнуть, что подобных указаний в арабской геокартографии IX–X вв. можно встретить немало⁹.

Что касается термина *warank*, то первым его использовал ал-Бируни в 1029 г. Тот факт, что он употребляет этот термин без дополнительных пояснений, свидетельствует о его уже широком распространении, хотя никто из географов IX–X вв. не упоминает варангов. Византийские авторы (Скилица и Кекавмен) впервые фиксируют термин βάραγγοι в 1030-х годах, всего на несколько лет позже ал-Бируни, что позволяет предположить возможность заимствования арабским ученым термина из византийских источников.

Европа и мир ислама. К юбилею Т. М. Калининой / Отв. ред. тома Е. В. Литовских, Е. А. Мельникова, Б. Е. Рацковский. М., 2021. С. 839–855. К сожалению, молодая исследовательница игнорирует и огромную литературу по исследованию арабских источников на самых разных языках.

⁷ Thorir Jonsson Hraundal. Varangians in Arabic Sources // The Making of the Eastern Vikings... Р. 35–46.

⁸ Ibid. Р. 38. Исследователь не обращает внимания на то, что представленная здесь картина морей и проливов в почти неизмененном виде взята из труда Ибн Хаукаля X в.

⁹ См., например, разделы, написанные А. В. Подосиновым и Т. М. Калининой в кн.: Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 49–55, 101–135.

Однако в арабских источниках нет указаний на то, что так называли в X в. представителей императорской гвардии. Торир Храундаль задается вопросом, не могло ли подобное явление существовать при дворе хазарского кагана в Итиле. Он не исключает возможности того, что скандинавы, направлявшиеся на восток, служили там телохранителями или наемниками — подобно тому, как это было в Византии. Торир высказывает эту гипотезу весьма осторожно, подчеркивая отсутствие прямых доказательств, но отмечает особые связи между варягами и Хазарией, которые могли способствовать такой практике.

Торир Храундаль обращает внимание на то, что арабские авторы (Ибн Хордадбех, Ибн Русте, Истахри, ал-Мас'уди) демонстрируют «особую связь между русью и хазарами»¹⁰, которую он рассматривает в контексте византийского влияния и дипломатии в регионе. Он соглашается с Дж. Шепардом¹¹ в том, что Византия в то время была готова использовать северян как своих союзников против мусульман. Этот вывод основан на известном сообщении «Бертинских анналов» под 839 г., описывающем посольство императора Феофила к Людовику Благочестивому в Ингельгейм, при котором находились представители народа «рос» (идентифицированные как «свеноны»). Их правитель, отправивший их к Феофилу, назывался «хакан», или «каган». Торир допускает две интерпретации титула «хакан»: он мог быть титулом «для правителя группы северян, находившихся по обе стороны Балтики», а мог относиться к реальному кагану того времени — кагану хазар. Он также предполагает, следуя за П. Голденом¹², что каганат русов возник как «вассальный каганат хазар»¹³. Только он не учитывает того, что «Бертинские анналы» — не единственное свидетельство использования титула «каган» применительно к русским князьям: в древнерусских источниках (среди них «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона) имеется ряд случаев,

¹⁰ Thorir Jonsson Hraundal. Varangians in Arabic Sources. P. 42.

¹¹ Shepard J. The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore? // Early Medieval Europe, 1970, vol. 4.1, pp. 41–60.

¹² Golden P. B. The Question of the Rus Qaganate // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. Vol. 2. P. 76–97.

¹³ Thorir Jonsson Hraundal. Varangians in Arabic Sources. P. 44.

демонстрирующих, что титул «каган» сохранялся за правителями Руси вплоть до последней четверти XI в.¹⁴.

Глава Моники Уайт, доцента кафедры русистики и славистики факультета искусств Ноттингемского университета, называется «Византийское “оборонительное обаяние” и русы»¹⁵ и посвящена начальному этапу отношений между Византией и русами, отраженному в византийских источниках начиная с середины IX в. Происхождение, цели и поведение русов сильно отличали их от давних противников империи, что потребовало переориентации дипломатического подхода. Старательно избегая проблемных и спорных вопросов, автор главы довольно расплывчато определяет объект своего исследования: «Термин *rus'* здесь относится к людям преимущественно скандинавского происхождения, которые были активны в Восточной Европе и Византии», — пишет она. Таким образом, М. Уайт сразу придает термину «русь» этническое значение, подчеркивая, что «термин *rus'* и его варианты ни в коем случае не относились в то время к месту (*to a place*)»¹⁶. Она считает, что может обойти затянувшиеся и не достигшие консенсуса дебаты относительно местоположения «каганата русов» (из известия «Бертинских анналов» под 839 г.), утверждая, что «названия, данные русами своим базам в IX в., неизвестны, а природа и расположение возможного центра власти русов являются спорными». Сама она использует термин «“родина русов” (*Rus' homeland*) в широком смысле для обозначения того, что сейчас является Северо-Западной Россией, где, как известно, у них были постоянные поселения в IX в.»¹⁷. Однако эта формулировка ясно показывает, что исследовательница является сторонницей точки зрения (сформулированной, в частности, К.

¹⁴ См.: Мельникова Е. А. «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб., 2010. С. 142–147.

¹⁵ White M. The Byzantine ‘Charm Defensive’ and the Rus’ // The Making of the Eastern Vikings... Р. 47–62.

¹⁶ Ibid. P. 48.

¹⁷ Ibid.

Цукерманом¹⁸, на которого она и ссылается), что «каганат русов» (он же «родина русов» в ее терминологии) находился на территории современной Северо-Западной России. Хотелось бы отметить, что наиболее авторитетным и обоснованным мнением на сегодняшний день является точка зрения Е. А. Мельниковой, что «название “рос”... обозначает членов дружины правителя, носившего титул “хакан” и поддерживавшего связи с Византией»¹⁹, и что «титул “каган”... наиболее естественно соотнести с главой хазарского государства, а росов-свенонов рассматривать как членов хазарского посольства в Византию»²⁰.

М. Уайт использует все доступные свидетельства о византийско-русских отношениях в IX в. (археологические, нумизматические, письменные византийские и арабские) и показывает, что эти источники, хотя и немногочисленные, раскрывают ранние модели этих отношений, заложившие основу для их дальнейшего развития. Она разумно полагает, что главным фактором была география, поскольку центр/центры власти русов были отделены от Византии обширными пространствами дикой природы, которые было крайне трудно преодолеть. Основная идея ее работы заключается в том, что нападения русов имели мало общего с нашествиями традиционных врагов Византии (например, болгар или Аббасидов); ни их цель, ни причина не совпадали, хотя они не сильно отличались от викингских атак в других землях. Византийцам удалось найти альтернативный способ борьбы с русами: «они запустили что-то вроде “оборонительного обаяния”, сотрудничая с русами и принимая некоторых из них в элитные круги»²¹. Здесь, однако, убедительнее выглядит аргументация А. С. Щавелева, что *Ингеры*, которых М. Уайт имеет в виду, говоря об элите, в действительности не были скандинавами, но могли

¹⁸ Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien état russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Éd. par M. Kazanski, A. Nercessian et C. Zuckerman. P., 2000. P. 95–120.

¹⁹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «русь»... С. 143.

²⁰ Мельникова Е. А. Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия... С. 66.

²¹ White M. The Byzantine ‘Charm Defensive’... Р. 53–54.

быть потомками готов или каких-то еще германцев, переселившихся на территорию империи²².

Латинские источники обсуждаются в главе Райана Фенстера, аспиранта кафедры истории Университета Исландии, «Запад о Севере на Востоке: западные образы норманнов и русов, 800–1250»²³. Эта глава представляет собой краткое изложение его магистерской работы, написанной в том же Университете под руководством проф. Сверрира Якобссона. В аннотации к главе утверждается, что в предшествующей научной литературе уделялось мало внимания современным латинским источникам при изучении присутствия норманнов в Восточной Европе²⁴. Мне трудно согласиться с этим утверждением: возможно, оно справедливо для того круга литературы, к которому он обращается, но ведь автор полностью игнорирует русскоязычную историографию²⁵. Вероятно, по мнению его научного руководителя, такое пренебрежение могло быть простительным в магистерской диссертации, но для публикации в академическом издании по данной теме знание соответствующей русскоязычной литературы представляется абсолютно необходимым. Р. Фенстер привлекает к своему исследованию семь латинских источников, написанных между 800 и 1250 гг.: «Бертинские анналы» (сер. IX в.), «Фульдские анналы» (кон. IX в.), «Хроника» Региона Прюмского с продолжением Адальберта Магдебургского (нач. X в. и после 973 г.), «Хроника» Титмара Мерзебургского (1012–1018 гг.), «Деяния архиепископов гамбургской церкви» Адама Бременского (втор. пол. XI в.), «Славянская

²² Щавелев А. С. К этнической идентификации знатных византийцев по имени Ингер (конец VIII — начало IX в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2012. С. 281–285.

²³ Fenster R. The West on the North in the East: Western Images of the Norse and the Rus', 800–1250 // The Making of the Eastern Vikings... Р. 63–76.

²⁴ Ibid. Р. 63.

²⁵ Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия / Сост., перев., comment. М.Б. Свердлова. М.; Л., 1989–1990. Ч. 1–3; Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей XI–XII веков. М., 2001; Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М., 2010. Т. IV; Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2013. С. 249–426.

хроника» Хельмольда из Бозау (до 1177 г.) и «Деяния данов» Саксона Грамматика (нач. XIII в.) — и выбирает из них «примеры, в которых, как считалось, норманны и русы могли быть упомянуты в одном тексте». Его предположение основано, как он пишет, на «современном научном консенсусе, что русы являли собой гибридную культуру, сформированную из скандинавских, славянских, балтских и финских элементов». Эти источники Р. Фенстер подвергает «количественному и качественному контент-анализу»²⁶. Я очень сомневаюсь в том, насколько количественный анализ полезен в данном случае. Вывод о том, что три последних источника из перечисленных выше содержат 1454 из 1797 ключевых слов, а наиболее частыми из них являются обозначения Дании и датчан, абсолютно предсказуем в свете того, где, кем и о чем были написаны эти три хроники. Остается неясным, учитывается ли в данных расчетах объем обсуждаемых сочинений и можно ли сопоставлять одно свидетельство (!) «Бертинских анналов» с 16-ю книгами (!) «Деяний данов» Саксона Грамматика. Как можно видеть из текста главы, ее автор не проводит различия между этнонимом «русь/русы» и политонимом «Русь», хотя в период с 800 по 1250 г. произошли ключевые изменения в исторической ситуации и, соответственно, в употреблении термина «русь» (подчеркну — многозначного и местами двусмысленного в его английском варианте *the Rus*). Общий вывод Р. Фенстера о «совпадающей модели отношения» авторов этих семи хроник к норманнам и руси²⁷ следует, скорее, из априорной установки автора, нежели из полноценно проведенного анализа.

Древнерусские источники исследуются в главе Дары Сегаль «*Варяги, немцы, свеи и урмане: скандинавы в летописании средневековой Руси*»²⁸. Автор сосредотачивается на термине «варяги», который в древнерусских летописях и в памятниках древнескандинавской письменности относится к разным группам скандинавов. Если в летописях это экзоним для скандинавов, а точнее — для

²⁶ Fenster R. The West on the North in the East... P. 64.

²⁷ Ibid. P. 75.

²⁸ Segal D. *Variagi, Nemtsy, Svei, and Urmane: Scandinavians in the Chronicle Writings of Medieval Rus'* // The Making of the Eastern Vikings... P. 87–106.

тех из них, кто пребывал/проживал на территории Древней Руси, то в сагах — обозначение людей, находившихся на службе в Константинополе, что Е. А. Мельникова детально проанализировала в своих (неучтенных здесь) работах, опубликованных десятилетия назад²⁹. Совершенно естественно, что Д. Сегаль вынуждена задержать свое внимание на термине «русь». Она подчеркивает его изменчивый характер. По ее мнению, он сначала появляется в недатированной части «Повести временных лет» как *этноним*; функционирует как *политоним* в переводах греческих источников, относящихся к событиям IX–X вв.; в конце XI и в XII в. чаще используется как *хороним* (точнее было бы и здесь сказать *политоним* — «государство под названием Русь»), а в начале XIII в. служит для описания князей (хотя «князья русские» фигурируют уже в русско-византийских договорах X в.). Д. Сегаль работает с текстами Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописей; в достаточной мере знакома с необходимой для этого исследования научной литературой на русском языке. Рассматривая в летописях термины, которые могли использоваться для обозначения разных групп скандинавов, и применяя статистику и дискурс-анализ, она выясняет, меняется ли на протяжении повествования отношение к ним летописцев, и приходит к выводу, что собирательный термин «варяги» не заменяется терминами для других групп скандинавов, такими как «немцы», «свеи», «урмане». Что касается «варягов», то их история в русских летописях такова: сначала они появляются в тексте и указывается их местоположение; несколько далее по тексту они становятся в значительной степени ответственными за генезис элитной группы; наконец, они «способствуют легитимации статус-кво правящей династии»³⁰; здесь, по мнению Д. Сегаль, ассимиляция уступает место диссимиляции, и летописец теряет интерес к варягам как к группе после 1036 г., когда Ярослав, согласно «Повести

²⁹ См., например: Мельникова Е. А. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии // Византийский временник. 1998. Вып. 55 (80): 2. С. 159–164.

³⁰ Segal D. *Variagi, Nemtsy, Svei, and Urmane...* P. 103.

временных лет», «бысть самовластець Русъстъй земли»³¹. Д. Сегаль находит объяснение исчезновению варягов со страниц летописи почти на столетие. Как она это комментирует, события 1036 г. стали переломным моментом: «несмотря на предыдущее повествование, где *варяги* действительно рассматриваются как часть “нас”, *варяги* XI века были не оседлой группой, а скорее рассматривались как наемная сила, “другие”»³².

Редакторы утверждают во Введении, что «важным элементом истории Руси и варягов является изображение Руси и варягов в древнескандинавских повествовательных источниках, которым в последние годы уделялось мало внимания»³³. Должна сказать, что, как минимум, это утверждение не относится к русской историографии³⁴. Редакторы включают три главы, авторы которых обращаются к древнескандинавским источникам.

Глава Кьяртана Й. Рихтера, аспиранта, магистра истории в Университете Исландии, «Рассказы о скандинавских миссионерах на Востоке»³⁵ посвящена главным образом норвежскому конунгу конца X в. Олаву Трюггвасону (995–1000). Она открывается (как и все главы сборника) аннотацией, которая сразу удивляет заявлением, что «Олав Трюггвасон… согласно сагам… служил при

³¹ Повесть временных лет / Подг. текста, перев., статьи и comment. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп., подг. М. Б. Свердлов. СПб., 1996. С. 66.

³² Segal D. *Variagi, Nemtsy, Svei, and Urmane...*, p. 104.

³³ Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and D. Segal. Introduction // The Making of the Eastern Vikings... P. 14.

³⁴ Укажу лишь несколько книг (среди них буду вынуждена называть и свои собственные работы), оставляя без внимания сотни статей тех же авторов и их коллег. Это: Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в. М., 2000; Успенский Ф. Б. Скандинавы, Варяги, Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002; Глазырина Г. В. Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М., 2002; Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н., Мельникова Е. А. Древнескандинавские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М., 2009. Т. V; Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. Изд. 2-е, в одной книге, испр. и дополн. М., 2012; Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н., Мельникова Е. А. Скандинавские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2013. С. 427–586; Jackson T. N. Eastern Europe in Icelandic Sagas. Leeds, 2019; Джаксон Т. Н. О сагах, скальдах и конунгах: избранные статьи / Подгот. к печати Е. В. Литовских, Е. А. Мельниковой. М., 2021.

³⁵ Richter K. J. Stories of Nordic Missionaries on the Eastern Way // The Making of the Eastern Vikings... P. 121–134.

императорском дворе в Константинополе»³⁶. Не менее загадочным видится и утверждение из Введения к сборнику, что в рассказах об Олаве Трюгвасоне, получившем титул «короля-миссионера» Исландии, говорится, что он «был ответственен за распространение христианства на Руси по поручению константинопольского императора»³⁷. Насколько мне известно, ни в одной из редакций «Саги об Олаве Трюгвасоне» речь ни о чем подобном не идет: Олав в сновидении слышит голос, который велит ему отправиться «в Гиркланд»; он «встретил там славных проповедников и хорошо верующих, которые открыли ему имя господа Иисуса Христа. Обучился он теперь той вере, которая была ему ранее возвещена во сне»; там он получил *prima signatio* от «одного превосходного епископа»; и этот же епископ (согласно «Большой саге об Олаве Трюгвасоне», — *Páll*) отправился вслед за Олавом на Русь проповедовать святую веру³⁸. Никакого участия императора в этом нет.

Автор убедительно демонстрирует, что у Одда Сноррасона (ум. 1200), автора латиноязычной саги об Олаве Трюгвасоне, было немного источников, и подчеркивает — с чем нельзя не согласиться, — что сага Одда «была попыткой сделать Олава национальным святым Исландии»³⁹. Впрочем, эта справедливая мысль не нова и отнюдь не принадлежит К. Й. Рихтеру: Л. Лённрот высказал ее еще в 1960-х годах⁴⁰, и Т. М. Андерссон согласился с ним⁴¹ в том, что прославление Олава Трюгвасона монахами Оддом и Гуннлаугом было порождено в значительной мере исландской национальной заинтересованностью в выдвижении на первый план своего собственного короля-миссионера, не уступающего по значению норвежскому королю-миссионеру Олаву Харальдссону. Тот факт, что Олав Трюгвасон выступает

³⁶ Ibid. P. 121.

³⁷ Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and D. Segal. Introduction // The Making of the Eastern Vikings... P. 18.

³⁸ См.: Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги... С. 136–137; 145–146; 149–150; 152–154; 184–187; 210–214.

³⁹ Richter K. J. Stories of Nordic Missionaries... P. 127.

⁴⁰ Lönnroth L. Studier i Olaf Tryggvasons saga // Samlaren. 1963. B. 84. S. 93; Lönnroth L. European Sources of Icelandic Saga-Writing: An Essay Based on Previous Studies. Stockholm, 1965. P. 17.

⁴¹ Andersson Th. M. King's Sagas (*Konungasögur*) // Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide / C. J. Clover, J. Lindow. Ithaca; L., 1985 (Islandica. Vol. XLV). P. 226.

посредником в христианизации Древней Руси, вне сомнения, служит преумножению его славы крестителя и действительно делает его «Апостолом Востока». К. Рихтер полагает, что, «скорее всего, циркулировали противоречащие один другому рассказы о христианизации Руси», и автор «Большой саги» «пытается верить им всем одинаково», объединяя в одном тексте два совершенно разных повествования⁴². Одно — про крещение Руси Олавом с помощью греческого епископа, а второе — о том, что, согласно «Образу мира» Гонория Августодунского, «русы, поляки, венгры (*Rusci. Polani. Vngarij*)» были крещены во времена Оттона III, и что «некоторые книги говорят (*sumar bakr segia*)», что вместе с Оттоном был Олав Трюггвасон⁴³. На этом основании К. Рихтер справедливо подчеркивает то, о чем уже достаточно давно написал Сверрир Якобссон⁴⁴, что «автор мало или совсем не знал о Великой схизме»⁴⁵. Однако он не обратил внимания на то, что союз императора Оттона III и норвежского конунга Олава Трюггвасона «сложился» лишь в рамках древнескандинавской литературы: в целом ряде саг присутствует изрядно трансформированная по сравнению с источниками континентальными и датскими история крещения Дании, где место Оттона I занимает Оттон II или Оттон III, чья главная характеристика сводится к тому, что он является современником Олава Трюггвасона: победу он завоевывает по совету Олава и с Божьей помощью⁴⁶. Поскольку о походе Оттона III вместе с Олавом Трюггвасоном по Аустрвегу с целью обращения язычников в христианство нигде более не говорится, это известие можно считать творением автора «Большой саги». Тем более что оно помещено рядом с четырьмя примерами из церковной истории, доказывающими, что Бог мог использовать некрещенных людей для проповеди христианства, ибо Олав в

⁴² Richter K. J. Stories of Nordic Missionaries... P. 131.

⁴³ Джакон Т. Н. Исландские королевские саги... С. 177; 186–187.

⁴⁴ Sverrir Jakobsson. The Schism that never was: Old Norse views on Byzantium and Russia // *Byzantinoslavica*. 2008. T. LXVI. P. 173–188.

⁴⁵ Richter K. J. Stories of Nordic Missionaries... P. 131.

⁴⁶ См.: Джакон Т. Н. Крещение Харальда Гормсона в сагах и хрониках: к истории формирования сюжета // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 234–271.

рассматриваемый момент сам не имел полного крещения, а только *prima signatio*⁴⁷.

Глава «В поисках сокровищ Харальда Сурового» написана прекрасным украинским археологом, специалистом по викингам в Восточной Европе, директором Национального музея истории Украины в Киеве, доктором Ф. Андрошуком⁴⁸ и посвящена описываемому в древнескандинавских источниках несметному богатству прошедшего не менее десяти лет за пределами своей страны (на Руси и в Византии) норвежского конунга Харальда Сурового Правителя. В своей главе он исследует как письменные источники, так и нумизматические и археологические свидетельства. Подробно и пристранно он рассказывает — в соответствии с сагами, — как Харальд попал на византийскую службу, хотя местами допускает неточности, либо вкладывает лишнее в скучные известия саг. Со знанием дела, поскольку это хорошо разработано в российской и украинской археологии, и им самим в частности, пишет о предшественниках Харальда на пути «из варяг в греки». В параллель к саговым известиям он обращается к свидетельству Кекавмена; справедливо подчеркивает, что саговая информация основывается на скальдической, а там реальных данных практически нет; считает рассказы саг о богатствах, добытых в Африке, «мифическими», поскольку в современных византийских источниках никакая византийская активность в Африке в это время не упоминается. Переходя к попытке установить источник богатств Харальда, Андрошук отмечает, что сицилийские походы могли принести немалые трофеи. Кроме того, утверждает он, сокровища Харальда включали подарки, которые варяжские наемники получали по разным поводам.

Меня смущает, сколь вольно Ф. Андрошук читает саги и исследовательскую литературу. Вроде бы основываясь на саге, и тем не менее вопреки ей, поскольку напрямую об этом в саге не говорится, он заявляет, что богатства Харальда «стали серьезным аргументом для князя Ярослава при

⁴⁷ См.: *Fidjestol B. Olav Tryggvason som misjonær. Eit litterært bilet fra mellomalderen // Ordet og sverdet. Historiske foredrag på Moster 1984–1993*. Oslo, 1993. P. 138.

⁴⁸ *Androshchuk F. In Search of Haraldr harðráði's Treasures // The Making of the Eastern Vikings... P. 107–120.*

выборе супруга для его дочери Элизабет» и что «Харальд поднес Ярославу существенные дары»⁴⁹. Но это противоречит также выводам исследователей, полагающих, что Ярослав в целом в своей внешней политике был ориентирован на Скандинавию, и Норвегию в частности⁵⁰, а не покусился на случайно приплывшее в его руки богатство.

Андрощук также утверждает, что «Магнус отдал Харальду половину Норвегии, не требуя ничего взамен, кроме предоставления военной поддержки»⁵¹. Однако ни сага, ни скальды не упоминают о предоставлении военной поддержки⁵², так что вновь автор главы вкладывает в текст саги то, чего там нет. Финальный вывод, что значительная часть сокровищ Харальда, скорее всего, была оставлена в качестве выкупа за невесту в Киеве, а оставшаяся часть была отдана его потенциальным соратникам ярлу Свейну и конунгу Магнусу в Дании, не слишком из всего изложения вытекает. Хотя финальное утверждение, что порча серебряных монет Харальда явно указывает на нехватку у него ресурсов уже примерно к 1060 г. и что именно это могло быть причиной, побудившей его совершить набег на Англию в 1066 г., весьма любопытно.

Эта глава, к сожалению, очень плохо отредактирована: искажено название саги, о которой идет речь в главе (*Haraldr saga Sigurðssonar* вместо *Haraldr saga Sigurðarsonar*); имя главного героя саги пишется то *Haraldr*, то *Harald*; знаменитый *Icelandic-English Dictionary*⁵³ назван *Vocabulary; polotasvarf* (написанное без долгот, как в словаре, а не как в издании саги) расшифровывается как

⁴⁹ Ibid. P. 116. О том, что отсылка Харальдом византийских богатств Ярославу была не подарком, а вынужденной временной мерой, см.: *Glažyrina G. Information about Eastern Europe in Old Norse Sagas and its Adaptation for the Nordic Audience by Saga-Authors // The Eighth International Saga Conference. The Audience of the Sagas. Preprints. Gothenburg, 1991. Vol. I. P. 123–131.*

⁵⁰ Мельникова Е. А. Балтийская политика Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха / Под ред И. Н. Данилевского, Е. А. Мельниковой. М., 2008. С. 78–133.

⁵¹ Androshchuk F. In Search of Haraldr harðráði's Treasures. P. 117.

⁵² Анализ описанного в своде королевских саг «Гнилая кожа» обмена дарами между Магнусом и Харальдом (половина Норвегии на половину несметного богатства Харальда) см.: Джаксон Т. Н. О золоте, власти, пирах и дарах в средневековой Норвегии // Восточная Европа в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2013. С. 82–88.

⁵³ Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957.

‘cleaning the chambers’ со ссылкой на этот словарь без указания страниц, но у Р. Клизби и Гудбранда Вигфуссона на с. 478 дано другое толкование: ‘palace-scouring’; имеется ошибка во фразе: “Rus’, or Garðr as it is named in the Scandinavian runic inscriptions and in skaldic poetry”⁵⁴, суть которой в том, что *Garðr* — это сокращение от *Miklagarðr*, обозначения Константинополя, а Русь называется *Gardar* (мн. ч.); неверно утверждение, что «Ярослав и Ингигерд предложили брату Харальда Олаву правление в Волжской Булгарии»⁵⁵ (к моему сожалению, это утверждается со ссылкой на мою работу, где я пишу обратное: они не могли предложить в управление Олаву Волжскую Булгарию, ибо она Руси не принадлежала); и проч.

Глава Сверрира Якобсона «Память о варягах: культурная память и утраченные идентичности»⁵⁶ представляет интересную подборку сведений саг о визитах скандинавов в Константинополь за несколько веков до записи саг. Эти сведения могла хранить устная традиция в семьях потомков саговых персонажей, которые «приобрели много почёта, побывав в Константинополе»⁵⁷. Сверрир очень четко осознает и очень аккуратно доносит до читателя смену в XI в. термина для обозначения некоторых «восточных викингов». Новый термин «варяги» заменил термин «русь», поскольку этот последний «стал приобретать новую значимость по мере укрепления Киевского государства при Владимире и его преемнике Ярославе (годы правления 1015–1054). Это было государство, в котором скандинавский элемент больше не доминировал. Так было изобретено новое обозначение для скандинавов, не связанных с государством Русь»⁵⁸. Со своей стороны, скандинавы в XI в. начали служить в императорских войсках в Константинополе. Автор обращается к древнескандинавским, византийским и арабским источникам, но оставляет в стороне русские летописи, где имеется термин «варяг», а также не привлекает соответствующую научную литературу

⁵⁴ Androshchuk F. In Search of Haraldr harðráði’s Treasures. P. 109.

⁵⁵ Ibid. P. 111.

⁵⁶ Sverrir Jakobsson. Remembering the Varangians: Cultural Memory and Lost Identities // The Making of the Eastern Vikings... P. 135–150.

⁵⁷ Ibid. P. 146.

⁵⁸ Ibid. P. 138.

на русском языке⁵⁹. Сверрир демонстрирует, что варяжский мотив был популярен в сагах. Через его посредство исландская литературная элита выстраивала связь между прошлым исландцев и прошлым Римской империи. Этую память стремились увековечить, в первую очередь, представители ведущих семей Западной Исландии: они подчеркивали связь своих предков с норвежским конунгом Харальдом Суровым Правителем, «архетипическим варягом в скандинавской культурной памяти»⁶⁰.

Три главы этого сборника носят историографический характер. Глава профессора средневековой истории в Университете Осло И. Гарипзанова «Еще раз о концепции “варяжского христианства”»⁶¹ посвящена пересмотру концепции «варяжского христианства» датского исследователя Дж. Х. Линда. Надо подчеркнуть, что в многочисленных работах Линда отразился процесс выработки этой теории (именно поэтому в более поздних статьях он корректирует формулировки более ранних), а финальным продуктом можно считать статью 2017 г., в заголовок которой этот термин и вынесен⁶². Гарипзанов заявляет, что в его главе «тищательно исследуются шесть основных пунктов аргументации Линда и ставится под сомнение их обоснованность в отношении его концепции “варяжского христианства”»⁶³. Но, как это представляется мне, в изложении Гарипзанова всё поставлено с ног на голову. У Линда это — не основные пункты его аргументации, а лишь некоторые нетривиальные темы, на которые он обращает внимание. Для исследователей, изучающих скандинавское присутствие на «пути из варяг в греки»/на Аустревеге/в Древней Руси, теория Дж. Линда служит удобным

⁵⁹ Например, удивляет отсутствие обращения к таким работам, как: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68; Мельникова Е. А. Варяги, варанги, вэринги...

⁶⁰ Sverrir Jakobsson. Remembering the Varangians... P. 150.

⁶¹ Garipzhanov I. The Concept of ‘Varangian Christianity’ Revisited // The Making of the Eastern Vikings... P. 77–86.

⁶² Lind J. H. ‘Varangian Christianity’ and the Veneration of Anglo-Saxon and Scandinavian Saints in Early Rus’ // Identity formation and diversity in the early medieval Baltic and beyond: communicators and communication / Ed. by J. Callmer, I. Gustin, M. Roslund. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 107–135.

⁶³ Garipzhanov I. The Concept of ‘Varangian Christianity’... P. 77.

инструментом⁶⁴. Учет движения скандинавов по этому пути как с севера на юг, так и с юга на север (от Скандинавии до Византии и в обратном направлении) и их присутствия на этом пути (на территории Древней Руси, в частности) позволяет объяснить некоторые отразившиеся в источниках ситуации, относящиеся к религиозной жизни этих регионов. Их нельзя воспринимать как «аномалии» (как делает Гарипзанов), и термин «варяжское христианство» характеризует не само христианство как нечто «аномальное», а отмечает/выделяет/подчеркивает роль «варягов» (т. е. скандинавских воинов, торговцев и проч.) — как крещенных в Византии, так и принявших христианство на западе (в Англии/Ирландии/Скандинавских странах) — в распространении христианства (остававшегося единым долгое время и после Великой схизмы 1054 г.) в Восточной Европе. Сам Линд формулирует это так: «когда я оперирую термином “варяжское христианство”, я имею в виду не христианство в том виде, в котором оно со временем возникло на Руси... а смесь христианских элементов, которые скандинавы подхватили на своем пути и, возможно, смешали, путешествуя между Востоком и Западом»⁶⁵.

Глава «Дезавуируя/вскрывая противоречия *Væringjasaga*: византийский и древнескандинавский взгляд на варангов и на Харальда Сигурдарсона», написанная Р. Шеелем⁶⁶, профессором скандинавистики в Университете Мюнстера, известным специалистом в области византийско-скандинавских средневековых культурных связей, дает давно требовавшуюся оценку труду, без которого с момента его появления не писалось ни одно исследование, посвященное присутствию скандинавов в Византии, и в частности их службе в варяжской дружине в Константинополе. *Væringjasaga* («Варяжская сага») существует в двух совершенно различных редакциях. Обе они увидели свет после смерти их автора, Сигфуса Блёндаля (1874–1950). Первая, написанная на исландском языке, была закончена им за несколько месяцев до смерти и

⁶⁴ См., например: Роменский А. А. «Когда пал Херсонес?» К вопросу о ключевом моменте в истории русско-византийских отношений конца X в. // Нартекс: Byzantina Ukrainianensis. Харьков, 2013. Т. 2: Ρωμαῖος. Сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана.

⁶⁵ Lind J.H. ‘Varangian Christianity’... P. 115.

⁶⁶ Scheel R. Deconstructing *Væringjasaga*: Byzantine and Old Norse Perspectives on the Varangians and on Haraldr Sigurðarson // The Making of the Eastern Vikings... P. 151–170.

опубликована в 1954 г.⁶⁷. Вторую, гораздо более широко известную, создал Бенедикт С. Бенедикц, который, как следует из названия, перевел на английский язык, переработал и переписал текст Сигфуса Блёндаля, который он опубликовал в 1978 г.⁶⁸.

Конечно, нельзя согласиться с утверждением Р. Шееля, что Сигфус Блёндаль «был пионером в работе с византийскими источниками о варягах»⁶⁹, — он упустил из виду русского византиниста В. Г. Васильевского, который в 70–80-х гг. XIX в. первым опубликовал «Советы и рассказы» Кекавмена, а также первым обратился к сагам в параллель к византийским источникам, сообщающим о варяго-русской и варяго-английской дружине в Константинополе, и тоже (как и Сигфус Блёндаль) подошел к этому сопоставлению со стороны византийских источников⁷⁰. Но поскольку, написанное по-русски, это исследование византиниста Васильевского не получило в свое время известности среди саговедов (кстати оно мало упоминается и редко цитируется и современными исследователями, и в настоящей книге напечатано с ошибкой в инициалах в главе, написанной М. Уайт), то в «своем мире» Сигфус Блёндаль и в самом деле был первопроходцем. Впрочем, не будь перевода на английский язык, и его книгу, написанную по-исландски, тоже знало бы гораздо меньшее число исследователей.

Однако переводчик сослужил не самую добрую службу Сигфусу Блёндалю. Исходно книга была ориентирована на исландского читателя, знакомого со своими сагами, так что, поставив целью перевести и тщательно проанализировать византийские известия о варангах в сопоставлении с

⁶⁷ *Sigfús Blöndal. Væringjasaga: Saga norraenna, rússneskra og enskra hersveita í þjónustu Miklagarðskeisara á miðöldum.* Reykjavík, 1954.

⁶⁸ *Sigfús Blöndal. The Varangians of Byzantium / Trans., rev., and rewritten by Benedikt S. Benedikz.* Cambridge, 1978 (last reprinted in 2007).

⁶⁹ Scheel R. Deconstructing *Væringjasaga...* P. 152.

⁷⁰ Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 176. Отд. II. С. 105–144; 1875. Ч. 177. Отд. II. С. 394–451; 1875. Ч. 178. Отд. II. С. 76–152; Васильевский В. Г. Советы и рассказы византийского боярина XI века. По неизданной греческой рукописи XV века // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. Ч. 215. С. 242–299; Ч. 216. С. 102–171, 316–357.

материалом саг, он снабжал это изложение детальнейшими сносками и исчерпывающей библиографией византийских текстов, а его манера изложения позволяла отделять выводы из источников от гипотетических реконструкций. Напротив, переводчик существенно изменил текст, и в первую очередь — целевую аудиторию. Его перевод обращен к историкам, знакомым с византийским миром, и потому текст изобилует объяснениями текстов саг. Кроме того, изменена тональность изложения, так что, как пишет Шеель, «гипотезы превращены в факты или искажены»⁷¹.

Останавливаясь на вопросах методологии, Р. Шеель отмечает, что оценка источников у Блёндаля до-критическая (pre-critical): известия королевских и родовых саг, а также латинских хроник он воспринимает как достоверные. Кроме того, в основе построений исследователя лежит та идея, что «варяги» имеются в виду всякий раз, когда византийские источники с 988 г. и далее упоминают византийскую дружины или элитные подразделения, независимо от того, указана этническая принадлежность воинов или нет. При этом он постоянно объединяет фрагменты разнохарактерной и разновременной информации, чтобы построить свою «варяжскую» историю. Но главное то, что в самих византийских источниках ничего не указывает на существование «варяжской гвардии» до правления Алексея I Комнина (1081–1118), а с приходом эры Комнинов ситуация резко меняется, особенно в XII в. Ключевая проблема, как подчеркивает Р. Шеель, заключается в том, что «Варяжская сага» и все исследования, которые на ней основаны, обнаруживают варягов в византийских источниках там, где они прямо не названы, а базируется всё это исключительно на предположении, что скандинавская историография содержит достоверную информацию⁷². Но ведь ее древнейшие соответствующие тексты были созданы не ранее XII в. На примере «саги о походах за море (*útferðar saga*)» Харальда Сигурдарсона Р. Шеель демонстрирует, что вэринги принимали активное участие в

⁷¹ Scheel R. Deconstructing *Væringjasaga...* P. 152.

⁷² Ibid. P. 153–154.

формировании своей собственной легенды⁷³. Отсюда вытекает логичное суждение, что полагаться на исландские саги и Саксона Грамматика как на первоисточники и использовать византийские свидетельства только для того, чтобы заполнить пробелы или создать фон для событий саг, совершенно недопустимо, но именно это и произошло в «Варяжской саге». Пришло время, уверждает он, этот миф деконструировать, но не разрушить полностью. Просто необходимо воссоздавать логику соответствующих источников и корпусов источников по отдельности, чтобы понять функционирование их повествований и фактическую информацию, которую они содержат. На помочь в этом случае приходит классическая критика источников⁷⁴.

Последняя глава, авторство которой принадлежит исландскому писателю Валуру Гуннарссону, — «Истории происхождения: Киевская Русь в украинской историографии»⁷⁵ — отклоняется от темы, заявленной в подзаголовке книги: «Русь и варяги в Средние века». Внимание автора сосредоточено не на варягах, а на текущей политической ситуации, хотя нельзя сказать, что варяги вообще не упоминаются — в трех коротких абзацах, не очень профессионально и без особого уважения к источнику и историографии, пересказывается фрагмент «Начальной летописи», вплоть до объединения Новгорода и Киева в 882 г. в единое Древнерусское государство. Этот пересказ завершается утверждением, что многие украинцы с этим согласились бы, но только как с описанием того, как начиналась Украина. Основываясь на предложенной английским профессором-политологом украинского происхождения Тарасом Кузио классификации точек зрения на прошлое украинского народа как русофильской, советофильской, украинофильской и восточнославянской, Валур Гуннарссон пытается продемонстрировать различные взгляды на средневековую Киевскую Русь с XVIII в. до наших дней. В соответствии с избранной им темой статьи он,

⁷³ См. об этом подробнее: Джакон Т. Н. Путь саги // Восточная Европа в древности и средневековье. XX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2008. С. 56–62.

⁷⁴ Scheel R. Deconstructing *Varingjasaga...* P. 169.

⁷⁵ Valur Gunnarsson. Origin Stories: 'The Kievan Rus' in Ukrainian Historiography // The Making of the Eastern Vikings... P. 171–188.

естественно, уделяет внимание украинской историографии, украинскому взгляду на происхождение, сложение, формирование Украины. Однако поскольку эта историография никогда не существовала сама по себе, в отрыве от взгляда с русской, советской, российской стороны (в согласии, противостоянии, дискуссии, диалоге), представленная здесь картина выглядит односторонней и необъективной. Не возражая в целом против заключительных выводов Валура Гуннарссона относительно того, что «Киевская Русь остается неотъемлемой частью как русской, так и украинской истории» и что «каждая страна, кажется, извлекла противоположные уроки из истории происхождения, которую обе считают своей»⁷⁶, я тем не менее не считаю целесообразным включение подобного текста в сугубо научный сборник.

Несколько слов в заключение. При чтении книги создается впечатление, что исследования российских авторов оставлены без внимания, хотя при скрупулезном изучении библиографии выясняется, что примерно четвертую часть ее составляют работы (на русском и английском языках) российских авторов. С одной стороны, налицо полное игнорирование российской историографии в главах, посвященных восточным и западноевропейским источникам, сопровождаемое в последнем случае еще и утверждением об их недостаточной изученности. С другой стороны, присутствует обращение к российским работам в главах, исследующих древнерусские и древнескандинавские источники, хотя оно выдает непоследовательное и спорадическое знакомство с этой литературой. Книга, надо думать, демонстрирует текущую историографическую ситуацию в рамках исследуемой проблемы. Однако, на мой взгляд, рассмотрение присутствия скандинавов в IX–XI вв. в Древней Руси и Византии без полноценного учета работ русских/советских/российских ученых, на протяжении веков исследовавших роль скандинавов в становлении Древнерусского государства, не может дать полноценных новых результатов.

⁷⁶ Ibid. P. 187.

Список литературы

1. Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. Ч. 176. Отд. II. С. 105–144; 1875. Ч. 177. Отд. II. С. 394–451; 1875. Ч. 178. Отд. II. С. 76–152.
2. Васильевский В. Г. Советы и рассказы византийского боярина XI века. По неизданной греческой рукописи XV века // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. Ч. 215. С. 242–299; Ч. 216. С. 102–171, 316–357.
3. Глазырина Г. В. Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 2002. 464 с.
4. Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н., Мельникова Е.А. Древнескандинавские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. Т. V. 384 с.
5. Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н., Мельникова Е. А. Скандинавские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. С. 427–586.
6. Гуревич А. Я. Викинги // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А. Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. С. 73–78.
7. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. Изд. 2-е, в одной книге, испр. и дополн. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 779 с.
8. Джаксон Т. Н. Крещение Харальда Гормсона в сагах и хрониках: к истории формирования сюжета // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М.: Индрик, 2003. С. 234–271.

9. Джаксон Т. Н. О золоте, власти, пирах и дарах в средневековой Норвегии // Восточная Европа в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 82–88.
10. Джаксон Т. Н. О сагах, скальдах и конунгах. Избранные статьи / Подгот. к печати Е. В. Литовских, Е. А. Мельниковой. М.: Квадрига, 2021. 512 с.
11. Джаксон Т. Н. Путь саги // Восточная Европа в древности и средневековье. XX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 56–62.
12. Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. (*Studia Historica. Малая серия*). М.: Языки русской культуры, 2000. 188 с.
13. Джаксон Т. Н., Калинина Т. М., Коновалова И. Г., Подосинов А. В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур; Знак, 2007. 360 с.
14. Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 год: Восточная Европа и мир ислама. К юбилею Т. М. Калининой / Отв. ред. тома Е. В. Литовских, Е. А. Мельникова, Б. Е. Рацковский. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. 872 с.
15. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 624 с.
16. Калинина Т. М., Коновалова И. Г. Арабские и персидские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. Т. 3. С. 7–166, 211–251.
17. Книга картины земли. Сборник статей в честь И. Г. Коноваловой / Под ред. Т. Н. Джаксон и А. В. Подосинова. М.: Индрик, 2014. 352 с.

18. Коновалова И. Г. Восточные источники о восточных славянах и Руси // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. С. 160–248.
19. Мельникова Е. А. Балтийская политика Ярослава Мудрого // Ярослав Мудрый и его эпоха / Под ред. И. Н. Данилевского, Е. А. Мельниковой. М.: Индрик, 2008. С. 78–133.
20. Мельникова Е. А. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии // Византийский временник. 1998. Вып. 55 (80): 2. С. 159–164.
21. Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / Под ред. Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. 476 с.
22. Мельникова Е. А. «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 142–147.
23. Мельникова Е. А. Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / Под ред. Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. С. 49–72.
24. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / Под ред. Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. С. 133–152.
25. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–68.
26. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1993. 240 с.
27. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей XI–XII веков. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

28. Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М.: Российский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. Т. IV. 512 с.
29. Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. С. 249–426.
30. Роменский А. А. «Когда пал Херсонес?» К вопросу о ключевом моменте в истории русско-византийских отношений конца X в. // Нартекс: Byzantina Ukrainensis. Харьков, 2013. Т. 2: Ρωμαῖος. Сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. С. 310–328.
31. Успенский Ф. Б. Скандинавы, Варяги, Русь: Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2021. 456 с.
32. Щавелев А. С. К этнической идентификации знатных византийцев по имени *Ингер* (конец VIII – начало IX в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 281–285.
33. Andersson Th. M. King's Sagas (*Konungasögur*) // Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide / C. J. Clover, J. Lindow. Ithaca; L., 1985 (Islandica, XLV). P. 197–238.
34. Androshchuk F. In Search of Haraldr harðráði's Treasures // The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages / Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout: Brepols, 2024. P. 107–120.
35. Fenster R. The West on the North in the East: Western Images of the Norse and the Rus', 800–1250 // The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages / Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout: Brepols, 2024. P. 63–76.

36. Fidjestøl B. Olav Tryggvason som misjonær. Eit litterært bilet frå mellomalderen // Ordet og sverdet. Historiske foredrag på Moster 1984–1993 / Red. M. Eriksen. Oslo: Verbum, 1993. P. 133–155.
37. Garipzanov I. The Concept of ‘Varangian Christianity’ Revisited // The Making of the Eastern Vikings: Rus’ and Varangians in the Middle Ages / Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout: Brepols, 2024. P. 77–86.
38. Glazyrina G. Information about Eastern Europe in Old Norse Sagas and its Adaptation for the Nordic Audience by Saga-Authors // The Eighth International Saga Conference. The Audience of the Sagas. Preprints. Gothenburg, 1991. Vol. I. P. 123–131.
39. Golden P. B. The Question of the Rus Qaganate // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. Vol. 2. P. 76– 97.
40. Jackson T. N. Eastern Europe in Icelandic Sagas (Beyond Medieval Europe / Series Editor Chr. Raffensperger). Leeds: ARC Humanities Press, 2019. 228 p.
41. Lind J. H. ‘Varangian Christianity’ and the Veneration of Anglo-Saxon and Scandinavian Saints in Early Rus’ // Identity formation and diversity in the early medieval Baltic and beyond: communicators and communication / Ed. by J. Callmer, I. Gustin, M. Roslund. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 107–135.
42. Lönnroth L. European Sources of Icelandic Saga-Writing: An Essay Based on Previous Studies. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1965. 39 p.
43. Lönnroth L. Studier i Olaf Tryggvasons saga // Samlaren. 1963. B. 84. S. 54–94.
44. Richter K. J. Stories of Nordic Missionaries on the Eastern Way // The Making of the Eastern Vikings: Rus’ and Varangians in the Middle Ages / Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout: Brepols, 2024. P. 121–134.
45. Scheel R. Deconstructing *Väringjasaga*: Byzantine and Old Norse Perspectives on the Varangians and on Haraldr Sigurðarson // The Making of the Eastern Vikings: Rus’ and Varangians in the Middle Ages / Ed. by Sverrir

Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout: Brepols, 2024. P. 151–170.

46. Segal D. *Variagi, Nemtsy, Svei, and Urmane*: Scandinavians in the Chronicle Writings of Medieval Rus' // The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages / Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout: Brepols, 2024. P. 87–106.

47. Shepard J. The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore? // Early Medieval Europe. 1970. Vol. 4.1. P. 41–60.

48. Sigfús Blöndal. The Varangians of Byzantium / Trans., rev., and rewritten by Benedikt S. Benedikz. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 242 p. (last repr. 2007).

49. Sigfús Blöndal. Væringjasaga: Saga norrænna, rússneskra og enskra hersveita í þjónustu Miklagarðskeisara á miðöldum. Reykjavík: Bókaútgáfan Nokkrir Prentarar, 1954. 407 p.

50. Sverrir Jakobsson. Remembering the Varangians: Cultural Memory and Lost Identities // The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages / Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout: Brepols, 2024. P. 135–150.

51. Sverrir Jakobsson. The Schism that never was: Old Norse views on Byzantium and Russia // Byzantinoslavica. 2008. T. LXVI. P. 173–188.

52. Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and D. Segal. Introduction // The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages / Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout: Brepols, 2024. P. 11–19.

53. The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages / Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout: Brepols, 2024. 236 p.

54. Thorir Jonsson Hraundal. Varangians in Arabic Sources // The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages / Ed. by

Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout: Brepols, 2024. P. 35–46.

55. Upham T. M. Rus' Women in Islamicate Geography? Approaching a Study of Gender // The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages / Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout: Brepols, 2024. P. 21–34.

56. Valur Gunnarsson. Origin Stories: The Kievan Rus' in Ukrainian Historiography // The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages / Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout: Brepols, 2024. P. 171–188.

57. White M. The Byzantine ‘Charm Defensive’ and the Rus' // The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages / Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout: Brepols, 2024. P. 47–62.

58. Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien état russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / Éd. par M. Kazanski, A. Nercessian et C. Zuckerman. Paris: Éditions P. Lethielleux, 2000 (Réalités Byzantines, 7). P. 95–120.

JACKSON Tatjana N.

Institute of World History, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Tatjana.Jackson@gmail.com

“THE EAST” ON THE LATEST STUDY OF THE “EASTERN VIKINGS”: REFLECTIONS ON THE BOOK ENTITLED *THE MAKING OF THE EASTERN VIKINGS: RUS’ AND VARANGIANS IN THE MIDDLE AGES*

Abstract. The article provides a detailed analysis of the collective monograph *The Making of the Eastern Vikings: Rus' and the Varangians in the Middle Ages*, published by Brepols in 2024. Alongside an introduction, an index of terms, and a bibliography, the volume comprises eleven scholarly contributions — eight of which are source-based studies, while the remaining three focus primarily on historiography. Centered on events in Eastern Europe between the 9th and 13th centuries, the articles draw upon five main categories of sources: Byzantine historical texts, works by Arab historians and geographers, Western European sources, Russian chronicles, and

Icelandic sagas. The monograph features contributions from both established and emerging scholars, and this diversity is reflected in the uneven quality of the articles. While roughly a quarter of the cited literature consists of Russian-authored works (in both Russian and English) addressing Scandinavian presence in Rus' and Byzantium during the period in question, several chapters demonstrate limited engagement with Russian scholarship. This oversight results in either the rediscovery of previously established findings or, in some cases, outright erroneous conclusions. The collection's overarching theme is perhaps best encapsulated by the title of one of its articles: *The West on the North in the East*. Literally translated as “Western ideas about the Northmen in the East”, the phrase succinctly captures the volume’s core focus — Western historiography’s perspectives on the Scandinavians in Eastern Europe.

Keywords: Vikings, the Rus', Old Rus', Varangians, Byzantium, Varangian guard in Constantinople

For citation: Jackson T. “The East” on the Latest Study of the “Eastern Vikings”: Reflections on the Book Entitled “The Making of the Eastern Vikings: Rus’ and Varangians in the Middle Ages” // *Studia Nordica*. 2025, no. 1, pp. 122–158. DOI: 10.17076/sn6

References

1. Vasil'evskii V. G. Variago-russkaia i variago-angliiskaia druzhina v Konstantinopole XI i XII vekov. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1874, vol. 176, pt. II, pp. 105–144; 1875, vol. 177, pt. II, pp. 394–451; 1875, vol. 178, pt. II, pp. 76–152.
2. Vasil'evskii V. G. Sovety i rasskazy vizantiiskogo boiarina XI veka. Po neizdannoi grecheskoi rukopisi XV veka. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1881, vol. 215, pp. 242–299; vol. 216, pp. 102–171, 316–357.
3. Glazyrina G. V. *Saga ob Ingvare Puteshestvennike. Tekst, perevod, kommentarii*. Moscow, Vostochnaia literatura, 2002, 464 p.
4. Glazyrina G. V., Jackson T. N., Mel'nikova E.A. Drevneskandinavskie istochniki. *Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiia* / Eds. T. N. Jackson, I. G. Konovalova, A. V. Podossinov. Moscow, Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniiu i Nauke, 2009, vol. V, 384 p.
5. Glazyrina G. V., Jackson T. N., Mel'nikova E. A. Skandinavskie istochniki. *Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov*. Ed. E. A. Mel'nikova. Moscow, Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniiu i Nauke, 2013, pp. 427–586.
6. Gurevich A. Ia. Vikingi. *Slovar' srednevekovoi kul'tury*. Ed. A. Ia. Gurevich. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, 2003, pp. 73–78.

7. Jackson T. N. *Islandskie korolerskie sagi o Vostochnoi Evrope. Teksty, perevod, kommentarii*. Izd. 2-e, v odnoi knige, ispr. i dopoln. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2012, 779 p.
8. Jackson T. N. Kreshchenie Kharal'da Gormssona v sagakh i khronikakh: k istorii formirovaniia siuzheta. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2001 god: Istoricheskaiia pamiat' i formy ee voploschcheniia*. Moscow, Indrik, 2003, pp. 234–271.
9. Jackson T. N. O zolote, vlasti, pirakh i darakh v srednevekovoi Norvegii. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXV Chteniia pamiati chl.-korra AN SSSR V. T. Pashuto*. Moscow, Institut vseobshchei istorii Rossiiskoi akademii nauk, 2013, pp. 82–88.
10. Jackson T. N. O sagakh, skal'dakh i konungakh: izbrannye stat'i. Eds. E. V. Litovskikh, E. A. Mel'nikova. Moscow, Kvadriga, 2021, 512 p.
11. Jackson T. N. Put' sagi. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XX Chteniia pamiati chl.-korra AN SSSR V. T. Pashuto*. Moscow, Institut vseobshchei istorii Rossiiskoi akademii nauk, 2008, pp. 56–62.
12. Jackson T. N. *Chetyre norvezhskikh konunga na Rusi: Iz istorii russko-norvezhskikh politicheskikh otnoshenii poslednei treti X – pervoi poloviny XI v.* (Studia Historica. Malaia seriia). Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, 2000, 188 p.
13. Jackson T. N., Kalinina T. M., Konovalova I. G., Podossinov A. V. «Russkaia reka»: *Rechnye puti Vostochnoi Evropy v antichnoi i srednevekovoi geografii*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur, Znak, 2007, 360 p.
14. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2021 god: Vostochnaia Evropa i mir islama. K iubileiu T. M. Kalininoi*. Eds. E. V. Litovskikh, E. A. Mel'nikova, B. E. Rashkovskii. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2021, 872 p.
15. *Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov*. Ed. E. A. Mel'nikova. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2013, 624 p.
16. Kalinina T. M., Konovalova I. G. Arabskie i persidskie istochniki. *Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiia*. Eds. T. N. Jackson, I. G. Konovalova, A. V. Podossinov. Moscow, Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke, 2009, vol. 3, pp. 7–166, 211–251.

17. *Kniga kartiny zemli. Sbornik statei v chesť I. G. Konovalovoi.* Eds. T. N. Jackson, A. V. Podossinov. Moscow, Indrik, 2014, 352 p.
18. Konovalova I. G. Vostochnye istochniki o vostochnykh slavianakh i Rusi. *Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov.* Ed. E. A. Mel'nikova. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2013, pp. 160–248.
19. Mel'nikova E. A. Baltiiskaia politika Iaroslava Mudrogo. *Iaroslav Mudryi i ego epokha.* Eds. I. N. Danilevskii, E. A. Mel'nikova. Moscow, Indrik, 2008, pp. 78–133.
20. Mel'nikova E. A. Variagi, varangi, veringi: skandinavy na Rusi i v Vizantii. *Vizantiiskii vremennik.* 1998, vol. 55 (80):2, pp. 159–164.
21. Mel'nikova E. A. *Drevniaia Rus' i Skandinaviia: Izbrannye trudy.* Eds. G. V. Glazyrina, T. N. Jackson. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2011, 476 p.
22. Mel'nikova E. A. «Kniaz'» i «kagan» v rannei titulature Drevnei Rusi. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoi Evropy. K 60-letiiu so dnia rozhdeniya E. N. Nosova.* Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2010, pp. 142–147.
23. Mel'nikova E. A. Skandinavy v protsessakh obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva. In: Mel'nikova E. A. *Drevniaia Rus' i Skandinaviia: Izbrannye trudy.* Eds. G. V. Glazyrina, T. N. Jackson. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2011, pp. 49–72.
24. Mel'nikova E. A., Petrukhin V. Ia. Nazvanie «rus'» v etnokul'turnoi istorii Drevnerusskogo gosudarstva (IX–X vv.). In: Mel'nikova E. A. *Drevniaia Rus' i Skandinaviia: Izbrannye trudy.* Eds. G. V. Glazyrina, T. N. Jackson. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2011, pp. 133–152.
25. Mel'nikova E. A., Petrukhin V. Ia. Skandinavy na Rusi i v Vizantii v X–XI vekakh: k istorii nazvaniia «variag». *Slavianovedenie.* 1994. No. 2, pp. 56–68.
26. Nazarenko A. V. *Nemetskie latinoiazychnye istochniki IX–XI vekov. Teksty, perevod, kommentarii.* Moscow, Nauka, 1993, 240 p.
27. Nazarenko A. V. *Drevniaia Rus' na mezhdunarodnykh putiakh. Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh sviazei XI–XII vekov.* Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, 2001, 784 p.

28. Nazarenko A. V. Zapadnoevropeiskie istochniki. *Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatija.* Eds. T. N. Jackson, I. G. Konovalova, A. V. Podossinov. Moscow, Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke, 2010, vol. IV, 512 p.
29. Nazarenko A. V. Zapadnoevropeiskie istochniki. *Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov.* Ed. E. A. Mel'nikova. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo, 2013, pp. 249–426.
30. Romenskii A. A. «Kogda pal Khersones?» K voprosu o kliuchevom momente v istorii russko-vizantiiskikh otnoshenii kontsa Kh v. *Narteks, Byzantina Ukrainensis.* Khar'kov, 2013. T. 2: Ρωμαῖος. Sbornik statei k 60-letiiu prof. S.B. Sorochana, pp. 310–328.
31. Uspenskii F. B. *Skandinary, Variagi, Rus': Istoriko-filologicheskie ocherki.* Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2021, 456 p.
32. Shchavelev A. S. K etnicheskoi identifikatsii znatnykh vizantitsev po imeni Inger (konets VIII – nachalo IX v.). *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXIV Chteniia pamiati chl.-korr. AN SSSR V. T. Pashuto.* Moscow, Institut vseobshchei istorii Rossiiskoi akademii nauk, 2012, pp. 281–285.
33. Andersson Th. M. King's Sagas (*Konungasögur*). *Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide.* Ed. by C. J. Clover, J. Lindow. Ithaca; London, Cornell University Press, 1985 (Islandica, XLV), pp. 197–238.
34. Androshchuk F. In Search of Haraldr harðráði's Treasures. *The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages.* Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout, Brepols, 2024, pp. 107–120.
35. Fenster R. The West on the North in the East: Western Images of the Norse and the Rus', 800–1250. *The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages.* Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout, Brepols, 2024, pp. 63–76.

36. Fidjestøl B. Olav Tryggvason som misjonær. Eit litterært bilet frå mellomalderen. *Ordet og sverdet. Historiske foredrag på Moster 1984–1993.* Red. M. Eriksen. Oslo, Verbum, 1993, pp. 133–155.
37. Garipzanov I. The Concept of ‘Varangian Christianity’ Revisited. *The Making of the Eastern Vikings: Rus’ and Varangians in the Middle Ages.* Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout, Brepols, 2024, pp. 77–86.
38. Glazyrina G. Information about Eastern Europe in Old Norse Sagas and its Adaptation for the Nordic Audience by Saga-Authors. *The Eighth International Saga Conference. The Audience of the Sagas. Preprints.* Gothenburg, University of Gothenburg, 1991, vol. I, pp. 123–131.
39. Golden P. B. The Question of the Rus Qaganate. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 1982, vol. 2, pp. 76–97.
40. Jackson T. N. *Eastern Europe in Icelandic Sagas* (Beyond Medieval Europe. Series Editor Chr. Raffensperger). Leeds, ARC Humanities Press, 2019, 228 p.
41. Lind J. H. ‘Varangian Christianity’ and the Veneration of Anglo-Saxon and Scandinavian Saints in Early Rus’. *Identity formation and diversity in the early medieval Baltic and beyond: communicators and communication.* Ed. by J. Callmer, I. Gustin, M. Roslund. Leiden, Boston, Brill, 2017, pp. 107–135.
42. Lönnroth L. *European Sources of Icelandic Saga-Writing: An Essay Based on Previous Studies.* Stockholm, Boktryckeri Aktiebolaget Thule, 1965, 39 p.
43. Lönnroth L. Studier i Olaf Tryggvasons saga. *Samlaren*, 1963, vol. 84, pp. 54–94.
44. Richter K. J. Stories of Nordic Missionaries on the Eastern Way. *The Making of the Eastern Vikings: Rus’ and Varangians in the Middle Ages.* Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout, Brepols, 2024, pp. 121–134.
45. Scheel R. Deconstructing *Väringjasaga*: Byzantine and Old Norse Perspectives on the Varangians and on Haraldr Sigurðarson. *The Making of the Eastern Vikings: Rus’ and Varangians in the Middle Ages.* Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir

Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout, Brepols, 2024, pp. 151–170.

46. Segal D. *Variagi, Nemtsy, Svei, and Urmane*: Scandinavians in the Chronicle Writings of Medieval Rus'. *The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages*. Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout, Brepols, 2024, pp. 87–106.

47. Shepard J. The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore? *Early Medieval Europe*, 1970, vol. 4.1, pp. 41–60.

48. Sigfús Blöndal. The Varangians of Byzantium. Trans., rev., and rewritten by Benedikt S. Benedikz. Cambridge, Cambridge University Press, 1978 (last repr. 2007), 242 p.

49. Sigfús Blöndal. Væringjasaga: Saga norrænna, rússneskra og enskra hersveita í þjónustu Miklagarðskeisara á miðöldum. Reykjavík, Ísafoldarprentsmaðja, 1954, 407 p.

50. Sverrir Jakobsson. Remembering the Varangians: Cultural Memory and Lost Identities. *The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages*. Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout, Brepols, 2024, pp. 135–150.

51. Sverrir Jakobsson. The Schism that never was: Old Norse views on Byzantium and Russia. *Byzantinoslavica*, 2008, vol. LXVI, pp. 173–188.

52. Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and D. Segal. Introduction. *The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages*. Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout, Brepols, 2024, pp. 11–19.

53. *The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages*. Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout, Brepols, 2024, 236 p.

54. Thorir Jonsson Hraundal. Varangians in Arabic Sources. *The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages*. Ed. by Sverrir Jakobsson,

Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout, Brepols, 2024, pp. 35–46.

55. Upham T. M. Rus' Women in Islamicate Geography? Approaching a Study of Gender. *The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages*. Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout, Brepols, 2024, pp. 21–34.

56. Valur Gunnarsson. Origin Stories: The Kievan Rus' in Ukrainian Historiography. *The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages*. Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout, Brepols, 2024, pp. 171–188.

57. White M. The Byzantine ‘Charm Defensive’ and the Rus'. *The Making of the Eastern Vikings: Rus' and Varangians in the Middle Ages*. Ed. by Sverrir Jakobsson, Thorir Jonsson Hraundal, and Daria Segal (Medieval Identities: Socio-Cultural Spaces, 12). Turnhout, Brepols, 2024, pp. 47–62.

58. Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien état russe. *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. Éd. par M. Kazanski, A. Nercessian et C. Zuckerman. Paris, Éditions P. Lethielleux, 2000 (Réalités Byzantines, 7), pp. 95–120.

ЛИТОВСКИХ Елена Владимировна

Институт всеобщей истории РАН

Россия, Москва

elitovskih@mail.ru

ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ МЕДИОЛОГИЯ / МЕДИАСФЕРА

Аннотация: Данная работа представляет собой рецензию на недавно вышедший русский перевод книги американской скандинавистки Кейт Хеслоп: *Хевлон К. Медиасфера поэзии викингов / Пер. с англ. О. Ермаковой. СПб.: Библиороссика, 2025. 372 с.* (Современная европеистика). Перевод, сделанный всего лишь через два с половиной года после выхода первого издания книги, говорит прежде всего о востребованности в русскоязычной научной среде работ, содержащих новейшие подходы к изучению средневековых источников. Медиологический метод, пришедший в медиевистику из социологии, безусловно, относится к таковым. Хеслоп применяет его к скальдической поэзии, рассматривая через призму медиологии тематику, лексикон, а также объекты и субъектов средневековой скандинавской поэтической традиции, и предлагает тем самым новые прочтения канонических произведений (в работе анализируются «Перечень Инглингов», «Младшая Эdda», отдельные висы и другие литературные памятники данного жанра). Исследуя возможности и рамки поэтического посредничества, К. Хеслоп сосредотачивается на способности скальдической поэзии воплощать визуальность и звук и сохранять историческую память, а также на трансформации функций и топосов скальдической поэзии с принятием христианства. Переводчик максимально бережно подошла как к передаче научной терминологии, так и цитированию древних текстов.

Ключевые слова: медиология, эпоха викингов, скальды, историческая память, устная традиция

Для цитирования: Литовских Е. В. Древнескандинавская поэтическая медиология / медиасфера // *Studia Nordica*. 2025. № 1. С. 159–168. DOI: 10.17076/sn7

Медиология (фр. *médiologie*) — новая отрасль в социологии. В широком смысле она обозначает метод анализа культурной трансмиссии в обществе и между обществами, метод, который бросает вызов общепринятой идее, что «технология — это не культура».

Данный термин был придуман французским интеллектуалом Режи Дебрэ в его книге «Интеллектуальная сила во Франции»¹. Однако он больше известен в научном сообществе в своей английской форме — *mediology*, которая прижилась после публикации текста Дебрэ на английском языке².

¹ Debray R. *Le pouvoir intellectuel en France*. Paris, 1979.

² Debray R. *Transmitting Culture* / Transl. by E. Rauth. New York, 2004. На русском языке концепция Дебрэ издана в варианте учебного пособия: Дебрэ Р. Введение в медиологию. М., 2009.

Медиология (или «медиография», как иногда называет ее сам Р. Дебрэ) не является узкоспециализированной областью современных академических знаний (как, например, социология СМИ), и не стремится быть точной наукой знаков (как семиотика). Она отличается от моделей, выдвинутых коммуникационными исследованиями, тем, что ее фокус не сосредоточен на отдельных людях и нескольких мимолетных моментах общения. Вместо этого медиологи изучают культурную передачу религий, идеологий, искусств и политических идей в обществе и между обществами в течение длительных периодов времени («из поколения в поколение»), которые обычно измеряются десятилетиями или даже тысячелетиями, а также то, с помощью каких медиасредств эта передача осуществляется. По мнению Дебрэ, данная трансмиссия формирует некое институциональное и национальное единство, выстраиваемое вокруг символов, смыслов и следов, и цель медиологии — реконструировать их.

Медиологический метод уделяет особое внимание роли организаций и технических инноваций, а также способам, которыми они могут обеспечить эффективность культурной трансмиссии и, таким образом, трансформацию идей в цивилизационное мировоззрение, способное к устойчивому действию. Медиология фокусируется на «технике» передачи сообщения и даже разграничивает глобальные исторические медиасфера — логосферу (главный медиум которой — устное слово), графосферу (письменность во всех ее видах, и в первую очередь, печатная книга), видеосферу (телевидение) и цифровую «гиперсферу» (интернет).

В целом, медиология занимается четырьмя «М»: «сообщением» (*message*), «медиумом» (*medium*), «средой» (*milieu*) и «опосредованием» (*médiation*). Как и многие другие социологические идеи и подходы³, медиология стала применяться и в исторических исследованиях последних лет.

³ Ср., например, недавнее применение теории рисков в изучении истории средневековой Исландии: Falk O. Violence and Risk in Medieval Iceland: This Spattered Isle. Oxford, 2021. Рецензия на эту работу: Литовских Е. В. Кто не рискует, тот не создаст государства // Древнейшие государства Восточной Европы, 2025 год: Пути и способы разрешения конфликтов / Отв. ред. Т. Н. Джаксон. М., 2025. С. 317–325.

Не обошла ее своим вниманием доцент Скандинавского отделения Калифорнийского университета Кейт Хеслоп. В центре исследований Хеслоп находятся древнеисландские нарративные источники, особенно скальдическая и эдническая поэзия, саги и героическая традиция. В этой связи Хеслоп занимается также вопросами памяти, ее сохранения и передачи, особенно в древнеисландской культуре.

В 2022 г. К. Хеслоп издала монографию, под новым углом рассматривающую древнеисландское поэтическое творчество⁴. Спустя всего лишь два с половиной года эта работа была переведена и издана в России⁵. Русский язык — первый иностранный язык, на который она была переведена, что очень показательно. С английского книгу перевела кандидат филологических наук Ольга Сергеевна Ермакова (СПбГУ), специалист по норвежской филологии. Научным редактором выступила саговед, также кандидат филологических наук Дарья Сергеевна Глебова (НИУ ВШЭ, Москва).

Все термины, понятия и антропонимы переданы в русском переводе книги согласно последним общепринятым в русскоязычной научной среде правилам (которые, как известно, менялись с течением времени), все цитаты приведены с очень бережным отношением к тексту. Всё это суммарно создает очень благоприятное впечатление и вызывает уважение к объему проделанной переводчиком и редактором работы.

Русские издатели более чем уместно решили отказаться в названии от исконного термина «медиология» (вдобавок использованного К. Хеслоп во множественном числе: *viking mediologies* — «медиологии викингов»), вызывающего у русскоязычного читателя стойкие ассоциации с областью научного знания, а не с практиками и методами культурной трансмиссии, в пользу более широкого понятия — «медиасфера», стоящего в одном ряду с

⁴ Heslop K. Viking Mediologies: A New History of Skaldic Poetics. New York, 2022.

⁵ Хеслоп К. Медиасфера поэзии викингов / Пер. с англ. О. Ермаковой. СПб., 2025.

уже укоренившимися в русскоязычном научном обиходе «логосферой» и «графосферой»⁶.

К. Хеслоп применила медиологический метод к скальдической поэзии, рассмотрев через его призму тематику, лексикон, а также объекты и субъектов средневековой скандинавской поэтической традиции, и предложила тем самым новое прочтение канонических произведений (в работе анализируются рунический камень из Рёка, «Перечень Инглингов», «Младшая Эдда», «Первый грамматический трактат», отдельные висы и пр.).

Часть 1 книги посвящена исторической памяти, ее формированию и сохранению⁷. В ней К. Хеслоп описывает, в какой поэтической форме воплощались знания о прошлом. С ее точки зрения, квидухатт (*kviðuháttir*, стихотворный размер «Перечня Инглингов», *Ynglingatal*) усиливает медиальный потенциал Перечня.

«Перечень Инглингов» уже давно привлекает внимание исследователей, но Хеслоп поместила его в контекст памяти и места, проанализировав, как люди прошлого помнят или создают воспоминания о прошлом — в известном или сконструированном ландшафте.

По мнению К. Хеслоп, скальды предложили викингским вождям уникальный по своей ценности опыт: с помощью сложной (с формальной точки зрения) поэзии они улавливали общие условные смыслы, сохраняли и передавали их в запоминающихся и воспроизводимых произведениях. Последнее было немаловажно в дохристианскую эпоху, когда в Скандинавии устная культура преобладала над письменной. Хеслоп утверждает, что именно «поэзия в разmere дротткветта, сфокусированная на доблести вождя и его дружины в бою, способствовала формированию коллективной идентичности группы»⁸.

⁶ Об использовании последнего см. программную статью Саймона Франклина: Franklin S. Graphospaera / Graphosphere / Graphosphère / Grafosfera / Графосфера: Words, Concepts, Approaches // Graphospaera. 2021. Vol. 1. P. 9–19. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=graphospaera-graphosphere> (дата обращения: 30.05.2025).

⁷ Хеслоп К. Медиасфера... С. 37–130.

⁸ Там же. С. 221.

Часть 2 монографии посвящена особенностям визуального восприятия, выраженного в практике визуальных трюков⁹, а часть 3, напротив, раскрывает аудиальную сторону скальдической поэзии¹⁰. Висы воспринимались древнескандинавской аудиторией на слух, поэтому формируемая скальдами звуковая картина была чрезвычайно важна. Свою роль тут играла метрика, хендинги (рифма), аллитерация, преобладающие кенningar и ассоциации, на которых они строились. Хеслоп совершенно справедливо приравнивает скальдический размер дротткветт (*dróttkvæðr hátr*) к музыке¹¹. Она отмечает, что «гиперболизированная звучность дротткветта превратила его в мощного медиатора, посредством которого викинги могли коллективно воссоздать экстаз битвы, запечатлеть в памяти достойные славы деяния вождей и воспроизвести их спустя много лет»¹².

Кроме того, К. Хеслоп выделяет одну из самых значимых для исследователей характеристик скальдической поэзии — ее серийность и массовость¹³. Филологи имеют дело не с единичными произведениями, а с достаточно большой статистической выборкой, на основании которой можно делать выводы о традиционных для скальдики приемах, наиболее часто употребляемых словах и кеннингах и пр. Это также помогает Хеслоп составить «звуковую картину» скальдической поэзии.

Особое впечатление производит глава 5 части 3 «Шум поэзии»¹⁴, в которой К. Хеслоп показывает, с помощью каких средств скальдам удавалось передать слушателям ощущение включенности в излагаемые в висах события. На мой взгляд, такой оригинальный анализ звуковой картины мира применим не только к древнеисландской поэзии, но и к другим нарративным источникам. Хеслоп в этом направлении исследований — первопроходец, мне неизвестны работы медиевистов с аналогичным подходом.

⁹ Там же. С. 131–214.

¹⁰ Там же. С. 215–293.

¹¹ Там же. С. 222.

¹² Там же. С. 221.

¹³ Там же. С. 305.

¹⁴ Там же. С. 215–250.

В своей рецензии на английское издание книги К. Хеслоп Тэррин Уиллс отмечает, что для Хеслоп важен не только переход медиа, связанный с появлением письменной текстуальности, но и мульти- и интермедиальные явления в изображениях, надписях и текстах¹⁵. В то же время, по мнению Уиллса, Хеслоп остается в русле основного направления в современных исследованиях скальдики: сосредоточенности на изучении ее технических аспектов, контекстуального фона и сложных деталей метрики и использования языка¹⁶. Однако, на мой взгляд, К. Хеслоп смещает фокус исследования с традиционных для скальдической поэзии проблем авторства (в том числе различий поэтического стиля отдельных скальдов, презентации и степени осознанности авторства) и подходит к ней с новой, медиальной точки зрения, показывая, какую «теорию медиа» мы можем обнаружить — в эпоху до массовых медиа — в древнескандинавских текстах и изображениях и какое положение занимают скальды в системе медиа и коммуникации средневековой Скандинавии на протяжении более 500 лет развития скальдической традиции.

Медиум скальдической поэзии, с точки зрения К. Хеслоп, сформировался приблизительно в начале эпохи викингов, заняв место среди множества средств аристократической самопрезентации в мемориальных монументах (рунических стелах), объектах изобразительного искусства и дружинной культуре. Видимо, поэтому в русском варианте названия «скальдическая поэзия» была опущена, осталась лишь «поэзия викингов». Не исключено, однако, что в этом заключался маркетинговый ход перевода: образ викингов известен более широкому кругу читателей, чем те, кто знает, кто такие скальды.

Однако сама К. Хеслоп в своей работе на «эпохе викингов» не останавливается. Используя квидухатт в качестве отправной точки, Хеслоп изучает различные памятники скальдической поэзии вплоть до позднего Средневековья, исследуя в том числе христианское влияние на идеи

¹⁵ Wills T. [Rev.:] Heslop K. *Viking Mediologies: A New History of Skaldic Poetics*. New York: Fordham University Press, 2022. xiv + 296 p. // Scandinavian Studies. 2024. Vol. 96 (3). P. 118.

¹⁶ Ibid. P. 120.

генеалогии и исторической памяти, отраженное в них. При этом она особо отмечает роль квидухатта на начальном этапе реализации процесса посредничества коллективных воспоминаний.

К. Хеслоп оговаривает, что с принятием христианства и распространением письменности скандинавский медиаландшафт изменился. Она справедливо полагает, что в поэзии XII–XIII вв. четко прослеживается, как скальды приспособливались к требованиям грамотной аудитории, а исторические и поэтологические тексты исландского высокого Средневековья открыли диалог между латинскими христианскими идеями посредничества и местными традициями.

Как отмечает Т. Уиллс, подход К. Хеслоп выдвигает аргумент против укоренившейся идеи о том, что материальность письменной записи является единственной прочной основой для понимания текстов прошлого и до объекта, несущего текст, ничего не может быть известно с уверенностью¹⁷. По мнению Уиллса, труд Хеслоп является значительным вкладом в понимание того, как могут работать процессы передачи информации в устной традиции. И это тоже важно для анализа групп источников, имеющих, как и скальдическая поэзия, длительный период бытования до письменной фиксации.

Перевод монографии Кейт Хеслоп, сделанный всего столь быстро после выхода первого издания книги, говорит прежде всего о востребованности такого рода исследований у русскоязычной читающей публики. Русскоязычный читатель (не обязательно ученый филолог-скандинавист) получает возможность ознакомиться с новой и чрезвычайно интересной работой. Монография тем самым оказывается доступна большому числу представителей смежных специальностей (европейская медиевистика, культурология, социология, антропология и пр.), которые не всегда имеют время и возможность ознакомиться с новыми тенденциями скандинавистики в оригинале.

¹⁷ Ibid. P. 119.

Список литературы

1. Дебрэ Р. Введение в медиологию. М.: Практис, 2009. 368 с.
2. Литовских Е. В. Кто не рискует, тот не создаст государства // Древнейшие государства Восточной Европы, 2025 год: Пути и способы разрешения конфликтов / Отв. ред. Т. Н. Джаксон. М.: ГАУГН-Пресс, 2025. С. 317–325.
3. Хеслоп К. Медиасфера поэзии викингов. Перевод с английского Ольги Ермаковой. СПб.: Библиороссика, 2025. 372 с. (Современная европеистика).
4. Debray R. Le pouvoir intellectuel en France. Paris: Editions Ramsay, 1979. 280 p.
5. Debray R. Transmitting Culture / Transl. by E. Rauth. New York: University of Columbia Press, 2004. 224 p.
6. Falk O. Violence and Risk in Medieval Iceland: This Spattered Isle. Oxford: Oxford University Press, 2021. XIII, 358 p.
7. Franklin S. Graphosphaera / Graphosphere / Graphosphère / Grafosfera / Графосфера: Words, Concepts, Approaches // Graphosphaera. 2021. Vol. 1. P. 9–19. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=graphosphaera-graphosphere> (дата обращения: 30.05.2025).
8. Heslop K. Viking Mediologies: A New History of Skaldic Poetics. New York: Fordham University Press, 2022. XIV, 296 p.
9. Wills T. [Rev.:] Heslop K. Viking Mediologies: A New History of Skaldic Poetics. New York: Fordham University Press, 2022. XIV + 296 p. // Scandinavian Studies. 2024. Vol. 96 (3). P. 117–120.

LITOVSCHKIH Elena V.

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation, Moscow
elitovskih@mail.ru

OLD NORSE POETIC MEDIOLogy / MEDIASPHERE

Abstract. This work is a review of the recently published Russian translation of the book by the American Scandinavian scholar Kate Heslop (Heslop K. *Viking Mediologies: A New History of Skaldic Poetics*. New York, Fordham University Press, 2022, XIV, 296 p.): Heslop K. *Mediasfera poezii vikingov*. Transl. by Ol'ga Ermakova. Saint Petersburg, Bibliorossica, 2025. 372 p.

(*Sovremennaia Evropeistika*). The translation, made only 2.5 years after the publication of the first edition of the book, speaks, first of all, of the demand in the Russian-language scientific community for works containing the latest approaches to the study of medieval sources. The mediological method, which came to medieval studies from sociology, certainly belongs to them. Heslop applies it to skaldic poetry, examining the themes, vocabulary, objects and subjects of the medieval Scandinavian poetic tradition through its prism, thereby offering new readings of canonical works (the work analyzes the *Ynglingatal*, the *Snorra Edda* and skald *visur*). Exploring the possibilities and limits of poetic mediation, Kate Heslop focuses on the ability of skaldic poetry to embody visuality and sound and preserve historical memory, as well as on the transformation of the functions of skaldic poetry with the adoption of Christianity. The translator approached both the transfer of scientific terminology and the citation of ancient texts with the utmost care.

Keywords: mediology, Viking Age, skalds, historical memory, oral tradition

For citation: Litovskikh E. V. Old Norse Poetic Mediology / Mediasphere. *Studia Nordica*, 2025, no. 1, pp. 159–168. DOI: 10.17076/sn7

References

1. Debray R. *Vvedeniye v mediologiyu*. Moscow, Praksis, 2009, 369 p.
2. Litovskikh E. V. Kto ne riskuyet, tot ne sozdayet gosudarstvo. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2025 god: Puti i sposoby razresheniya mneniy*. Ed. by T. N. Jackson, Moscow, GAUGN-Press, 2025, pp. 317–325.
3. Heslop K. *Mediasfera poezii vikingov*. Transl. by Ol'ga Ermakova, Saint Petersburg, Bibliorossica, 2025, 372 p. (*Sovremennaia Evropeistika*).
4. Debray R. *Le pouvoir intellectuel en France*. Paris, Editions Ramsay, 1979, 280 p.
5. Debray R. *Transmitting Culture*. Transl. by E. Rauth. New York, University of Columbia Press, 2004, 224 p.
6. Falk O. *Violence and Risk in Medieval Iceland: This Spattered Isle*. Oxford, Oxford University Press, 2021, XIII, 358 p.
7. Franklin S. Graphosphaera / Graphosphere / Graphosphère / Grafosfera / Графосфера: Words, Concepts, Approaches. *Graphosphaera*, 2021, vol. 1, pp. 9–19, available at: <http://writing.igh.ru/index.php?id=graphosphaera-graphosphere> (accessed May 30, 2025).
8. Heslop K. *Viking Mediologies: A New History of Skaldic Poetics*. New York, Fordham University Press, 2022, XIV, 296 p.

9. Wills T. [Rev.:] Heslop K. *Viking Mediologies: A New History of Skaldic Poetics*. New York: Fordham University Press, 2022. XIV + 296 p. *Scandinavian Studies*, 2024, vol. 96 (3), pp. 117–120.

ПОЛЯНСКАЯ Елизавета Константиновна

Государственный академический университет гуманитарных наук
Россия, Москва
elizaveta_pol02@mail.ru

ШМЕЛЕВ Андрей Сергеевич

Государственный академический университет гуманитарных наук
Россия, Москва
Andrey_2163@mail.ru

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ

Аннотация: Данная работа представляет собой рецензию на выпущенные в прошлом году коллективную монографию под редакцией Х. Я. Орнинга, К. Эсмарка и Йоуна Видара Сигурдссона «Новые взгляды на “гражданские войны” в средневековой Скандинавии» и труда Х. Я. Орнинга «Постоянный кризис: Деконструкция гражданских войн в Норвегии, ок. 1180–1220 гг.». Эти работы выводят изучение эпохи гражданских войн в Скандинавии (*borgerkrigstida*) на новый виток дискуссии, рассматривая, главным образом, социально-политические причины этого конфликта, а также особенности регуляции состояния общества посредством постоянного противостояния нескольких групп. Исследуя родословную правящих династий, социальные и политические связи королей, а также ход конфликта, исследователи пересматривают ключевые даты данной эпохи, а также причинно-следственные связи событий рубежа XII–XIII вв. и приходят к выводу, что гражданские войны не имеют одного общего начала, возникают на разных социальных уровнях и им не свойственен столь серьезный уровень жестокости, который ранее приписывали подобным конфликтам. Ключевым выводом рецензируемых трудов можно считать то, что такого рода «войны» являлись для Скандинавии обыденной вещью и служили системой общественного регулирования и «баланса сил». Для подчеркивания специфического характера данного типа конфликтов Орнинг, помимо прочего, предлагает ввести новый термин — «постоянный кризис» (*constant crisis*).

Ключевые слова: социальные связи, гражданская война, конфликтология, «постоянный кризис», родственные связи

Для цитирования: Полянская Е. К., Шмелев А. С. Новые подходы к изучению гражданских войн в средневековой Скандинавии // *Studia Nordica*. 2025. № 1. С. 169–184. DOI: 10.17076/sn8

Тема «гражданских войн» для современного читателя не нова. Общий обзор этого явления на протяжении всей человеческой истории дал Дэвид Эрмитедж в своей книге «Гражданские войны: история идей», где он рассматривает обширный исторический промежуток, доказывая, что само по себе явление «гражданской войны» проявило себя как нечто разрушающее и

уничижающее весь общественный прогресс¹. Однако современные социологи ушли достаточно далеко от традиционных взглядов на такого рода конфликты. Более того, в настоящее время признается, что подобные конфликты могли играть важную роль в сохранении мира в обществе. Антрополог Макс Глакман (тж. Глакмен, Глюкман) при изучении взаимоотношений в африканских племенах разработал свою концепцию восприятия конфликтов в традиционных обществах. Он предложил рассматривать гражданские войны как «мир во вражде»², т. е. не относиться к ним как к дестабилизирующему явлению, а воспринимать их как уравновешивающий фактор жизни в социуме³. Идею Глакмана восприняли исследователи средневековой Европы, которые стали использовать его методы на своем материале. А авторы рецензируемых монографий решили рассмотреть эту концепцию в рамках истории Скандинавии XII–XIII вв.

Первый раздел (главы 1–4) коллективной монографии под редакцией Х. Я. Орнинга, К. Эсмарк и Йоуна Видара Сигурдссона «Новые взгляды на “гражданские войны” в средневековой Скандинавии» (*New Perspective on the “Civil Wars” In Medieval Scandinavia*⁴) посвящен тематическим исследованиям отдельных этапов гражданских войн с анализом основных социальных аспектов данного конфликта. В первой главе раздела, «Сети и отряды⁵: гражданские войны в Норвегии ок. 1130–1163 гг.» (*Networks and flokkar. The Civil Wars in Norway c. 1134–1163*, pp. 41–96), Йоун Видар Сигурдсон рассматривает ранний этап борьбы за трон Норвегии и то, как королевские связи стали основной причиной разжигания данного противостояния. Он анализирует место кровных и

¹ Armitage D. Civil Wars: A History in Ideas. New Haven, 2017.

² Он развернул свою концепцию в «парадигме линиджа»: человек, оказавшийся в споре между своими родственниками, не может поддерживать одного родича против другого и поэтому будет стремиться установить мир между ними.

³ Gluckman M. Rituals of Rebellion in South-East Africa. Manchester, 1954; Gluckman M. The Peace in the Feud // Past and Present. 1955. № 8. P. 1–14.

⁴ New Perspectives on the “Civil Wars” In Medieval Scandinavia / Ed. by H. J. Orning, K. Esmark, Jón Viðar Sigurðsson. Turnhout, 2024.

⁵ Здесь и далее мы переводим *flokkar* (*pl.* от *flokkr* ‘группа, партия, отряд, толпа’, см.: Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic–English Dictionary. Oxford, 1957. P. 161) как «отряды», поскольку первоначально под *flokkar* понимались отряды вооруженных людей, которые находились под командованием короля.

приемных родственников, друзей, а также придворных и их частных армий в контексте королевских связей (pp. 43–44). Йоун Видар утверждает, что основным инструментом власти для норвежского правителя была слаженная обширная сеть, состоящая из большого количества контрагентов из разных социальных слоев. Таким образом, король мог делегировать управление своими землями на местах, контролировать свои частные вооруженные отряды и предотвращать внутренние конфликты в своем королевстве (pp. 45–47, 49–50). Социальные связи, или «социальные сети»⁶, благодаря своим размерам и переплетенности препятствовали появлению конфликтов на фоне серьезных противоречий внутри сети, более того, как утверждает автор, такие сети были более эффективными, чем семья или род (который также входил, так или иначе, в королевскую социальную сеть: pp. 50–51, 57–60). Исследователь приходит к выводу, что одной из причин начала войны стала недостаточная связь между двумя королевскими сетями, которые могли бы контролировать общую внутригосударственную напряженность (pp. 54–56). Другим важным фактором, по мнению Йоуна Видара, было то, что в этот период ни одна из сторон не созывала общую армию для быстрого регулирования конфликта, т. к. социальные связи обоих претендентов на власть пересекались среди «домохозяев», которые не хотели поддерживать в конфликте ни одну из сторон. Решением этой проблемы стало создание частных военных групп (*flokkr*). Военные отряды старались создавать из людей низших сословий, которые не могли бы являться частью королевских сетей. Однако и в самих вооруженных группах возникали свои дружественные связи с другими такими же формированиями, которые предотвращали крупные потери в сражениях (p. 77). Автор также подчеркивает, что частные военные отряды стали главными «делателями королей», которые обходили право народных собраний избирать правителя, что, в конце концов, привело к власти Магнуса Эрлингссона, который отказался от практики совместного правления в пользу

⁶ Термин ввел еще в середине XX в. Дж. Барнс: *Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human relations. 1954. Vol. 7. No. 1. P. 39–58.*

европейской модели единого королевства, одного короля, но это не прекратило борьбы за власть, и конфликт получил продолжение (pp. 79–80).

Вторая глава «Запутанный конфликт: Социально-политическое соперничество и война в Дании ок. 1128–113 гг.» (*Messy Conflict: Socio-political Competition and War in Denmark c. 1128–1137*, pp. 41–46) посвящена политическому убийству Кнуда Лаварда в 1131 г., которое развязало «мстительную войну», длившуюся три года. В самом начале автор главы Ким Эсмарк рассматривает структуру королевской сети, которая формировалась задолго до убийства. Исследователь говорит, что конкуренция за различные виды ресурсов была делом не одних лишь представителей власти, но и его приближенных — части социальной королевской сети, которая не только играла важную роль в военных конфликтах, но и могла влиять на королевскую политику и создавать собственные узлы власти (pp. 97–98). Подобное общество магнатов и больших землевладельцев Эсмарк сравнил с «темной материей» (*dark matter*), намекая на масштабность внутренних изменений в сети (pp. 102–103). Со временем в королевской сети накапливались и появлялись новые политические активы в виде представителей Лундской епископии, чье появление ознаменовало новую политическую силу, сопоставимую с королевской, а также развивающихся городских сообществ, которые за счет торговли и накопления ресурсов могли выступать в качестве независимой силы (pp. 106–108). Ситуация усугублялась отсутствием какого-либо закона, регулирующего права наследования короны, предоставляя «народу» в лице крупных землевладельцев право избирать короля. Безусловно, такая группа не обладала сплоченностью и едиными мотивами, и это способствовало нарастанию противоречий и напряженности среди знати, что и привело к масштабному конфликту после трагических событий 1131 г. Эсмарк утверждает, что война велась сторонами, не имевшими противоречий в политических, религиозных или иных ценностях, главную роль сыграло стремление к доминированию в структуре власти между группами элит (pp. 153–157).

Третья глава «Постоянный кризис в Норвегии 1202–1208 гг.» (*Constant Crisis in Norway, 1202–1208*, pp. 165–214), написанная Хансом Якобом Орнингом, возвращает читателя в Норвегию к самому интенсивному периоду гражданской войны. Орнинг отказывается от общей концепции представления гражданских войн как фазы развития общества, завершающейся политическим крахом одной из противоборствующих идеологий, а исходит из предположения, что конфликт всегда присутствует в обществе и что он обычно неформально регулируется принципом баланса, охарактеризовав это термином «постоянный кризис» (*constant crisis*, pp. 165–166). Орнинг показывает, что конфликт не ограничивался борьбой между двумя соперничающими фракциями, или вооруженными отрядами, биркебейнерами («березовоногими») и баглерами («посошниками»). Внутригрупповые конфликты также имели место, а если принять тот факт, что между противоборствующими партиями существовали разнообразные социальные связи, то можно предположить, что сплоченность внутри них была слабой, а конфликты между партиями были вялотекущими (pp. 166, 176–179, 183, 191–192). Таким образом, Орнинг считает, что влияние вооруженных действий на местные сообщества, вероятно, было менее существенным, чем предполагалось ранее. Он приходит к выводу, что распространность конфликтов следует понимать как состояние, при котором напряженность и борьба остаются неотъемлемой частью социально-политического порядка в виде регулятора отношений между людьми, а не чем-то внешним или противоречащим ему (pp. 205–208).

Здесь стоит сделать отступление, чтобы обратиться к отдельной монографии того же автора⁷, посвященной теме конфликта и кризиса, гражданских войн в Норвегии 1180–1220 гг., в которой Ханс Якоб Орнинг развивает тему «постоянного кризиса» в Норвегии XIII в. Первая глава книги является вступлением, где автор рассуждает о понятии «гражданская война»

⁷ Orning H. J. Constant Crisis Deconstructing the Civil Wars in Norway, ca. 1180–1220. Ithaca (NY), 2025. URL: <https://ecommons.cornell.edu/items/a882abe5-af3b-42d2-b316-c452d222eb66> (дата обращения: 18.10.2025).

(*Civil war*), а также затрагивает тему легитимизации насилия в обществе. На примере «гражданских воин» в Норвегии Орнинг пытается доказать, что подобного рода конфликты могут выступать как инструмент поддержки общественного порядка. Поэтому борьбу за престол в Норвегии можно рассматривать не как социально-политическую катастрофу, а наоборот, как своеобразную форму поддержания внутреннего «баланса сил» политических элит. Более того, Орнинг шире смотрит на географию конфликта и уровни участия в данных войнах. В данном контексте он продолжает использовать термин «постоянный кризис» как характеристику состояния норвежского общества в описываемый период (pp. 2–4). В той же главе он анализирует понятие конфликта, которое ввел Карл Маркс. Тезис Маркса состоит в том, что конфликт, понимаемый прежде всего как классовая борьба, есть главная движущая сила исторического развития. При этом его характер принципиально нейтрален — он не обладает ни положительными, ни отрицательными характеристиками как таковыми. Конфликт рассматривается исключительно как объективный механизм развития общества, что принципиально отличает данный подход от иных интерпретаций социальных противоречий.

Орнинг, однако, видит в конфликте инструмент социальных изменений, не имеющий ни положительных, ни отрицательных черт.

При этом Орнинг уделяет огромное внимание концепции сегментарных обществ, разработанной антропологом Эдвардом Э. Эванс-Пritchардом⁸, используя идеи последнего применительно к скандинавскому материалу (pp. 6–8, 19–20, 23–24). Вслед за Эванс-Пritchардом Орнинг сосредотачивается на конфликтах различных уровней, от внутригрупповых до межрегиональных.

Во второй главе монографии Х. Я. Орнинг анализирует идеи и стремления представителей двух противоборствующих партий, биркебейнеров и баглеров. Историк показывает, что военные и социальные особенности норвежского общества того времени не давали долгосрочно

⁸ См.: Evans-Pritchard E. E. The Nuer of the Southern Sudan // African Political Systems / Ed. by M. Fortes and E. Evans-Pritchard. Oxford, 1940. P. 272–297.

закрепить власть какой-либо стороне конфликта. Отсутствие воли и достаточных ресурсов у участников работали в пользу баланса сил между двумя фракциями (pp. 27–28, 88–89). В ходе конфликта между биркебейнерами и баглерами нельзя выявить лидера в военных столкновениях, т. к. обе стороны конфликта прибегали к партизанской тактике ведения боевых действий, сводя поддержку местного населения на нет, или обращались за помощью извне, привлекая которую проигравшая сторона становилась сильнее, чем была раньше (pp. 48–50, 52–55). Таким образом, несмотря на то, что биркебейнеры чаще оказывались превосходящими по силе и чаще переходили в наступление, их противники постепенно учились противостоять им, что свело на нет все преимущества, к числу которых можно отнести флот биркебейнеров, потерявший свое стратегическое значение. Одной из причин успешной партизанской тактики Орнинг видит ограниченность влияния биркебейнеров в регионах. Другими словами, их власть сосредотачивалась только в пределах малочисленных укреплений, и у них не было полного контроля над территорией (pp. 34–35, 89–90).

В третьей главе монографии Орнинг рассматривает внутренние конфликты в самих партиях как инструмент стабильности и регуляции общества. Орнинг пишет, что конфликты в группе являются признаком вовлеченности всех ее членов в решение того или иного вопроса, а большая вовлеченность членов группы повышает степень осознанности при выборе решения в группе. Исходя из этого, Орнинг считает, что важной причиной неудач баглеров было неумение распределять власть между членами группы (pp. 93–94, 124–127). Кроме того, «постоянный кризис» между биркебейнерами и баглерами, с точки зрения Орнинга, проецировался на «постоянный кризис» внутри каждой группы, где шла борьба за власть и влияние (p. 127).

Четвертая глава монографии посвящена связям между группами. В ней Орнинг выделяет три формы связи, отличные от тех, которые основаны на принадлежности к вооруженным группам, а именно: личные связи, основанные на родстве, дружбе и клиентелизме; материальный мотив (поиск

добычи) и сообщество социальных элит (р. 131)⁹. В той же главе Орнинг анализирует, почему близкие родственники нередко выступали против друг друга, входя в противоборствующие группировки. Автор приводит несколько обстоятельств, которые, как он полагает, приводили к такому положению дел: во-первых, семья как целое получала шанс остаться в выигрыше вне зависимости от итога конфликта; во-вторых, в случае поражения родичи, выступавшие за другую сторону, могли замолвить слово за проигравших и обеспечить тем помилование (р. 133). По словам исследователя, данная стратегия была распространена, поскольку не несла особых рисков для семьи (р. 133). Отдельного внимания заслуживает и сделанный в той же четвертой главе вывод о том, что состояние кризиса было естественным порядком вещей для элит, поскольку союз и соперничество в среде элит — две стороны одной медали (р. 155).

Пятая глава монографии посвящена взаимоотношениям вооруженных групп с местными жителями. Орнинг разделяет встречи-собрания между королями и крестьянами на два типа: первый, когда вооруженная группа во главе с лидером оказывается в уязвимом положении; второй, когда король навязывает свою власть местным жителям (р. 167). Здесь же автор рассуждает о различиях между профессиональными воинами и народным ополчением. Он приходит к выводу, что если мужчина мог совмещать роль военного и местного лидера, то это показывает, что война не была постоянной деятельностью, а лишь занятием, которое можно было совмещать с «нормальной» жизнью (р. 191).

Таким образом, Орнинг задается в своей монографии вопросом о применимости термина «гражданская война» к событиям далекого прошлого. Он предупреждает, что данное определение уже содержит в себе современные представления о нем. В качестве аналога Орнинг предлагает использовать концепцию «постоянного кризиса» (введенную им годом ранее в главе

⁹ Автор ссылается здесь, в частности, на статью Ж. Дюби: *Duby G. The Origins of Knighthood // Duby G. The Chivalrous Society / Transl. By C. Postan. Berkley (CA), 1977. P. 158–171.*

коллективного труда о гражданских войнах), которая призвана описать период, когда насильственные конфликты были неотъемлемой частью жизни (р. 204). Автор наглядно демонстрирует на протяжении всей книги, что конфликты не имеют одного общего начала, а наоборот — возникают на разных уровнях (каждому из уровней посвящена отдельная глава). Безусловно, невозможно не согласиться со словами Орнинга, что изучение конфликта помогает не только выяснить, как трансформировалось восприятие насилия и конфликтов с течением времени, но и пролить свет на наше собственное к ним отношение (р. 225).

Возвращаясь к коллективной монографии «Новые взгляды на гражданские войны в средневековой Скандинавии», перейдем к ее второму разделу (главы 5–7). В нем авторы отходят от изучения конфликтов в широком плане, сосредотачиваясь на их отдельных политических аспектах. Открывает раздел глава «Пространственные практики в скандинавской игре за власть XII и начала XIII века» (*Spatial Practices in the Twelfth and Early Thirteenth Century Scandinavian Power Game*, pp. 217–264), в которой Бьёрн Поульсен провел анализ материальной и пространственной основы конфликтов в средневековой Скандинавии. На основе сравнения ландшафтов Дании, Норвегии и Швеции автор показывает, как их различия определили особенности развития сообществ и связей между ними. Власть и контроль над территорией всегда были тесно связаны с морем. Поэтому флот обладал первостепенным значением в Норвегии из-за ее длинной береговой линии, а также в Дании с ее островами, в то время как в Швеции ввиду плохого освоения побережья флот играл не такую важную, по мнению Поульсена, роль (pp. 221–222, 225–226). Несмотря на это, флот во всей средневековой Скандинавии оставался необходимым инструментом для поддержания межрегиональных связей и военной логистики, а также как политический инструмент в отношениях с другими государствами, что способствовало развитию и переплетению различных социальных связей в контексте «постоянного кризиса». С ростом городов и увеличением числа маршрутов разделение между центром власти и

периферией стало более четким, власть концентрировалась на одном месте, что способствовало укреплению королевской власти (pp. 247–250).

Ларс Хермансон в шестой главе «Память о Маргрете. Знатные женщины как политические агенты в многосторонних конфликтах 1120–1170 гг.» (*The Memory of Margrethe. Noblewomen as Power Agents in Multi-Party Conflicts c.1120–1170*, pp. 265–308) определяет политического агента как человека, который по разным причинам способен осуществлять определенный контроль над общественными отношениями и изменять их (p. 266). Автор отмечает, что, в сложившейся историографической традиции знатные женщины рассматривались как не более чем пешки, основная роль которых заключалась в продвижении своей семьи по социальной лестнице с помощью брачных связей (p. 265). Хотя с таким взглядом трудно спорить, он, по мнению Хермансона, не позволяет в полной мере понять, что из себя представляли конфликты между элитами и властные отношения в Скандинавии во время их внутренних конфликтов в указанный период времени (p. 266). Хермансон рассматривает на примере королевы Маргреты и ее племянницы Ингрид Рёгнвальдсдоттир, какими средствами пользовались знатные женщины как акторы политики. Основная мысль автора заключается в том, что женщины при жизни и после смерти выполняли решающие функции в построении, трансформации и сохранении политических связей (p. 266). Среди социальных ролей королевы Маргреты он выделяет ее роль как символа благочестия. И подчеркивает, что именно эта роль способствовала превращению Маргреты в объект памяти.

Рассматривая жизненный путь Ингрид Рёгнвальдсдоттир, Хермансон приходит к выводу, что для женщины повторный брак был лучшей и эффективнейшей тактикой не только выживания, но и сохранения своего имущества, и обеспечения опекунства над своими детьми (p. 278). Подобно своим коллегам-мужчинам из королевской семьи, Ингрид поддерживала баланс между различными фракциями при дворе, а также «создала собственную аристократию» (“*created her own aristocracy*” — p. 282).

Используя концепцию Пьера Бурдье¹⁰, Хермансон показывает, что женщины в средневековой Скандинавии в целом играли не менее важную роль на политической арене, чем мужчины. Знатные женщины не только были накопителями социального капитала (честь, род), но являлись активными его созидаелями (р. 300).

В седьмой главе «Миротворчество и переговоры в Скандинавии Высокого Средневековья» (*Peacemaking and Negotiations in High Medieval Scandinavia*, pp. 309–342) Дженни Бенхам рассматривает мирные переговоры и то, что их сопровождало: различные правила поведения, ритуалы и традиции. Автор подчеркивает, что возмещение ущерба и вопросы помилования (для проигравшей стороны) являются критериями для понимания многих конкурирующих требований перехода от конфликта к миру (р. 319). Бенхам приходит к выводу, что мирные соглашения стоит рассматривать, в первую очередь, как индикаторы того, что было справедливым и законным во время войны и мира (р. 323). Сотрудничество, по ее мнению, было необходимым ключом к разрешению конфликтов, что породило определенный набор требований к тем, кто заключает мир. Автор уделяет много внимания месту встречи и различным символическим жестам (например, клятвам), которые сопровождали переговоры.

Третий раздел коллективной монографии (главы 8–10) посвящен сравнению ситуации в Скандинавии с историческими процессами и событиями в других частях Европы.

Герд Альтхофф в главе 8 «Политические сети в конфликте. Взгляд из Германии» (*Political Networks in Conflict. A German Perspective*, pp. 345–370) описывает поведение знатных воинов во время политических распри в германских землях в период Высокого Средневековья. Он предпринимает попытку взглянуть на них с точки зрения разных представителей социальной структуры (короля, духовенства, знатных семей). Подобный анализ может быть полезным для сравнения с процессами, происходившими в Скандинавии. Более всего заслуживают внимания стратегии, приведенные автором в

¹⁰ Bourdieu P. Masculine Domination / Transl. by R. Nice. Cambridge, 2001.

качестве «эскалаторов» или «деэскалаторов» конфликта. Альтхофф предлагает взглянуть на известные по источникам события, связанные с усилением политической напряженности, капитуляцией городов и т. п., как на отдельные, хорошо понимаемые людьми той эпохи шаблоны поведения.

Кроме того, он специально выделяет роль медиаторов, миротворцев, которые были ответственны за установление и поддержание связей и переговоров между сторонами, вовлеченными в конфликт (р. 356). Одну из главных своих задач Альтхофф видит в том, чтобы оспорить существующий в исторической науке тезис о неограниченном применении насилия в Средние века. На основании различных источников ему удается показать, что средневековое германское общество знало и применяло правила и обычай для прекращения конфликтов без кровопролития или до его начала (р. 366).

В девятой главе «Военные истории. Переосмысление восстания в Англии нормандского и анжуйского периодов, 1066–1217 гг.» (*War Stories. Re-thinking Rebellion in Anglo-Norman and Angevin England, 1066 to 1217*, pp. 371–412) Стивен Д. Уайт на англо-нормандском и французском материале¹¹ рассматривает восстания в Англии XII и раннего XIII в. как часть законной политической оппозиции, а не как что-то выходящее за рамки обычного политического процесса. Продолжая тему, поднятую в восьмой главе, Уайт не только приводит ряд ключевых характеристик понятия «война», но также перечисляет причины, которых было достаточно для ее начала, и при этом делает акцент на ментальности людей, живших в ту эпоху.

Заключительная десятая глава «Скандинавия в средневековой Европе» (*Scandinavia in Medieval Europe*, pp. 413–428) одновременно подводит итог всему сборнику и предлагает взгляд Уоррена К. Брауна на место Скандинавии в средневековой Европе. Автор задается главным вопросом, который по-своему поднимался исследователями в каждой главе: могут ли конфликты, распространявшиеся по региону в XII–XIII вв., быть верным образом поняты

¹¹ Уайт использует «Историю герцогов Нормандии и королей Англии» Анонима из Бетюна: *The Anonymous of Béthune. Historie des ducs de Normandie et des rois d'Angleterre*. Paris, 1840.

современными исследователями, активно применяющими термин «гражданская война» для описания таких конфликтов, которые происходили задолго до формирования представлений о национальных границах и государствах, тогда как само понятие гражданской войны возникло в условиях существования этих последних (р. 413)? Рассуждая о процессах, происходивших в Европе и отдельно в Скандинавии, сопоставляя их, Браун приходит к выводу, что, несмотря на различия, Скандинавия не только прочно занимает свое место в европейской средневековой истории, но и помогает лучше понять эту историю (р. 414). В частности, сравнивая города Скандинавии с городами Фландрции, Браун находит, что первые не были независимыми политическими субъектами, а, наоборот, являлись центрами власти и легитимности, за которые и велась борьба (р. 423).

Таким образом, авторы коллективного труда рассматривают конфликты внутри Скандинавии не как череду отдельных жестоких войн, а как период непрерывного противостояния различных политических группировок. Они поднимают вопросы о переосмыслинии используемого современного терминологического аппарата для описания средневековых конфликтов. На замену устоявшимся определениям «гражданской войны» в периоды, когда насильственные конфликты происходили внутри региона и были неотъемлемой его частью, Х. Я. Орнинг предлагает использовать термин «постоянный кризис». Нам кажется, что данный подход обладает высоким потенциалом, поскольку позволяет применять концепцию «постоянного кризиса» не только на средневековом скандинавском материале, тем самым открывая новые возможности для исторических аналогий и компаративных исследований.

Список литературы

1. Armitage D. Civil Wars: A History in Ideas. New Haven: Penguin Canada, 2017. 349 p.
2. Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish. // Human relations. 1954. Vol. 7, № 1. P. 39–58.

3. Bourdieu P. *Masculine Domination* / Transl. by R. Nice. Cambridge: Polity Press, 2001. 133 p.
4. Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. *An Icelandic–English Dictionary*. 2nd ed. Oxford: The Clarendon Press, 1957. 779 p.
5. Duby G. *The Origins of Knighthood* // Duby G. *The Chivalrous Society* / Transl. by C. Postan. Berkley (CA): University of California Press, 1977. P. 158–171.
6. Evans-Pritchard E. *The Nuer of the Southern Sudan* // *African Political Systems* / Ed. by M. Fortes and E. Evans-Pritchard. Oxford: Oxford University Press, 1940. P. 272–297.
7. Gluckman M. *Rituals of Rebellion in South-East Africa*. Manchester: Manchester University Press, 1954. 160 p.
8. Gluckman M. *The Peace in the Feud* // *Past and Present*. 1955. No. 8. P. 1–14.
9. New Perspectives on the “Civil Wars” In Medieval Scandinavia / Ed. by H. J. Orning, K. Esmark, Jón Viðar Sigurðsson. Turnhout: Brepols, 2024. 448 p.
10. Orning H. J. Constant Crisis Deconstructing the Civil Wars in Norway, ca. 1180–1220. Ithaca (NY): Cornell University Press, 2025. 265 p. URL: <https://ecommons.cornell.edu/items/a882abe5-af3b-42d2-b316-c452d222eb66> (дата обращения: 18.10.2025).

POLIANSKAIA Elizaveta K.

State Academic University for the Humanities
Russia, Moscow
elizaveta_pol02@mail.ru

SHMELEV Andrei S.

State Academic University for the Humanities
Russia, Moscow
andrey_2163@mail.ru

NEW APPROACHES TO THE STUDY OF CIVIL WARS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA

Abstract. This work is a review of the collective monograph *New Perspectives on Civil Wars in Medieval Scandinavia*, edited by H. J. Orning, K. Esmark, and the Icelandic historian Jón Viðar Sigurðsson. The book was published last year, as well as H. J. Orning's separate work *Constant Crisis: Deconstructing Civil Wars in Norway, ca. 1180–1220*. These studies elevate the scholarship on

the period of civil wars (*borgerkrigstida*) in Scandinavia to a new level of discourse. They primarily examine the socio-political causes of this conflict and the specific ways in which the state of society was regulated through the persistent confrontation of various factions. By investigating the genealogies of the ruling dynasties, the social and political connections of the kings, and the course of the conflict, the researchers reassess the key dates of this period, along with its cause-and-effect relationships. They conclude that the civil wars did not have a single, common starting point, emerged at different social levels, and were not characterized by the extreme level of violence as was thought previously, when such conflicts were studied. A key conclusion of the reviewed works is that such “wars” were a commonplace feature of Scandinavian society and served as a system of social regulation and “balance of power”. To emphasize the specific nature of this type of conflict, Orning proposes a new term — “Constant Crisis”.

Keywords: social networks, civil war, conflict studies, Constant Crisis, kinship tie.

For citation: Polianskaia E. K., Shmelev A. S. New Approaches to the Study of Civil Wars in Medieval Scandinavia / *Studia Nordica*. 2025, no. 1, pp. 169–184. DOI: 10.17076/sn8

References

1. Armitage D. *Civil Wars: A History in Ideas*. New Haven, Penguin Canada, 2017, 349 p.
2. Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish. *Human relations*. 1954, vol. 7, no. 1, pp. 39–58.
3. Bourdieu P. *Masculine Domination*. Transl. by R. Nice, Cambridge, Polity Press, 2001, 133 p.
4. Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. *An Icelandic–English Dictionary*. 2nd ed., Oxford, The Clarendon Press, 1957, 779 p.
5. Duby G. The Origins of Knighthood. Duby G. *The Chivalrous Society*. Transl. by C. Postan, Berkley (CA), University of California Press, 1977, pp. 158–171.
6. Evans-Pritchard E. The Nuer of the Southern Sudan. *African Political Systems*. Ed. by M. Fortes and E. Evans-Pritchard, Oxford, Oxford University Press, 1940, pp. 272–297.
7. Gluckman M. *Rituals of Rebellion in South-East Africa*. Manchester, Manchester University Press, 1954, 160 p.
8. Gluckman M. The Peace in the Feud. *Past and Present*. 1955, no. 8, pp. 1–14.
9. *New Perspectives on the “Civil Wars” In Medieval Scandinavia*. Ed. by H. J. Orning, K. Esmark, Jón Viðar Sigurðsson, Turnhout, Brepols, 2024, 448 p.

10. Orning H. J. *Constant Crisis Deconstructing the Civil Wars in Norway, ca. 1180–1220*. Ithaca (NY), Cornell University Press, 2025, 265 p., available at <https://ecommons.cornell.edu/items/a882abe5-af3b-42d2-b316-c452d222eb66> (accessed October 18, 2025).

ЯЛОВИЦЫНА Светлана Эрккиевна

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
Россия, Петрозаводск
jalov@yandex.ru

РЕЦ. НА КН.: Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2025. 456 с.

Для цитирования: Яловицына С. Э. Рец. на кн.: Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Studia Nordica. 2025. № 1. С. 185–188. DOI: 10.17076/sn9

История российских войск, находившихся на территории автономного Великого княжества Финляндского еще с начала XIX в., неоднократно попадала в поле зрения отечественных и зарубежных исследователей прежде всего благодаря той роли, которую российские войска сыграли в событиях 1917–1918 гг. как в Финляндии, так и в России. Следует, однако, подчеркнуть, что вопросы, рассмотренные в новой монографии и связанные с темой пребывания российской армии и флота в финляндском княжестве на протяжении всех лет Первой мировой войны, прежде не являлись предметом специального изучения в историографии. Работа Е. Ю. Дубровской восполняет этот существенный пробел и дает ответы на целый ряд вопросов, поставленных ее предшественниками.

Монография основана на широком круге источников. Автором тщательно изучены документы, хранящиеся в российских архивах (РГВИА, РГА ВМФ и др.), а также в Национальном архиве Финляндии и Архиве Финского литературного общества. Е. Ю. Дубровская вводит в научный обиход протоколы солдатских комитетов, во время российской революции 1917 г. действовавших в Гельсингфорсе, Або, Таммерфорсе, Тавастгусе, Ганге, Торнео и т.д. В работе критически использованы дневниковые записи очевидцев событий, архивные документы дополняются и сопоставляются с материалами периодической печати, учтены наработки исследователей по смежной проблематике. Источники личного происхождения позволили

глубже осветить мотивы, оценки и противоречия участников событий, не всегда находившие отражение в официальных документах.

В результате изучения всей совокупности источников, имевшихся в распоряжении автора, и научной исследовательской литературы, увидевшей свет как в нашей стране, так и за рубежом, Е. Ю. Дубровской удалось довести исследование событий Первой мировой войны до времени вывода русских войск из Финляндии, получившей независимость. Автор сумела проследить этапы общественно-политических процессов, развивавшихся в этот период в российских войсках, дислоцированных в княжестве.

В исследовании рассмотрены влияние русского военного присутствия на развитие экономики Финляндии, показаны отдельные аспекты культурной жизни русского населения Финляндии в XIX — начале XX столетий, взаимное восприятие друг друга военнослужащими и гражданским населением в предвоенный период и в годы войны, особенности армейской и флотской повседневности. Дан тщательный анализ реакции российских военных на события политических кризисов 1917 г. в России, выявлено отношение моряков и армейцев к вопросу о независимости Финляндии.

Применение антропологического подхода к исследованию проблемы социально-культурного измерения войны дало возможность с новых позиций исследовать специфику политической борьбы в войсках.

Следует особо отметить, что в работе впервые детально и систематически изучен начальный этап деятельности выборных организаций военнослужащих (как рядовых, так и офицеров) в российских войсках в условиях «демократизации» армии и флота. На богатом фактическом материале автор убедительно показывает, что с весны 1917 г. Советы и комитеты все больше сознавали себя как власть и решительно вмешивались в жизнь своих частей и соединений. Однако последствия «демократизации» войск и разделения власти на официальную и представительную оцениваются Е. Ю. Дубровской далеко неоднозначно. В исследовании с достаточной полнотой охарактеризовано влияние сложившейся в финляндских войсках системы двоевластия на снижение боеготовности частей. Эти тенденции, как показывает автор,

сказывались и на заключительном этапе пребывания войск в Финляндии. В частности, отразились на драматической судьбе офицерского корпуса во время Февральской революции и в дни выступления генерала Корнилова в августе 1917 г.

Благоприятное впечатление производит предпринятое на материалах истории Гельсингфорса исследование вопросов о том, как политический переворот повлек за собой переворот в сознании военнослужащих на уровне символов, как изменилось их восприятие политических топографий финляндской столицы, как проходила взаимная радикализация финских социал-демократов и российских военных.

Состояние источников не позволило Е. Ю. Дубровской ответить на все поставленные вопросы с исчерпывающей полнотой. В частности, показать с достаточной последовательностью развитие описываемых событий в разных гарнизонах, воинских частях, на кораблях. Возможно, автору следовало бы более подробно проследить, как складывались отношения военных властей с финляндской гражданской администрацией в первые годы войны, а впоследствии — с Советом народных комиссаров, с правительствами «белой» и «красной» Финляндии во время гражданской войны 1918 г.

Результаты, полученные автором монографии в процессе многолетних исследований, существенно расширяют наши представления о разных сторонах жизни российских военных в Финляндии в годы Первой мировой войны, об их участии в революционных событиях 1917–1918 гг., а также об истории российской армии и флота в период финляндской автономии. Монография Е. Ю. Дубровской «Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918)» представляет несомненную научную ценность и будет интересна как специалистам, историкам, политологам, преподавателям, так и широкому кругу читателей.

Список литературы

1. Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2025. 456 с.

IALOVITSYNA Svetlana E.

Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Russia, Petrozavodsk
jalov@yandex.ru

REVIEW OF: Elena Dubrovskaya. *Rossiiskie voennosluzhashchie v Finliandii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918)* (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2025), 456 p.

For citation: Ialovitsyna S. Review of: Elena Dubrovskaya. Rossiiskie voennosluzhashchie v Finliandii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918). *Studia Nordica*, 2025, no. 1, pp. 185–188.
DOI: 10.17076/sn9

References

1. Elena Dubrovskaya. *Rossiiskie voennosluzhashchie v Finliandii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918)* (Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2025), 456 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
ACADEMIC LIFE

К ЮБИЛЕЮ ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВИЧА ПЕТРУХИНА

JUBILEE OF VLADIMIR IA. PETRUKHIN

Мы поздравляем члена редколлегии нашего журнала, известного археолога, историка и мифолога, доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института славяноведения РАН, Владимира Яковлевича Петрухина с 75-летием! Круг его исследовательских интересов очень широк и помимо Древней Руси в первую очередь этнокультурной истории славян охватывает различные аспекты истории таких активно взаимодействовавших в древнерусский период со славянами народов, как хазары, скандинавы и финно-угры.

Особое место в исследованиях Владимира Яковлевича занимают работы по мифологии, в частности — скандинавской и финно-угорской. Те из нас,

кто преподает историю Северной Европы (прежде всего, конечно, в эпоху викингов, но не только), едва ли может представить свои университетские курсы без книг Владимира Яковлевича. Например, без недавно изданных «Мифов языческой Скандинавии» (М.: Эскимо; Яузा, 2023) или «Карело-финских мифов» (М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023). А кое-кто припоминает, как сам, будучи студентом-первокурсником, с удовольствием читал работы Владимира Яковлевича о погребальном культе у древних скандинавов, радуясь тому, что серьезная наука может заниматься настолько увлекательными сюжетами.

Мы от всей души желаем юбиляру творческого долголетия, новых проектов, новых книг и талантливых учеников!

Редакция

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СКАНДИНАВИСТИКИ

NEW RUSSIAN STUDIES IN SCANDINAVIAN LITERATURE

В последние годы в России возник большой интерес к изучению истории и культуры российского и зарубежного Севера. Отметим показавшиеся нам наиболее важными события в области литературоведения в 2024–2025 гг.

В Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН в самом конце 2024 г. состоялись защиты сразу двух посвященных литературе на шведском языке диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Автор первой из них, «Восприятие родины в шведоязычной литературе Финляндии конца XIX — начала XXI века»¹, — Ирина Сергеевна Маташина, выпускница аспирантуры Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Автор второй, «Традиции шведского романтизма в лирике Виктора Рюдберга»², — Владислав Витальевич Сурков, сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Исследование И. С. Маташиной находится в русле современных тенденций литературоведения в связи с наличием в обществе двух противоположных направлений: глобализации и стремления к сохранению национальных языков.

В работе представлена эволюция образа родины в творчестве шведоязычных писателей Финляндии разных исторических периодов Карла Августа Тавастшерны, Рунара Шильдта и Челя Вестё, писателей, изобразивших смену лингвистической парадигмы в своей стране. Шведоязычные писатели приветствовали развитие финской литературы и языка. Вместе с тем это развитие привело к сужению ареала употребления

¹ Маташина И. С. Восприятие родины в шведоязычной литературе Финляндии конца XI — начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2024. URL: <https://imli.ru/dissertationnyj-sovet-24-1-080-02/zashchity/6006-vospriyatie-rodiny-v-shvedoyazychnoj-literature-finlyandii-konca-xix-nachala-xxi-veka> (дата обращения: 17.10.2025).

² Сурков В. В. Традиции шведского романтизма в лирике Виктора Рюдберга: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2024. URL: <https://imli.ru/dissertationnyj-sovet-24-1-080-02/zashchity/6137-traditsii-shvedskogo-romantizma-v-liriike-viktora-ryudberga> (дата обращения: 17.10.2025).

шведского языка, что стало поводом для беспокойства о его будущем в Финляндии. Для лирических героев К. А. Тавастперны родной берег потерян, персонаж его прозы вынужден покинуть пределы своей страны. Ирина Сергеевна приходит к выводу, что драматизм героя «Патриота без родины» в его мультикультурной принадлежности: ни одна из стран не дает герою пристанища. Исследовательница выявляет типологические контакты финского автора с творчеством М. Ю. Лермонтова: в сюжете романа, в его композиции, в системе образов.

И. С. Маташиной введен в научный обиход термин «дагдраваре», (статья о нем вошла в опубликованный ИМЛИ РАН в 2023 г. «Словарь течений литературы XX века»³). Писателей направления «дагдраваре», объединял мотив беспочвенничества, герои произведений Рунара Шильдта, по мнению И. С. Маташиной, осознают, что их положение безвозвратно изменилось. Они хотят понять свое предназначение, найти свое счастье, но не могут. Гражданская война разделила финское общество на две половины, каждая из которых хотела для Финляндии своего будущего.

В романах Ч. Вестё «Там, где мы бродили однажды», «Мираж 38», «Серно-желтое небо», по наблюдению И. С. Маташиной, ставится вопрос о существовании разных групп людей в пределах одного города. Последний оказывается поделен на две части: «Шведоязычный Гельсингфорс становится особым пространством, отделенным от финского Хельсинки».

В научный обиход введены новые для отечественного литературоведения имена писателей: Туре Янсон (*Ture Janson*) и Айли Нурлгрен (*Aili Nordgren*).

Исследовательница отмечает особую самоидентификацию шведоязычных писателей Финляндии, несмотря на близость со Швецией, а также обращает внимание на смещение акцента с ощущения потерянной родины на осознание героями произведений связи с ней вне зависимости от языковой принадлежности. Проведенные параллели с европейской литературой и экскурс в историю шведского языка в Финляндии позволяют

³ Словарь течений литературы XX века: Россия, Европа, Америка: В 2-х кн. / Отв. ред. А. Ф. Кофман. М.: ИМЛИ РАН, 2023.

определить положение шведоязычных писателей Финляндии в общем литературном процессе.

Отметим, что полученные в ходе исследования результаты уже нашли свое применение в курсах по литературоведению в учебных заведениях Москвы, Санкт-Петербурга и Петрозаводска и представляются перспективными в ходе дальнейшей работы в сфере нордистики.

Зашита диссертации Владислава Витальевича Суркова «Традиции шведского романтизма в лирике Виктора Рюдберга» состоялась 24 декабря.

Впервые в отечественном литературоведении появилась творческая биография Виктора Рюдберга — одного из самых значимых шведских писателей второй половины XIX в. Владислав Витальевич проанализировал практически весь корпус поэтических текстов Рюдберга, определил творческие доминанты в его поэзии. Обосновал преемственность лирики Виктора Рюдберга по отношению к поэзии шведских романтиков, составив периодизацию и определив основные характеристики шведского романтизма, хронологические характеристики и эстетические особенности.

Автор диссертации выявил своеобразие поэтической манеры В. Рюдберга, его новаторство, особенности собственной традиции. Отвечая на вопрос, как сформировался индивидуальный стиль Рюдберга, В. В. Сурков рассмотрел идиллический хронотоп, выделив в творчестве поэта мотив преодоления времени через возвращение к счастливым эпизодам детства: «Гравюра в псалтыри» (1879), «Поэзия детства» (1888), «Томтен» (1881). Анализируя стихотворение «Священное дерево» (1888), автор диссертации показал, что, по мнению поэта, сопротивление диктату времени возможно и через единение с природой. Образы детства, природы и народной памяти предстают в творчестве Рюдберга, считает В. В. Сурков, в неразрывном единстве. А вечные вопросы бытия, поставленные поэтом в стихотворении «Откуда и куда?» (1876), и сами персонажи уже схожи с героями неоромантических произведений 1890-х гг. Неоромантики, на взгляд автора исследования, заимствовали из поэзии Рюдберга образную систему, сюжеты и идеи.

Обе диссертации являются новыми страницами в изучении истории литературы на шведском языке.

В Петрозаводском государственном университете силами кафедры германской филологии и скандинавистики продолжается реализация проекта «Поэтика Севера в творчестве русских и скандинавских писателей XX–XXI вв.», направленного, по словам авторов исследования, на «решение актуальной проблемы исследования образа Севера и его воплощения в художественных текстах писателей России, а также для выявления национальной самобытной специфики по сравнению с писателями соседней Скандинавии»⁴.

Многие участники проекта наряду с другими исследователями приняли участие во второй международной научно-практической конференции «Языки и культуры стран Северной Европы: исследование, преподавание, перевод», которая прошла 17 декабря 2024 г. в Московском государственном лингвистическом университете, а также во Всероссийской конференции «III Научные чтения памяти профессора В.П. Беркова», состоявшихся 14–15 февраля 2025 г. в Санкт-Петербургском государственном университете. Чтения были организованы кафедрой скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ. В этот раз они прошли в юбилейный год: шведское отделение кафедры скандинавской и нидерландской филологии было основано 90 лет назад, а норвежское отделение — 80 лет назад. Заседания проводились в нескольких секциях: лингвистические проблемы скандинавистики и нидерландистики, история литератур Скандинавских стран и Нидерландов, актуальные вопросы перевода, междисциплинарные исследования. В чтениях принимали участие ученые из Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Архангельска, Екатеринбурга.

Активная жизнь научного сообщества подтверждает актуальность данной темы и перспективность разработки северной тематики и изучения литературы стран Северной Европы российскими исследователями.

Е. Г. Сойни, ИЯЛИ КарНЦ РАН

⁴ См. карточку проекта на сайте Российского научного фонда: <https://rscf.ru/project/24-28-01401/> (дата обращения: 12.10.2025).

НОВАК Ирина Петровна

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
Россия, Петрозаводск
novak@krc.karelia.ru

ОТКРЫТЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ ИЯЛИ КАРНЦ РАН

Аннотация. Современные тенденции развития исследовательских тематик Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, история которого насчитывает 95 лет, в рамках традиционно реализуемых исследовательских направлений связаны в основном с процессами цифровизации научного знания. В данной статье представлен краткий обзор открытых электронных ресурсов по языкознанию и фольклористике, созданных и постоянно пополняемых сотрудниками института: Открытый корпус вепсского и карельского языков, Аудиокарта прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей, Приложение для проверки орфографии новописьменных вариантов карельского и вепсского языков, Мультимедийный словарь карельского языка *LiPaS*, «Людиковский диалектный лексикон», Электронная переработанная и дополненная версия словаря карельского языка (тверские говоры), Диалектная база карельского языка *Murreh*, сайт Межрегионального марафона писем на карельском и вепсском языках «Сила духа в родном языке», Геоинформационный ресурс по топонимии Карелии, сайт Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, Коллекция гибких пластинок, Звуковая коллекция Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, сайт Фольклорного архива, Электронная энциклопедия «Сказители Карелии». Данные ресурсы, при условии дальнейшего планомерного развития, будут способствовать не только аккумулированию и расширению доступности обширных материалов, накопленных за практически вековой период функционирования института, но и обеспечат возможность их переосмыслиения с использованием современных исследовательских методик.

Ключевые слова: ИЯЛИ КарНЦ РАН, цифровизация, открытые электронные ресурсы, языкознание, фольклористика

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН.

Для цитирования: Новак И.П. Открытые электронные ресурсы ИЯЛИ КарНЦ РАН // *Studio Nordica*. 2025. № 1. С. 196–215. DOI: 10.17076/sn12

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (ИЯЛИ КарНЦ РАН) — старейшее научно-исследовательское учреждение Карелии — уже на протяжении 95 лет планомерно занимается изучением языков и культур прибалтийско-финских народов и истории региона¹. Основные, успешно развивающиеся и сегодня, научные направления учреждения были определены еще в первые годы его

¹ См.: Илюха О. П. Институту языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН — 90 лет // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 121–123.

работы, постепенно они обращали (и продолжают обращаться) новыми актуальными профилями изучения². Современные тенденции развития исследовательских тематик ИЯЛИ КарНЦ РАН связаны в первую очередь с цифровизацией научного знания. В настоящей статье продемонстрированы отдельные открытые электронные ресурсы по языкознанию и фольклористике, разработанные и пополняемые сотрудниками института или при их непосредственном участии. Познакомиться с полным перечнем онлайн-сервисов ИЯЛИ КарНЦ РАН можно на соответствующей вкладке на портале организации³.

Лингвистические ресурсы ИЯЛИ КарНЦ РАН

Одним из наиболее востребованных электронных языковедческих ресурсов ИЯЛИ на сегодняшний день является **Открытый корпус вепсского и карельского языков**⁴ (ВепКар; рис. 1). В 2009 г. под руководством Н. Г. Зайцевой была начата работа над корпусом вепсского языка⁵, который в 2016 г. был переформатирован в единый ресурс для языков коренных народов Карелии — вепсского и карельского. Основной целью ВепКара является накопление разножанровых текстов на этих языках, их изучение с применением методов корпусной лингвистики, а также создание на базе имеющихся массивов данных обучающих приложений.

Обычный пользователь может обращаться к ресурсу как к электронной библиотеке (более 7,5 тыс. текстов) или как к электронному словарю (более 70 тыс. словарных статей), поиск в котором осуществляется как с карельского и вепсского языков, так и с русского языка. Все загружаемые в корпус тексты подвергаются автоматической грамматической и семантической разметке, которая на настоящий момент приближается к 80 %.

² См.: *Илюха О. П., Пигин А. В. Современные исследования в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН // Центр и периферия. 2024. Т. 19. № 1. С. 10–21.*

³ См.: <http://illhportal.krc.karelia.ru/section.php?plang=r&id=600> (дата обращения: 12.10.2025).

⁴ См.: <http://dictorus.krc.karelia.ru/ru> (дата обращения: 12.10.2025).

⁵ См.: <http://vepsian.krc.karelia.ru/about> (дата обращения: 12.10.2025).

Рис. 1. Открытый корпус вепсского и карельского языков (главная страница)

Материалы корпуса в сочетании с программами обработки, поиска и представления данных позволяют решать научные задачи в области лексики, грамматики и синтаксиса карельского и вепсского языков: изучение сочетаемости слов, управления, словообразовательных моделей, словоизменительных типов, статистические исследования и пр.⁶

С 2022 г. ведется формирование речевого подкорпуса ВепКара. Он содержит аудиозаписи устной речи, сопровождающие диалектные, учебные и

⁶ См.: Крижановская Н. Б., Крижановский А. А. ВепКар: руководство для пользователей. Учебное пособие. Петрозаводск, 2023.; Муллонен И. И., Новак И. П. Открытый корпус вепсского и карельского языков // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94. № 9. С. 814–823.

художественные тексты. Диалектные материалы, снабженные звуковой дорожкой, для наглядности выводятся на **Аудиокарту прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей⁷** (рис. 2).

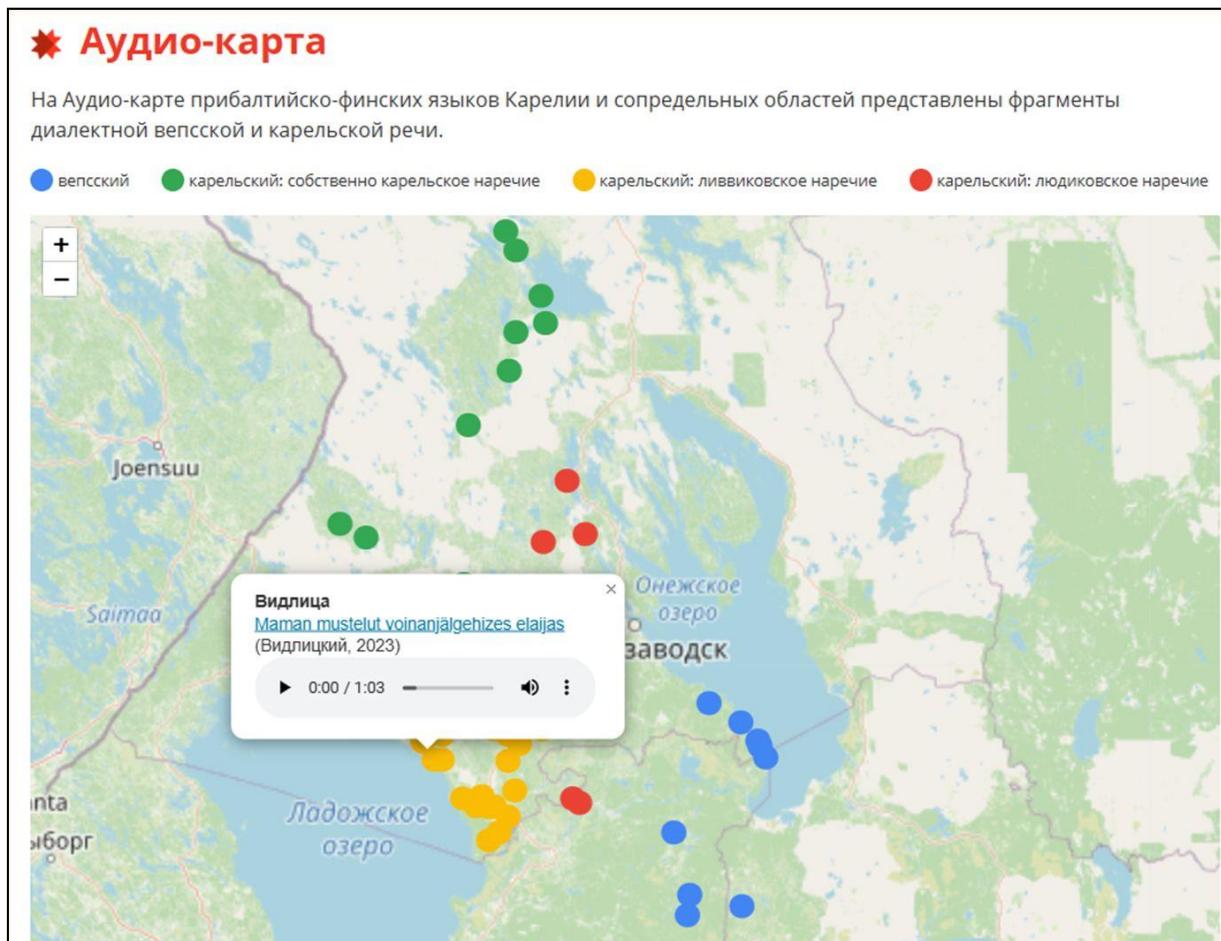

Рис. 2. Аудиокарта прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей

На базе корпуса ВепКар активно разрабатываются и другие дочерние продукты, рассчитанные на широкую аудиторию. К таким, например, относятся **приложение для проверки орфографии** новописьменных вариантов карельского и вепсского языков⁸ (рис. 3), **Мультимедийный словарь карельского языка *LiPaS***⁹ (редактор Т. П. Бойко, рис. 4), словник которого формируется автоматически из текстов корпуса и планомерно

⁷ См.: <http://dictorus.krc.karelia.ru/ru/corpus/audiotext/map> (дата обращения: 12.10.2025).

⁸ См.: <http://dictorus.krc.karelia.ru/ru/corpus/spellchecking> (дата обращения: 12.10.2025).

⁹ См.: <http://dictorus.krc.karelia.ru/ru/olodict> (дата обращения: 12.10.2025).

пополняется по мере загрузки новых данных, или словарь «Людиковский диалектный лексикон» (редактор А. П. Родионова, рис. 5)¹⁰.

Проверка орфографии

Если для какого-либо слова из вашего текста не было найдено соответствие, значит

- слово написано с ошибкой или опечаткой;
- этого слова просто еще нет в базе корпуса

Чтобы проверить написание сложного слова или слова, содержащего дефис, просто разделите его составные части пробелами и еще раз проверьте текст.

Например, *ruadopäivä* -> *ruado päivä*

Аналогичным образом можете поступить с частицами, которые пишутся слитно со словом.

Напр., *äijägo* -> *äijä go*.

Выберите язык

карельский: ливвиковское наречие

Введите текст для проверки

Molodoit saneltih, kui hätken vallittih kohtua, kus olis hyvä eliä. Heile oldih omat ehtot, mittuine se pidäs olla. Hyö ei ečitty čomua linnua vai ruaduo, kus maksettas korgei palku. Suurin oli se, ku hyvä olis lapsil. Ku olis puhtas luondo, suuri puuhine taloi, ku olis ei ylen loitton hos pieni linnaine, ku olis meččiä da jogie, puhtastu ilmua da rauhua. Moine rodih hyvä mieles, ku juuri karjalaine kyläine kyläine Anuksen mual oli niilöin ehtoloin arvohine da miellytti tädä perehyt.

Осталось символов: 1405

ПРОВЕРИТЬ

Molodoit saneltih, kui hätken vallittih kohtua, kus olis hyvä eliä. Heile oldih omat ehtot, mittuine se pidäs olla. Hyö ei ečitty čomua linnua vai ruaduo, kus maksettas korgei palku. Suurin oli se, ku hyvä olis lapsil. Ku olis puhtas luondo, suuri puuhine taloi, ku olis ei ylen loitton hos pieni linnaine, ku olis meččiä da jogie, puhtastu ilmua da rauhua. Moine rodih hyvä mieles, ku juuri karjalaine kyläine kyläine Anuksen mual oli niilöin ehtoloin arvohine da miellytti tädä perehyt.

Рис. 3. Пример проверки текста на ливвиковском наречии карельского языка приложением для проверки орфографии

¹⁰ См.: <http://dictoruspus.krc.karelia.ru/ru/ldl> (дата обращения: 12.10.2025).

Поиск по алфавиту

sygyzy

Поиск по данным

sygyzy | ä
толкование
тема
понятие
часть речи
 с фото
 точный поиск
ОЧИСТИТЬ

A B D E F G H I J K L M N O P R S T U V Y Z Ä Č Ž

Sygyzy ⓘ
Часть речи: существительное

ОСЕНЬ

1. Sygyzyl myö hänenke vastavuimmo ...
Осенью мы с ним встретились...

2. Sygyzyl i talvel brihat kunne kaottih, sinne i bes'odah mendih, a keväli bes'odoi myöte ei ole aigua kävellä.
Осенью и зимой парни куда хотели, туда и шли на посиделки, а весной по гуллякам некогда ходить.

3. Yhten sygyzyn tuli meijän lapsii opastamah školah uuzi opastal.
Однажды осенью (в одну из осеней) пришла в нашу школу учить детей новая учительница.

4. Se ruzu kylmäy sygyzyl.
Круг осенью замерзнет [в сплошную маску].

5. Sygyzyl lusikku vetty – polvessah reduuu.
Осенью ложка воды образует по колено грязи.

Словоформы		
	Ед.ч.	Мн.ч.
Номинатив	sygyzy	sygyzyt
Аккузатив	sygyzy, sygyzyn	sygyzyt
Генитив	sygyzyn	sygyzylöin
Партитив	sygyzyy	sygyzylöi
Эссив	sygyzynny	sygyzylöinny
Транслатив	sygyzykse	sygyzylölkse
Абессив	sygyzttäh	sygyzylöittäh
Инессив	sygyzys	sygyzylöis
Элатив	sygyzys, sygyzypäi	sygyzylöis, sygyzylöispäi
Иллатив	sygyzh	sygyzylöih
Адессив	sygyzyl	sygyzylöll
Аблатив	sygyzyl, sygyzylpäi	sygyzylöil, sygyzylölpäi
Аллатив	sygyzyle	sygyzylöle
Комитатив	sygyzynke	sygyzylöinke, sygyzylöinneh
Пролатив	sygyzyči	sygyzylöiči
Аппроксиматив	sygyzillyö	sygyzylöillyö
Инструктив	—	sygyzylöin

Рис. 4. Пример слова из Мультимедийного словаря карельского языка *LiPaS*

В связи с электронными словарями нельзя не упомянуть **Электронную переработанную и дополненную версию словаря карельского языка (тверские говоры) А. В. Пунжиной**¹¹ с удобным поиском (рис. 6) с карельского и русского языков, а также поиском по иллюстративному материалу. В электронной версии представлено около 15 тыс. словарных статей, словарь постепенно пополняется данными из шеститомного словаря карельского языка, художественной литературы, диалектных текстов и экспедиционными материалами.

¹¹См.: <https://punzhina.krc.karelia.ru/>(дата обращения: 12.10.2025).; Пунжина А. В. Словарь карельского языка: тверские говоры. Петрозаводск, 1994.

ЛЮДИКОВСКИЙ

диалектный лексикон

[English](#)

А Б В Г Д Е Ж З И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ч Ч Ш Щ Э Ю Я

*** Мальчик**

часть речи: существительное

brihačču

мальчик

Примеры (25)

Места употребления:

Галлозера, Святозеро

★ лучший ★ отличный ★ хороший ★ плохой

1. ★ Ainoz muisteltaih, kādo, mani brihačču vedeh.

Все время вспоминают, видишь ли, про то, как утонул мальчик [в озере]. (Miibigen d'arvū lähti iane)

2. ★ Sild d'algele vie māni mīhale, vie suai sanotih se Apā-In'a neben poigan di Glen hūva brihačču kazvuoi hanel.

После Апя-Ина замуж вышла; родила, говорили, сына, очень хороший мальчик рос. (Hutan D'rōkān perch)

3. ★ Oli tožo ukko, se nemuo, dai ičē nemuo, a brihaččun sanotih suai kani ei sua sanoda malitai mīldne čoma on.

Муж у нее был тоже немой, и сама немая, а мальчика; говорили, родила такого, что и описание невозможно, такой красивый был. (Hutan D'rōkān perch)

4. ★ Nu a sild d'o brihaččud ned rodītih ka pilītih ainoz laudat pilītih Semuoī dai Fed'a, ühtez būrakuoltah.

Ну, а потом уже мальчики Семой и Федя родились, когда они выросли, то все время доски пилили, вместе бурлачили. (Normalajovat)

5. ★ Daže kavūtih veffet, nene veil'ēm poigat kavūtih, miāmos tuatot Petrouškuolipal gosīt, vot sil mina muštan: brihaččut kavūtih gosīt, miāmos veffet kai Petrouškuolipā.

Даже братья наведывались, вернее, дети брата; племянники приезжали, мамы и отец из Петрозаводска приезжали в гости, все из Петрозаводска приходили, вот это я помню. (Bohaterin Milieju)

[еще примеры >](#)

Словоформы

	Ед.ч.	Мн.ч.
Номинатив	brihačču	brihaččud, brihaččut
Аккузатив	brihaččun, brihačču	brihaččud, brihaččut
Генитив	brihaččun	brihaččuden
Паритив	brihaččud	brihaččuia
Эссив	brihaččun, brihaččunnu	brihaččuin, brihaččunnu
Транслатив	brihaččuks, brihaččukse	brihaččuks, brihaččukse
Абессив	brihaččuta	brihaččuta
Инессив	brihaččus	brihaččuis
Элатив	brihaččus, brihaččuspiši	brihaččuis, brihaččuspiši
Иллатив	brihaččuh	brihaččuh
Адессив	brihaččul	brihaččul
Аблатив	brihaččul, brihaččulpiši	brihaččul, brihaččulpiši
Аллатив	brihaččul, brihaččule	brihaččul, brihaččule
Комитатив	brihaččunke	brihaččuneh
Пролатив	brihaččuti	brihaččuti
Аппроксиматив	brihaččulloh, brihaččuloo, brihaččuluo	brihaččulloh, brihaččuloo, brihaččuluo
Инструктив	—	brihaččuin
Терминатив	brihaččususal	brihaččususal
Адитив	brihaččuhpiši	brihaččuhpiši

prihač

1. мальчик

Примеры (1)

Места употребления: Михайловское

★ лучший ★ отличный ★ хороший ★ плохой

1. ★ Poig, prihač (prihačiline).

Сын, мальчик. (PEREH)

2. сын

Рис. 5. Пример слова из электронного словаря «Людиковский диалектный лексикон»

Studia Nordica. 2025. № 1

Рис. 6. Пример поискового запроса в электронной версии словаря карельского языка (тверские говоры)

Познакомиться с особенностями карельской речи можно на сайте **диалектной базы карельского языка *Murreh***¹² (редактор И. П. Новак). В ней представлены материалы, полученные в полевых условиях сотрудниками института в 1937–1973 гг. в ходе работы над «Диалектологическим атласом карельского языка» (под руководством профессора Д. В. Бубриха). Для базы оцифровано и закодировано более 200 анкет, в каждой из которых представлены ответы на около 2000 вопросов по фонологии, морфологии и лексике (рис. 7). Все диалектные данные визуализируются на карте. База уже

¹² См.: <http://murreh.krc.karelia.ru> (дата обращения: 12.10.2025).

выступила в качестве основы для исследования диалектной системы карельского языка¹³, однако ее ресурс еще далеко не исчерпан.

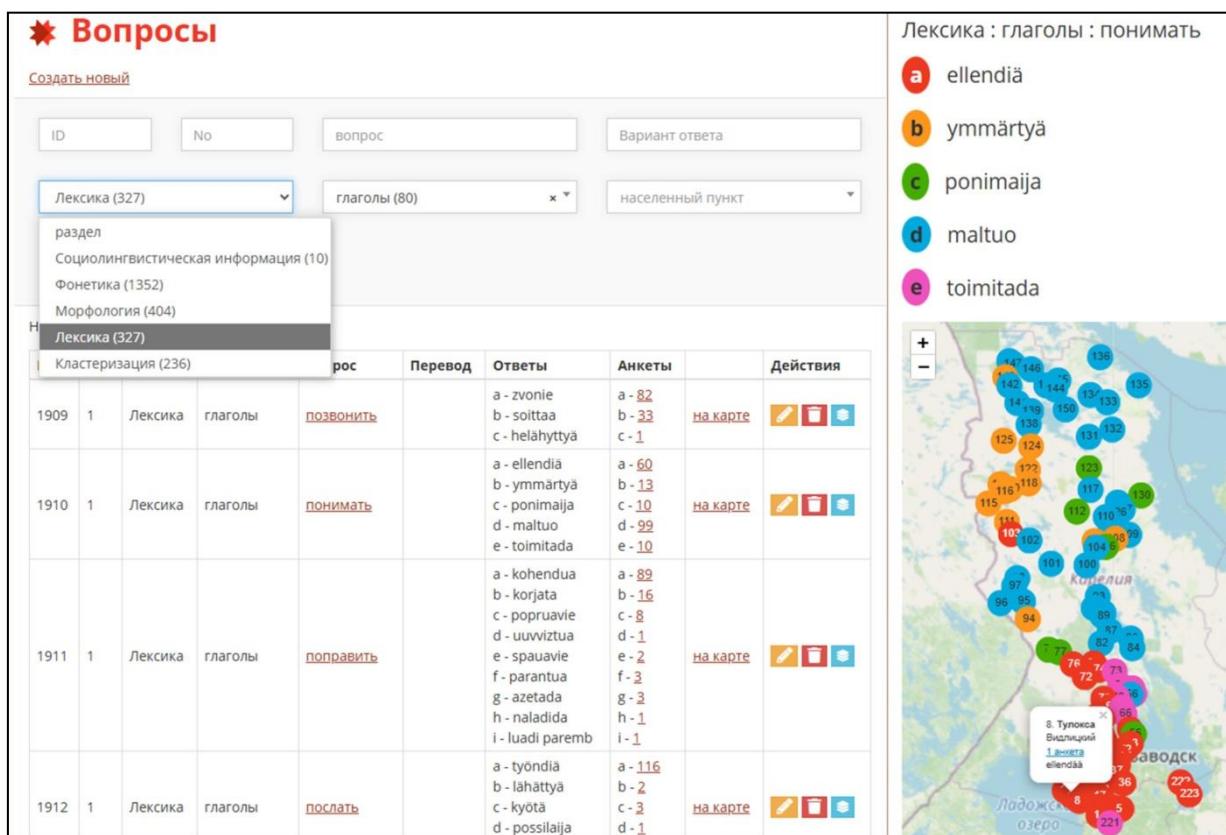

Рис. 7. Пример визуализации ответов на вопросы из раздела «Лексика» диалектной базы карельского языка *Murreh*

Диалектные материалы представлены также на сайте Межрегионального марафона писем на карельском и вепсском языках «Сила духа в родном языке (*Hengen vägi muaman kieles*)», открытого к 80-й годовщине победы в Великой отечественной войне¹⁴. Ресурс содержит цифровые копии, расшифровки и переводы уникальных исторических артефактов и памятников письменности — фронтовых писем на карельском языке, а также их анализ (рис. 8).

¹³ Новак И. П. Карельский языковой ландшафт в диалектометрической парадигме. Петрозаводск, 2025.

¹⁴ См.: <http://karelia.science.tilda.ws/marathon> (дата обращения: 12.10.2025).

**Муллиев / Мульев Степан Иванович
(1906 г.р. – пропал без вести в августе 1941 г.)**

Об авторе письма

Степан Иванович Муллиев / Мульев (1906 г.р. – пропал без вести в августе 1941 г.)

Жил в деревне Праккила, Олонецкий район Карело-Финской ССР. Женился в 23 года на Чагиной Анне Ивановне. На фронт в ряды Советской Армии был призван 23.06.1941 г. Олонецким РВК. Красноармеец, рядовой стрелок.

Последнее место службы – 841 стрелковый полк 237 стрелковая дивизия. Пропал без вести в августе 1941 г. (из «КНИГИ ПАМЯТИ: списки воинов, партизан, подпольщиков Карелии, погибших в годы Великой Отечественной войны. Том 5, Олонецкий район», сайт «Память народов»).

Родные получили два письма с фронта – от 28.06.1941 г. и 03.08.1941 г. Письма были адресованы жене Муллиевой/Мульевой Анне Ивановне, сыновьям и отцу Ивану Гавриловичу, который жил с невесткой и внуками.

С.И. Муллиев, фото на штендере акции "Бессмертный полк"

Письмо 1

Нажмите, чтобы увеличить

Расшифровка и перевод

<p style="text-align: center;">Добрый день</p> <p>Түннän линен вистижен. Тервех Анна Ивановна и пойят Саша и Миша и Туато И. Г. и кайкин сусидат кен вай тунетто минун Муллиеван Стёлкан. Энмäжыксе санон и тёй иче тиятъо что кунне ляхтемме, кирьютин Рая Конус и менемме илем. Кус и олен колмескүмен ўхендяксел вуон сих рудох. Конечно аля и ёльги аткалойкуа миунув – потомучто ёйю он виз муйдай и олемо ёйю омуя ўхтес вериен кайкин ляхежет. Но конзу майдай поннах точно оминике [строка на сгибе малопонятна] виз ваймо түнддэй вистен, и сурви вистиёй ёльгэй руексу осудимах, точи ройх кирехиштү руду.</p> <p>Прощайте и ягие теревехен. 28.06.1941. Степан Муллиев.</p> <p>[На полях:] Ёшо он ўхтес минункел.</p>	<p style="text-align: center;">Добрый день</p> <p>Шлю маленьку весточки. Здравствуйте, Анна Ивановна, и малычи Саша и Миша, и отец И. Г., и все соседи – кто только знает меня, Муллиева Стёлу. Сначала скажу, и вы сами знаете, куда держим путь, написан с Погранкондушей и идём дальше. – На ту работу, где и был в тридцать девятом году. Конечно, не печальтесь и не печальтесь обо мне – потому что много ещё других [товарищей], и нам много вместе, все близкие. Но когда нас точно поставят со своими [строка на сгибе малопонятна], ещё можем отправить вести; за величину писем не осуждайте, иногда появляется срочная работа.</p> <p>Прощайте и будьте здоровы. 28.06.1941. Степан Муллиев.</p> <p>[На полях:] Ёшо вместе со мной.</p>
--	---

Рис. 8. Пример письма с сайта Межрегионального марафона писем на карельском и вепсском языках «Сила духа в родном языке»

Большую популярность набирает непрерывно наращивающий свой объем открытый **Геоинформационный ресурс по топонимии Карелии** (ТопКар, главный редактор Е. В. Захарова)¹⁵. Платформа призвана сохранять, систематизировать и изучать названия географических объектов Карелии и сопредельных территорий. Планомерно пополняемая экспедиционными и архивными материалами база ТопКара располагает ценнейшими сведениями для проведения этимологического и структурного анализа наименований природных объектов¹⁶. Страница отдельного топонима, кроме наименования на русском и карельском/вепсском языках и привязки к карте, может содержать этимологию, народное толкование, предание, информацию о географическом объекте, его административной привязке в разные исторические периоды, ошибочные написания и пр. На настоящий момент ТопКар содержит сведения о более 60 тыс. топонимах. Кроме основательной базы для целого ряда исследований эти данные могут быть использованы для подготовки серии топонимических словарей, каталогов и сборников преданий. Ориентируясь на платформе и легко находить необходимую информацию помогает удобная система поиска¹⁷ (рис. 9).

Фольклорные ресурсы ИЯЛИ КарНЦ РАН

С момента создания института его сотрудниками осуществлялась активная собирательская деятельность в районах Карелии и за ее пределами. Богатая коллекция аудиозаписей на говорах русского, карельского, вепсского, финского, ижорского и саамского языков бережно хранится в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН (ФА), который ведет свою историю с 1956 г.¹⁸ К настоящему моменту около 3/4 из 4 тыс. часов звучания переведено в цифровой формат, но лишь малая их часть расшифрована. На **сайте Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ¹⁹** можно познакомиться с оцифрованными копиями описей всех материалов. Для удобства они разделены по языковой принадлежности. Третья часть описей и все

¹⁵ См.: <http://topkar.krc.karelia.ru/ru> (дата обращения: 12.10.2025).

¹⁶ Захарова Е. В. Разработка геоинформационного ресурса по топонимии Карелии: историко-культурный аспект // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14. № 4. С. 463–473.

¹⁷ См.: Захарова Е. В., Крижановская Н. Б., Крижановский А. А. ТопКар: руководство для пользователей. Петрозаводск, 2025.

¹⁸ Миронова В. П., Лызлова А. С., Иванова Л. И. Электронно-информационные формы сохранения, доступности и популяризации архивных материалов // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 289–300.

¹⁹ См.: <http://phonogr.krc.karelia.ru/> (дата обращения: 12.10.2025).

современные материалы представлены также в электронном формате. Поиск по ним можно осуществлять, перейдя на вкладку сайта «Электронный каталог»²⁰ (рис. 10). Материалы Фонограммархива уже послужили источником для целого ряда исследований по фольклористике, языкознанию и этнографии, но их возможности безграничны.

The screenshot shows the homepage of the TopKar website, which is a geoinformational resource for toponymy in Karelia. The main header features the logo 'TopKar' in red and blue, with the subtitle 'Топонимия Карелии'. Navigation links include 'О ПРОЕКТЕ', 'ТОПОНИМЫ', 'СПРАВОЧНИКИ', 'КАРТА', 'TopKar in English', and 'Вход для редактора'.

Топонимы

Поиск по топонимам

Search form fields include:

- Search input: '%must%' with a dropdown for 'А' (A)
- Region: Регион
- District: Район
- Settlement: Поселение
- Recording place: Место записи
- Year: Регион 1926, Район 1926, Сельсовет 1926, Поселение 1926
- Structure type: Тип структуры
- Structure: Структура
- Origin language: Язык происхождения
- Informants: Информанты
- Collectors: Собиратели
- Source: Источник

Sort options: Сортировать по назначению (sorted by purpose), В убывающем порядке (sorted descending), Количество записей на странице (10), and a 'ПОКАЗАТЬ' (Show) button.

Results summary: Найдено 11 топонимов. A link 'Вывести топонимы на карту' (Display toponyms on map) is present.

Результаты поиска		
№	Топоним	Вид объекта
1	Mustu Tedlambi (Mustu Tedrilambi)	озеро
2	Mustujärvi	озеро
3	Mustujärvi	озеро
4	Mustulambi (Мустуламби)	озеро
5	Mustulambi	озеро
6	Mustulambi	озеро
7	Mustulambi	озеро
8	Mustulambi	озеро

Рис. 9. Пример поискового запроса на платформе открытого геоинформационного ресурса по топонимии Карелии

²⁰ См.: <https://illh.ru/phono/> (дата обращения: 12.10.2025).

Поиск записей

ФА: Ед. хр.	Уч. ед.	НА: Фонд	Коллекция	Ед. хр.																																	
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>																																	
Название или первая строка																																					
<input type="text"/>																																					
Жанр	Год или годы	Место записи																																			
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>																																			
Вокнаволок																																					
Исполнитель или коллектив																																					
<input type="text"/>																																					
Собиратель	Язык или диалект	Ключевые слова																																			
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>																																			
<input type="button" value="Очистить"/> <input type="button" value="Искать"/>																																					
Результаты поиска: 334		☐	Страница 1 из 4 <input type="button" value="→"/>																																		
<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tbody> <tr> <td style="width: 70%;">Наара kasvo järven rannalla</td> <td style="width: 10%;">1952</td> <td style="width: 10%;">7/11</td> </tr> <tr> <td>Heilani koti- kivinen talo</td> <td>1952</td> <td>7/12</td> </tr> <tr> <td>Hanuri kun tammihii tammahti</td> <td>01.01.1952</td> <td>7/13</td> </tr> <tr> <td>Pokia täs on parhaita</td> <td>01.01.1952</td> <td>7/14</td> </tr> <tr> <td>Meijän ... pellava kasvaa (лен)</td> <td>1952</td> <td>7/15</td> </tr> <tr> <td>Lähetämme pojat niityllä (сенокосная)</td> <td>1952</td> <td>7/16</td> </tr> <tr> <td>Kalliolle, kukkulalle rakennan minä</td> <td>01.01.1952</td> <td>7/17</td> </tr> <tr> <td>Viälä niitä honkia humisee (песня сплавщиков)</td> <td>1952</td> <td>7/18</td> </tr> <tr> <td>Oi kerran pikkunen vekkuli</td> <td>1952</td> <td>7/19</td> </tr> <tr> <td>Piirileikki kun alettiin</td> <td>01.01.1952</td> <td>7/22</td> </tr> <tr> <td>Riti-ralla</td> <td>01.01.1952</td> <td>7/23</td> </tr> </tbody> </table>					Наара kasvo järven rannalla	1952	7/11	Heilani koti- kivinen talo	1952	7/12	Hanuri kun tammihii tammahti	01.01.1952	7/13	Pokia täs on parhaita	01.01.1952	7/14	Meijän ... pellava kasvaa (лен)	1952	7/15	Lähetämme pojat niityllä (сенокосная)	1952	7/16	Kalliolle, kukkulalle rakennan minä	01.01.1952	7/17	Viälä niitä honkia humisee (песня сплавщиков)	1952	7/18	Oi kerran pikkunen vekkuli	1952	7/19	Piirileikki kun alettiin	01.01.1952	7/22	Riti-ralla	01.01.1952	7/23
Наара kasvo järven rannalla	1952	7/11																																			
Heilani koti- kivinen talo	1952	7/12																																			
Hanuri kun tammihii tammahti	01.01.1952	7/13																																			
Pokia täs on parhaita	01.01.1952	7/14																																			
Meijän ... pellava kasvaa (лен)	1952	7/15																																			
Lähetämme pojat niityllä (сенокосная)	1952	7/16																																			
Kalliolle, kukkulalle rakennan minä	01.01.1952	7/17																																			
Viälä niitä honkia humisee (песня сплавщиков)	1952	7/18																																			
Oi kerran pikkunen vekkuli	1952	7/19																																			
Piirileikki kun alettiin	01.01.1952	7/22																																			
Riti-ralla	01.01.1952	7/23																																			

Рис. 10. Пример поиска в электронном каталоге Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН

Уникальная **коллекция гибких пластинок** Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ («записи на костях»), насчитывающая 139 единиц хранения,

оформлена в виде отдельного сайта²¹ (рис. 11). Коллекция содержит записи былин, рун, новин, сказок, причитаний, баллад, песен, частушек на русском и карельском языках. Самые ранние из них относятся к 1938 и 1939 гг., самые поздние — к 1947 г.²²

Отображение: по авторам, по произведениям, по пластинкам

Богданов Алексей Кузмич, 1879 г.р., д. Полубояры Лоухского района
 - Данила- легонький детина

Ватчиева Анисья Васильевна, 1886 г.р. д. Сопоха, Петровский район
 - И не колы да колокольчики

**Горшков Петр Григорьевич, 27.08.1875., д. Демидово Заонежский р-он,
 Космозерский с/с**
 - Былина о Ворошилове
 - Женитьба князя Владимира
 - Как с той Москвы
 - Как узнало тут наше правительство
 - О Добрыне и Алеше
 - Про Емелю
 - Про Илью Муромца

Гречнева Наталья Герасимовна, 1879 г.р., д.Калайоки Ведлозерского района
 - Ei ole kačotus
 - Enne meidy ei kučuttu
 - Enne meidy ei ni kučuttu
 - Kazvatetahgo teile pelvas kyläs
 - Krasnoin armien oigiet pojat
 - Kui myö svuad'bua piimmö
 - Kui pojankke ajelin Viiburih
 - Meijän lammin kalahat
 - Nygöi myö elämmö Leninan sanua myöte
 - Oigei silmäine kubizou (новина о Сталине)

Рис. 11. Коллекция гибких пластинок Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ

Фольклорные материалы Научного архива КарНЦ РАН представлены на сайте **Фольклорного архива**²³, работы над которым начались в 2008 г. под руководством В. П. Кузнецовой. Ресурс содержит оцифрованную и расшифрованную коллекцию рукописных произведений северно-русского (288 текстов: баллады, былины, былички, духовные стихи, новины, песни,

²¹ См.: <https://illh.ru/GP/> (дата обращения: 12.10.2025).

²² Марковская Е. В. Коллекция записей «на костях» Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН // Кижский вестник. 2017. Вып. 17. С. 200–205.

²³ См.: <http://folk.krc.karelia.ru/> (дата обращения: 12.10.2025).

предания, причитания, сказки, календарный фольклор), карельского (51 текст: ёйги, заговоры, песни, предания, причитания, руны, сказки), вепсского (21 текст: причитания, сказки), ингерманландского и ижорского (52 текста: баллады, заговоры, календарный фольклор, песни, причитания) фольклора, а также **звуковую коллекцию**²⁴ фольклорных произведений на русском (47 записей) и карельском языках (25 записей:) (рис. 12). Первые тексты датируются началом XX в.

ФОЛЬКЛОРНЫЙ АРХИВ

Института языка литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Поддержан грантами РГНФ (08-04-12144B и 12-04-12033B)

A	B	C
D	E	F
G	H	I
J	K	L
M	N	O
P	Q	R
S	T	U
V	W	X
Y	Z	

Рукописная коллекция

Звуковая коллекция

Фонограммариив

Опись фольклорных коллекций НА КарНЦ РАН

Новости

История

Фотоальбом

Проекты

Экспедиции

Семинар

Публикации

Электронная энциклопедия "Сказители Карелии"

Эпос и духовная лирика Усть-Цильмы в записях Д.М. Балашова

Контакты

Произведения коллекции

Фольклор: Карельский

Ёига

1. [Ei ole kuilla kaihuloilla... Ёига](#)
2. [No... kovorimma kolmi šapna kuušilošon korkievartta \(Но... поговорим тремя словами о высоком стане\). Ёига](#)
3. [Oi kun on vilu \(Ой как холодно\)](#)
4. [Oi, kun on vilu vierullani. Ёига](#)
5. [Tervetuloa vierahilla](#)

Заговор

6. [Anna šie, Ahti, suuri hauki. Дай ты, Ахти большую щуку. \(На удачную рыбную ловлю\)](#)
7. [Työnän lehmäni leholla. Отпуши коровушку на луг. \(Заговор на отпуск скота\)](#)

Песни

8. [Baju lastu, baju lastu. Колыбельная песня](#)
9. [Baju lastu. Колыбельная песня](#)
10. [Haapo kasvo järvän rannalla](#)
11. [Huondez zor'aine \(самодеятельная песня, фрагмент\)](#)
12. [Issuin illalla](#)
13. [Kalliolla kukkanlalla rakennan minä majani](#)
14. [Kalliolle kukkulalle. Лирическая песня](#)
15. [Kalliolle kukkanalle. Лирическая песня](#)
16. [Kazvatti muamoi minu. Лирическая песня](#)
17. [Kokko lenti koilisestä. \(Прилетел орел с востока\)](#)
18. [Lähtin minä Läkköläh](#)
19. [Lagiel pellol joven tagan](#)
20. [Leikkua vargii lähellyö da](#)
21. [Määlläpä kasvoi koivu pikkunen. Лирическая песня](#)
22. [Menin meččäh, istuin kivel. \(Пошла я в лес, сижу на камне\). Частушки](#)
23. [Mierpä laulan lapšellani. Колыбельная песня](#)
24. [Mierpä laulan lapsellani](#)

Фольклор
Карельский

Жанр
Все

- О водяном
- О домовом
- О колдунах
- О лешем
- О покойниках
- О черте
- Духовые стихи
- Ёига
- Заговор
- Календарный фоль...
- Песня святочная
- Новинки
- Песни
- Исторические
- Колыбельные
- Кумулятивная

Рис. 12. Материалы рукописной коллекции Фольклорного архива ИЯЛИ КарНЦ РАН на карельском языке

Биографии, автобиографии и фотографии более 220 карелоязычных и русскоязычных носителей фольклорной традиции — представителей всех коренных народов и районов Карелии — собраны на сайте [электронной](#)

²⁴ См.: <http://phonogr.krc.karelia.ru/folklor/index.php> (дата обращения: 12.10.2025).

энциклопедии «Сказители Карелии»²⁵ (главный редактор В. П. Миронова). Карточка носителя фольклорных произведений снабжена репертуарным списком, скан-копиями документов, рукописными и звуковыми образцами фольклорных произведений²⁶ (рис. 13).

Михеева Мария Ивановна

Калевальский район, с. Ухта, ул. Ленина, 2. Я. Михеева Мария Ивановна, родилась в д. Алаярви Калевальского района, К-ФССР в семье крестьянина-бедняка. Детство свое провела у родителей до 1897 года. В 1897 году умерла мать, после чего поступила работать на разные работы. И так до Октябрьской революции работала в сельском хозяйстве. В школу не ходила, потому что в то время местные школы не существовали. А за пределами района родители были не в состоянии прокормить. Но имел большое желание учиться, сама научилась читать и писать на финском языке. После Октябрьской революции работала домохозяйкой и на сельском хозяйстве на разных работах. В 1930 г. по организации колхозов вступила в колхоз, где работала до 1941 года. В 1941 году была эвакуирована в Архангельскую область. Вернулась с эвакуации в 1944 г. в с. Ухта, где и нахожусь в настоящий момент. Принимала участие в восстановлении родного колхоза. Семья состоит из 4 человек (две дочери и один сын). Все работают.

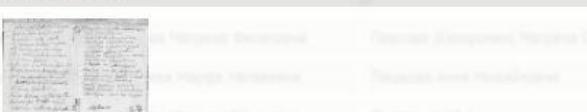
Свои песни и сказки усвоила от отца, сохранив в памяти и отрывки, и вольные контаминации рун, вычитанные из «Калевалы». От нее записано около ста сказок. Сложила ряд песен на советскую тематику, которые на карельском языке публиковались в газете «Тотуус» и журнале «Пуналишти». Участвовала в 1941 году в Ухтинском совещании сказителей. Приезжала в Петрозаводск в 1946 году в связи с награждением ее Почетной грамотой Верховного Совета К-ФССР. Вторично награждена Почетной грамотой Верховного совета К-ФССР в 1949 г. при проведении 100-летнего юбилея полного издания «Калевалы».

НА, ф. 1, оп. 2, колл. 155, ед. хр. 4, л. 6 и 62

Репертуар

Анtero Випунен

НА 22/141а (15 строк), самозапись Михеевой М.И., 69 л., Петрозаводск

Выкуп девушки

Рис. 13. Пример карточки носителя с сайта электронной энциклопедии «Сказители Карелии»

²⁵ См.: <https://illh.ru/KC2/> (дата обращения: 12.10.2025).

²⁶ Миронова В. П. Карельские runopewcy: к вопросу о создании электронного ресурса // Кижский вестник. 2017. Вып. 17. С. 229–234.

Перечисленные ресурсы по фольклористике представляются основательным заделом для создания в будущем фольклорного корпуса Карелии.

На портале ИЯЛИ КарНЦ РАН во вкладке «Электронные ресурсы» содержатся гиперссылки и на другие, не менее полезные тематические сайты, посвященные отдельным исследователям, сказителям, петроглифам, документам петровских времен и др. Кроме того, сам сайт института содержит немало ценных материалов. В качестве примера можно привести коллекцию **изданий ИЯЛИ²⁷**. Речь идет как об оцифрованных копиях ранних публикаций (редкие книги, начиная с 1930-х гг.), так и о самых свежих исследованиях в электронном формате. Следует подчеркнуть, что большинство ресурсов, представленных в данном обзоре, увидело свет благодаря работе сотрудников ИЯЛИ КарНЦ РАН Н. Л. Шибановой и Ф. С. Герасимова, а также коллег из Института прикладных математических исследований КарНЦ РАН Н. Б. и А. А. Крижановских.

Список литературы

1. Захарова Е. В. Разработка геоинформационного ресурса по топонимии Карелии: историко-культурный аспект // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14. № 4. С. 463–473. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.014.2022.04.463-473>
2. Захарова Е. В., Крижановская Н. Б., Крижановский А. А. ТопКар: руководство для пользователей. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2025. 24 с.
3. Илюха О. П. Институту языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН — 90 лет // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 121–123.
4. Илюха О. П., Пигин А. В. Современные исследования в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН // Центр и периферия. 2024. Т. 19. № 1. С. 10–21.

²⁷ <http://illhportal.krc.karelia.ru/section.php?plang=r&id=864>

5. Крижановская Н. Б., Крижановский А. А. ВепКар: руководство для пользователей. Учебное пособие. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2023. 40 с.
6. Марковская Е. В. Коллекция записей «на костях» Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН // Кижский вестник. 2017. Вып. 17. С. 200–205.
7. Миронова В. П. Карельские рунопевцы: к вопросу о создании электронного ресурса // Кижский вестник. 2017. Вып. 17. С. 229–234.
8. Миронова В. П., Лызлова А. С., Иванова Л. И. Электронно-информационные формы сохранения, доступности и популяризации архивных материалов // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 289–300. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-1-289-300>
9. Муллонен И. И., Новак И. П. Открытый корпус вепсского и карельского языков // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94. № 9. С. 814–823. <https://doi.org/10.31857/S0869587324090045>
10. Новак И. П. Карельский языковой ландшафт в диалектометрической парадигме. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2025. 502 с.
11. Пунжина А. В. Словарь карельского языка: тверские говоры. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

NOVAK Irina P.

Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Russia, Petrozavodsk
novak@krc.karelia.ru

OPEN E-RESOURCES OF THE INSTITUTE OF LINGUISTICS, LITERATURE AND HISTORY OF THE KARELIAN RESEARCH CENTRE RAS

Abstract. Current trends in the development of research at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (ILLH KarRC RAS), which has a history of over 95 years, within its traditional research themes, are mostly associated with digitization of scientific knowledge. This article provides a brief overview of open e-resources on linguistics and folklore studies, created and continuously updated by the Institute's staff: Veps and Karelian Open Corpus, Audio Map of Balto-Finnic Languages of Karelia and Adjacent Regions, Application for spell-checking newly scripted Karelian and Veps variants, LiPaS: Multimedia Glossary of Karelian, “Ludic Dialectal Lexicon”, Electronic revised and expanded version of the Karelian Language Dictionary (Tver variants), Murreh: Karelian Dialectal Database, website of the Interregional Marathon of Letters in Karelian and Veps

“Mother Tongue Morale”, Geographical information resource of the toponymy of Karelia, ILLH KarRC RAS Audio Record Archives website, Flexi Disc Collection, Sound Collection of the ILLH KarRC RAS Audio Record Archives, Folklore Archives website, electronic encyclopedia “Folk Narrators of Karelia”. These resources, if they continue to be developed systematically, will not only help accumulate and make available the extensive material amassed over nearly a century of the Institute’s operation, but will also enable revisiting them using modern research techniques and methods.

Keywords: ILLH KarRC RAS, digitization, open e-resources, linguistics, folklore studies

Acknowledgements: The article was prepared under state assignment to the Karelian Research Centre RAS.

For citation: Novak I. P. Open E-resources of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre RAS. *Studia Nordica*, 2025, no. 1, pp. 196–215. DOI: 10.17076/sn12

References

1. Zakharova E. V. Razrabotka geoinformatsionnogo resursa po toponimii Karel'skogo kraia: istoriko-kul'turnyi aspect. *Finno-ugorskii mir*, 2022, vol. 14, no. 4, pp. 463–473. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.014.2022.04.463-473>
2. Zakharova E. V., Krizhanovskaia N. B., Krizhanovskii A. A. *TopKar: rukovodstvo dlja pol'zovatelei*. Petrozavodsk, KarRC RAS, 2025, 24 p.
3. Iliukha O. P. Institutu iazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN — 90 let. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, vol. 42, no. 6, pp. 121–123.
4. Iliukha O. P., Pigin A. V. Sovremennye issledovaniia v Institute iazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN. *Tsentr i periferiya*, 2024, vol. 19, no. 1, pp. 10–21.
5. Krizhanovskaia N. B., Krizhanovskii A. A. *VepKar: rukovodstvo dlja pol'zovatelei. Uchebnoe posobie*. Petrozavodsk, KarRC RAS, 2023, 40 p.
6. Markovskaia E. V. Kolleksiia zapisei «na kostiakh» Fonogrammarkhiva IIaLI KarNTs RAN. *Kizhskii vestnik*, 2017, vol. 17, pp. 200–205.
7. Mironova V. P. Karel'skie runopevtsy: k voprosu o sozdaniii elektronnogo resursa. *Kizhskii vestnik*, 2017, vol. 17, pp. 229–234.
8. Mironova V. P., Lyzlova A. S., Ivanova L. I. Elektronno-informatsionnye formy sokhraneniia, dostupnosti i populiarizatsii arkhivnykh materialov. *Vestnik Studia Nordica*. 2025. № 1

arkhivista, 2021, no. 1, pp. 289–300. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-1-289-300>

9. Mullonen I. I., Novak I. P. Otkrytyi korpus vepsskogo i karel'skogo iazykov. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2024, vol. 94, no. 9, pp. 814–823. <https://doi.org/10.31857/S0869587324090045>
10. Novak I. P. *Karel'skii iazykovoï landshaft v dialektometricheskoi paradigmе*. Petrozavodsk, KarRC RAS, 2025, 502 p.
11. Punzhina A. V. *Slovar' karel'skogo iazyka: tverskie govory*. Petrozavodsk, Karelia, 1994, 396 p.

IN MEMORIAM

АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ КАНУ (1925–2017) 100 ЛЕТ
**ALEKSANDER SERGEEVICH KAN (1925–2017) IS ONE HUNDRED
YEARS OLD**

Александр Сергеевич Кан с сыновьями. Слева направо: Борис Кан, Сергей Кан, Александр Кан. Стокгольм, 2011. Фото Сергея А. Кана.

31 октября 2025 г. исполняется 100 лет со дня рождения видного российского и шведского историка-нордиста, мэтра советской скандинавистики, моего отца Александра Сергеевича Кана¹.

Отец А.С. Кана профессор Сергей Борисович Кан (1896–1960) также был историком, специализировавшимся по новой истории Германии и Франции. Он преподавал в Московском государственном университете, Московском

¹ Автор хотел бы выразить глубокую благодарность Андрею Викторовичу Репневскому и Алексею Алексеевичу Комарову за ценные замечания, а также информацию и воспоминания о моем отце.

государственном педагогическом институте и Высшей Школе Дипломатии². Мать ученого Роза Александровна (Калмансон) Кан (1899–1985) была преподавателем и секретарем кафедры физиологии высшей нервной деятельности МГУ. Владея несколькими иностранными языками, отец в 1944–1945 гг. служил переводчиком с немецкого в Политуправлении Первого Украинского фронта.

А. С. Кан. Лето 1945 г. Австрия.

На историческом факультете МГУ, где он учился во время войны и в первые послевоенные годы, его учителями были проф. Александр Иосифович

² Кан А.С. Сергей Борисович Кан (1896–1960) // Портреты историков. Время и судьбы. М., 2004. С. 228–244.

Неусыхин, проф. Николай Михайлович Дружинин и проф. Сергей Данилович Сказкин. Явные языковые способности влекли молодого ученого к изучению истории зарубежной Европы и в особенности менее изученной Швеции и Скандинавии в целом. Научившись с помощью частных уроков читать научную литературу по-шведски, он попросил и получил свою первую скандинавскую тему у профессора О. Л. Вайнштейна. Весной 1949 г. Кан защитил дипломную работу «Швеция и начало Первой северной войны 1654–1655 гг.». Получив диплом с отличием, он был зачислен в заочную аспирантуру Института истории Академии наук СССР³. Первые два года в аспирантуре он совмещал работой старшим редактором и контролером в скандинавской редакции иностранного отдела московского Комитета по радиовещанию при Совете министров СССР. В аспирантуре Александр Сергеевич перешел от истории международных к истории социально-экономических отношений. Научным руководителем его был видный медиевист и аграрник проф. С. Д. Сказкин. В 1953 г. Кан защитил кандидатскую диссертацию «Шведское крестьянство в борьбе против усиления феодально-поместичьего гнета в 1620–1650 гг.».

В 1950-х гг. мой отец был женат на Елене Сергеевне Семеке (1931–2022), специалисте по истории древней Шри-Ланки и участнице демократического движения 1960-х-начала 1970-х гг. В 1953 г. у них родился автор данного очерка. В конце 1950-х гг. этот брак закончился разводом, а в 1960 г. отец женился на Аделаиде Григорьевне (Кругляк) Кан (1939–2021), выпускнице Московского государственного института международных отношений, много лет проработавшей в Институте мировой экономики и международных отношений. Аделаида Григорьевна стала его верным другом и помощником. В 1967 г. у них родился мой брат Борис. После переезда Канов в Швецию он получил медицинское образование, а впоследствии защитил докторскую

³ Попытка отца попасть в очную аспирантуру не увенчалась успехом потому, что в 1949 г. он выступил в защиту Гайры Артемовны Веселой (1924–2023), дочери репрессированного писателя Артема Веселого, которую «разбирали на собрании студентов истфака и, осудив, исключили из комсомола. См.: *Веселая Г. А. По бездорожью XX века: Семейные истории. М. 2017. С. 382–386.*

диссертацию. Вот уже много лет он успешно работает в Каролинском университетском госпитале Стокгольма, одном из ведущих медицинских учреждений мира.

В годы борьбы с «космополитизмом» А.С. Кан и его отец были некоторое время без работы. Однако осенью 1953 г. Александр Сергеевич наконец получил почасовую работу на кафедре средних веков МГУ и стал там вести семинар, из которого вышли известный ученый-нордист Ольга Васильевна Чернышёва и медиевист Станислав Дмитриевич Ковалевский. Летом 1954 г. академик Анна Михайловна Панкратова взяла отца на штатную работу в возглавляемый ею журнал «Вопросы истории», где он проработал четыре года⁴. В конце 1950-х гг. он был приглашен преподавать историю стран Северной Европы в МГИМО, а в 1960 г. его приняли младшим научным сотрудником в Институт истории Академии наук с условием согласия на работу в новом секторе истории внешней политики СССР и международных отношений. Таким образом, в 1960-е гг. Кан стал специалистом по Новейшей истории. Две первые его книги: вузовский учебник «Новейшая история Швеции»⁵ и докторская диссертация «Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны», были по большей части посвящены истории XX в. Важной публикацией отца стал учебник «История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция)», опубликованный впервые в 1971 г. Эта книга выдержала два издания в СССР и была переведена на пять европейских языков⁶. В 1967 г. выла книга, основанная на докторской диссертации отца⁷.

В конце 1960-х гг. Кан стал доктором наук и старшим научным сотрудником. После разделения в 1968 г. его института на Институт всеобщей истории и Институт истории СССР отец возглавил первую в своем роде в Советском Союзе «группу по Новой и Новейшей истории Скандинавских стран и Финляндии». Коллегами отца в группе были такие видные

⁴ Кан А. Anna Pankratova and *Voprosy istorii* // *Storia della Storiografia*. 1996. Vol. 29. P. 71–97.

⁵ Кан А. С. Новейшая история Швеции. М.: Международные отношения, 1964.

⁶ Второе издание появилось в 1980 г.: Кан А. С. История скандинавских стран: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1980.

⁷ Кан А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. М.: Наука, 1967.

скандинависты, как Арон Яковлевич Гуревич, Ольга Васильевна Чернышёва, Аделаида Анатольевна Сванидзе.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. он побывал в Скандинавии и Финляндии, где смог поработать в архивах. Кроме того, он стал сопредседателем советско-финской рабочей группы по истории. В тот же период он научился читать по-фински. Особенno продуктивной оказалась первая и последняя научная командировка отца в Швецию 1971 г., которую он посвятил сбору архивных материалов по социальной и экономической истории Швеции XVIII–XIX вв. и таким образом вернулся к тематике своей кандидатской диссертации. Хотя по разным причинам целиком сосредоточиться на аграрной истории ему не удалось, этот временный возврат к старой тематике отразился в статьях, главная из которых вышла уже после его эмиграции⁸. Другим важным результатом командировки в Швецию стали знакомства отца со шведскими историками Карлом-Ёраном Андре, Стеном Карлссоном и Свеном Ульриком Палме (двоюродным братом премьер-министра Швеции Улофа Пальме), переросшие в дружбу с ними и их семьями. В VI Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии 1973 г. в Таллине впервые участвовала целая группа шведских историков. С тех пор советско-шведские симпозиумы историков продолжались пополам в Швеции и СССР до конца советской эпохи.

Возглавляемая Каном скандинавская группа занималась в основном изданием коллективных трудов, организацией всесоюзных конференций по нордистике, налаживанием и поддержанием международных связей с историками-нордистами. В 1974 г. под редакцией отца вышла «История Швеции», а в 1980 г. «История Норвегии»⁹. Таким образом, как писал отец, «десятилетия политического застоя оказались сравнительно безболезненными и даже плодотворными для советской нордистики, особенно московско-

⁸ Кан А. С. Аграрно-крестьянский вопрос в Европе в новое время и пути его решения // Проблемы социально-экономического развития и внешней политики зарубежных стран в новое и новейшее время: Сб. науч. тр. памяти Якова Иосифовича Дразнинаса. Чита, 1992. С. 29–64.

⁹ История Швеции / Отв. ред. А. С. Кан. М.: Наука, 1974; История Норвегии / Отв. ред. А. С. Кан. М.: Наука, 1980.

ленинградской, эстонско-латвийской и карельской»¹⁰. В 1979 г. отец напечатал небольшую, но весьма интересную книгу из истории российской интеллигенции: «Историк Г. В. Форстен и наука его времени»¹¹.

К сожалению, моя эмиграция с матерью и отчимом в США в 1974 г. навсегда закрыла отцу двери для новых командировок в Скандинавию. В том же году его скандинавская группа была расформирована. А в 1977 г. отец пережил унизительную отмену в самый последний момент его поездки на юбилей Упсальского университета, где ему присвоили степень почетного доктора наук. В начале 1980-х гг. он и его жена начали всерьез подумывать о собственной эмиграции, а в 1984 г. они первый раз подали заявление на выезд, но получили отказ. Хлопоты по этому поводу начались в 1984 г. выходом отца из КПСС, куда он вступил в 1966 г. В 1986 г. отец был уволен из своего института. В тот период он начал писать книгу о советской исторической теории послесталинского периода.

В условиях начавшейся перестройки и при поддержке шведских и норвежских политиков отец и его семья получили в марте 1987 г. разрешение на выезд в Израиль. С этого момента Каны поселились в Швеции, где отец сразу же получил работу по специальности и личную профессуру в Упсальском университете при совместительстве (1/5 ставки) в университете Осло. По его словам, ему предоставили весьма благоприятные рабочие возможности и мало обременяли преподаванием, а еще меньше — научным руководством и административными обязанностями. В отличие от Упсалы, где отец выступал с редкими лекциями в основном по русской и советской истории, в Осло он восемь лет читал факультативный курс по всеобщей истории исторической мысли.

Адаптации семьи Канов к жизни Швеции способствовало хорошее знание шведского языка и отцом, и его женой (она много лет проработала в медицинской библиотеке Упсальского университета), а также наличие

¹⁰ См. автобиографическое вступление к библиографии его трудов: Кан Александр Сергеевич — историк-нордист: (К 80-летию со дня рождения) // Вестник Поморского университета. 2006. № 2 (10). С. 105.

¹¹ Кан А. С. Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М.: Наука, 1979.

шведских коллег, знакомых и друзей. Немало коллег и друзей появилось у отца в Норвегии и Финляндии. Три десятилетия, проведенные им в Скандинавии, оказались весьма плодотворными. В 1988 г. в Норвегии вышли две его книги: одна по истории советской послесталинской исторической мысли, а другая о советско-норвежских отношениях после Второй мировой войны¹². Главной научной темой, заинтересовавшей отца в конце 1980-х гг., стали связи российских и скандинавских социал-демократов в первые десятилетия XX в. Этому благоприятствовал доступ как к западным архивам (в Амстердаме, Бонне, Хельсинки и Стэнфордском университете в Калифорнии) так и к архивным фондам Коминтерна, находящимся в Российском государственном архиве социально-политической истории (бывший Центральный партийный архив). Уже через несколько лет после отъезда из СССР отец стал регулярно посещать Россию как в научных целях, так и для того, чтобы навестить старых коллег, друзей и родственников.

Нужно заметить, что помимо продолжения своих научных и дружеских связей с коллегами в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других городах России, отец установил контакт с такими высшими учебными заведениями севера страны, как Поморский государственный университет (ПГУ) (г. Архангельск)¹³ и Мурманский государственный педагогический университет, где преподаватели и студенты весьма интересуются историей своих скандинавских соседей. Впервые он приехал в Архангельск в 1994 г., чтобы прочесть на истфаке ПГУ специальный курс по истории Норвегии, а в 2001, 2005 и 2008 гг. он там же читал лекции и вел теоретические семинары на истфаке и во всех трех школах молодых скандинавистов, а затем на пленарном заседании XIV конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии выступил с большим докладом «Советская и постсоветская историческая нордистика: первые итоги». Отец также принимал участие в нескольких международных научных проектах, в которых были заняты ученые ПФУ и

¹² Kan A. I påvente av frigjeringa: Sovjetisk historieteorি mellom Stalin og Gorbatsjov. Oslo: Det Norske Samlaget. 1988; Kan A. Naboskap under kald krig og perestroika. Forholdet Norge–Sovjet sett fra Moskva. Oslo: Institutt for forsvarsstudier. 1988.

¹³ С 2011 г. этот университет входит в состав Северного (Арктического) федерального университета (САФУ).

САФУ. Последний по времени и крупнейший в истории российско-норвежских отношений проект такого рода, завешенный весной 2016 г., — «Ассиметричное соседство, Норвегия и Россия в 1814–2014 гг.»¹⁴. В 2010 г. ему присвоили звание почетного доктора Поморского государственного университета, а годом позже он стал почетным доктором нового, крупнейшего на Русском Севере Северного (Арктического) федерального университета.

Выступление А. С. Кана в САФУ в связи с присуждением ему степени почетного доктора.

Новая научная тематика отца отразилась в книге о Бухарине и скандинавском рабочем движении, вышедшей по-шведски в 1991 г.¹⁵, а также в *magnum opus* «Домашние большевики. Шведская социал-демократия, русские большевики и меньшевики в период мировой войны и в революционные

¹⁴ Репневский А. В. Александр Сергеевич Кан. Памяти учителя и выдающегося ученого посвящается // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2017. № 1. С. 162.

¹⁵ Kan A. Nikolaj Bucharin och den skandinaviska arbetarrorelsen. Uppsala: Historiska institutionen, Uppsala universitet, 1988. (Opuscula Historica Upsaliensia, 6).

годы, 1914—1920»¹⁶. Эта его последняя книга была издана в крупном стокгольмском издательстве *Carlsson* в 2005 г. и вызвала немало рецензий и газетных откликов. В ней был сделан упор на поддержке и помощи, оказанной российским социал-демократами разного толка их шведскими единомышленниками. Своим научным достижением отец считал подробное обоснование тезиса об особой роли Швеции и шведского рабочего движения в подготовке, а затем и в поддержке русской революции извне, а также передачи на Запад денежных пособий Коминтерна молодым компартиям.

Другой темой исторических исследований отца в годы скандинавского периода его жизни стала история русско-шведских отношений. Так, из его лекционных курсов в университетах Хельсинки и Йоэнсу выросло учебное пособие «12 столетий русско-шведских отношений», вышедшее по-шведски в 1996 г. и по-русски тремя годами позже¹⁷. В первое десятилетие этого века отец продолжал публиковать научные статьи и рецензии. Написание последних всегда было его любимым занятием. Кроме того, на основе серии его выступлений по шведскому радио на русском языке в России вышла небольшая книга «Знаменитые шведы», написанная им совместно с Сергеем Васильевичем Карловым¹⁸.

С учетом краткости рабочего стажа отца ему в порядке исключения разрешили дослужить до 70 лет не только в Швеции, но и в Норвегии. Уже будучи *professor emeritus*, отец продолжал научную работу, и только в последние годы жизни ухудшение здоровья положило конец этим занятиям. Итогом многолетней и продуктивной работы стала подробная библиография его публикаций, изданная в 2008 г. и в 2012 г. в Архангельске на русском и шведском языках. В ней насчитывается 500 книг, статей, рецензий и сообщений!¹⁹ Кроме того, за годы жизни в Швеции он не раз давал ценные

¹⁶ Kan A. Hemmabolsjevikerna: Den svenska socialdemokratin, ryska bolsjeviker och mensjeviker under världskriget och revolutionsåren 1914–1920. Stockholm: Carlsson, 2005.

¹⁷ Kan A. Sverige och Ryssland — ett 1200-årigt forhållande. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1996. Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: РГГУ, 1999.

¹⁸ Кан А. С., Кафлов С. В. Знаменитые шведы. СПб.: Европейский дом, 2009.

¹⁹ Александра Сергеевича Кан: историк-нордист. Библиография с автобиографией. Архангельск: КИРА, 2012.

научные советы молодым североевропейским и российским историкам. Признание заслуг отца в области изучения истории Скандинавских стран и Финляндии выразилось в присуждении ему титула члена-корреспондента Шведской академии древности, истории и словесности, члена Шведской академии народной культуры им. Густава Адольфа, а также члена Норвежской академии наук. В 2005 г. коллеги по Уppsальскому университету торжественно и весело отметили его восьмидесятилетие.

Заканчивая описание научного наследия А.С. Кана, необходимо также упомянуть о его учениках, ставших историками-нордистами. В советский период под его руководством работали над кандидатскими диссертациями и защитили их такие ученые, как упомянутый выше С. Д. Ковалевский, а также Петр Эрнестович Бацис и Вадим Вадимович Рогинский²⁰. Работая в Швеции и Норвегии начиная с 1987 г., он продолжал помогать молодым историкам-нордистам, как скандинавским, так и российским. Его ученики благодарны ему за то внимание и отеческую заботу, которую он проявлял по отношению к ним²¹. В 1998 г. отец много сделал, чтобы помочь архангельскому историку Андрею Викторовичу Репневскому защитить докторскую диссертацию в Институте всеобщей истории. Как сообщил мне недавно проф. Репневский, отец написал положительную рецензию на его диссертацию (до ее защиты) и присутствовал на самой защите²². По словам проф. Репневского, «у нас своими учителями не обязательно считают только формальных руководителей или преподавателей, но и тех, чье серьезное научное влияние молодые исследователи ощутили по книгам, статьям и личным встречам. У нас в Архангельске таких историков-скандинавистов много... и все они могут

²⁰ Несколько лет отец также руководил кандидатской диссертацией А. А. Комарова. Однако последний закончил и защитил ее под руководством другого ученого-скандинависта.

²¹ Ср.: Nielsen J. P., Komarov A. A. Aleksander Sergejevitsj Kan (1925–2017) // Arbeiderhistorie. 2017. Vol. 22. Issue 1. S. 180.

²² Электронное письмо А. В. Репневского С. А. Кану от 30 июня 2025 г. Репневский защитил диссертацию по монографии «СССР — Норвегия: экономические отношения межвоенного десятилетия» (Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета, 1998).

считать себя учениками Кана. Они слушали его лекции, читали его книги и статьи»²³.

К словам Андрея Викторовича хотелось бы добавить, что отец, который помог мне в 1970 г. поступить на исторический факультет МГУ, где я проучился до отъезда из России, все последующие годы с большим интересом следил за моей собственной научной работой в области этнографии и истории коренных народов Аляски, а также истории российской и американской этнологии. Он читал многие мои статьи и монографии, давал ценные советы, радовался моим успехам. С такой же радостью и гордостью относился он к профессиональным (и в том числе научным) успехам моего брата-врача.

Несмотря на огромную трудоспособность и преданность науке, отец почти до самого конца своих дней сохранил любовь к жизни во всех ее проявлениях. Много лет любимыми его занятиями были прогулки на природе, плавание и езда на велосипеде. Как все российские интеллигенты, он хорошо знал русскую и западную художественную литературу, в том числе поэзию. Я до сих пор вспоминаю, как в детстве любил слушать отца, читавшего мне стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока. Благодаря знанию нескольких европейских языков он мог читать художественную литературу не только по-русски, но и по-немецки, по-французски, по-английски, по-шведски и по-норвежски. Именно он был моим первым учителем немецкого и французского языков. Отец с интересом путешествовал, посетив после переезда в Швецию многие страны Европы, а также США, Канаду, Мексику, и Израиль. Особенно любил он застолье российского типа и долгие беседы с друзьями и членами своей семьи. Отец обладал неплохим чувством юмора и был хорошим рассказчиком. Им написано немало веселых (а порой и грустных) стихов, посвященных родным и близким друзьям. Вот, например, что написал он в альбоме, подаренном в 1960 г. проф. А. И. Неусыхину по случаю его шестидесятилетия группой его учеников:

²³ Электронное письмо А. В. Репневского С. А. Кану от 7 июля 2025 г.

Путь из Исландии в Калинин,
Конечно, бесконечно длинен.
Сквозь жизненные передряги
Гуревич выбился в варяги
И ищет там иммунитет,
Где даже феодалов нет.

Много времени наш отец посвящал играм, прогулкам и беседам со своим детёнышами и внуками. Сегодня род Канов продолжает свою жизнь по обе стороны Атлантического океана: в США живет моя дочь Элианна (1988 г. р.), а в Швеции сыновья Бориса — Григорий (2003 г. р.) и Илья (2004 г. р.). Фамилию отца носят и его невестки. Память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

**Сергей А. Кан, профессор антропологии,
Дартмутский колледж, США**

ПАМЯТИ ИГОРЯ ПАВЛОВИЧА ШАСКОЛЬСКОГО (1918–1995)

IN MEMORY OF IGOR PAVLOVICH SHASKOLSKII (1918–1995)

Ленинградский (петербургский) историк Игорь Павлович Шаскольский закончил свой жизненный путь в 1995 г., и его научные интересы были естественным образом связаны с историей и культурой Северо-Запада России и — шире — с Балтийским регионом. Питерский период его жизни охарактеризован в некрологе, составленном его другом и соавтором М. Б. Свердловым¹. Он закончил исторический факультет Ленинградского госуниверситета в роковом 1941 г. по отделениям истории и археологии. По состоянию здоровья он не был призван в армию, в 1942 г. был в эвакуации в Ярославле; вернувшись в Ленинград в 1944 г., поступил с аспирантурой. В 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию по актуальной для послевоенной историографии теме «Борьба Новгорода со Швецией и Норвегией до 60-х гг.

¹ Свердлов М. Б. Игорь Павлович Шаскольский (1918–1995) // Вспомогательные исторические дисциплины: сборник статей / Отв. ред. В. А. Шипкин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Т. 26. С. 328–335.

XIII века». Тема стала магистральной для научного творчества Шаскольского, сотрудника Ленинградского отделения Института истории АН СССР (и преподавателя истфака ЛГУ) — в 1965 г., будучи сотрудником Ленинградского отделения Института истории АН СССР, он защитил докторскую диссертацию «Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством в первой половине XVII в.» (по монографии, изданной в 1964 г.), на широком историческом фоне он исследовал экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. (монография с таким названием вышла в 1998 г.); более раннему периоду сложных отношений Руси с соседями в Прибалтике посвящена монография «Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв.» (Л.: Наука, 1978).

Археологическое образование (этим направлением в годы обучения Шаскольского в ЛГУ руководил знаменитый исследователь приладожских курганов В. И. Равдоникас) позволило И. П. Шаскольскому профессионально использовать данные археологии для исследования истории. В 1970 г. в Ленинграде вышла этапная для отечественной скандинавистики коллективная монография «Исторические связи Скандинавии и России, IX–XX вв.», редакторами которой были Н. Е. Носов и И. П. Шаскольский. Монография открывалась статьей И. П. «Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XVII вв.», и сама ранняя датировка «связей» указывала на включение данных археологии и нумизматики для решения исторических проблем. Специально археологии были посвящены статья Л. С. Клейна и участников его «варяжского» семинара, что было прорывом в советском источниковедении.

В официозной советской историографии принято было огульно отрицать какое-либо воздействие норманнов (варягов) на развитие Руси: такова была установка борьбы с космополитизмом, сформировавшаяся в послевоенные годы; «норманская теория» оставалась главным жупелом для

этой историографии². Итоговой археологической работой считалась по преимуществу «вещеведческая» статья главы московской археологической школы А. В. Арциховского «Археологические данные по варяжскому вопросу», основанная на докладе, прочитанном им на Всемирном конгрессе историков в Риме еще в 1955 г. и переизданная в 1966 г.: учет отдельных категорий скандинавских вещей обнаруживал несущественное воздействие норманнов на развитие материальной культуры Руси³.

Иным был подход в «варяжском» семинаре, руководимом Л. С. Клейном на кафедре археологии ЛГУ: его участники ориентировались на комплексный подход с учетом наработок скандинавских коллег по погребальному обряду. Этот подход выявил значительное присутствие выходцев из Скандинавии на поселениях Древней Руси и способствовал созданию источниковой базы для понимания не только экономических (когда находки интерпретировались как торговые импорты), но и этнокультурных процессов.

Разработки семинара Клейна стали известны в 1960-е гг. и вызвали беспокойство у властей ЛГУ: Л. С. Клейн подробно описал события, связанные с дискуссией по варяжскому вопросу на истфаке конце 1965 г. в книге «Спор о варягах»⁴. Молодые энтузиасты археологи, в последующие более либеральные времена ставшие сотрудниками кафедры археологии ЛГУ и Института археологии⁵, намеревались продемонстрировать свои новые походы к проблеме, партийное руководство должно было дать традиционный отпор новым веяниям, каковой был поручен уже маститому историографу И. П. Шаскольскому. Накануне готовящейся баталии И. П. успел издать книгу

² См. из новых работ: Шнифельман В. А. В погоне за предками: Этногенез и политика. М.; СПб., 2024.

³ При обсуждении моей диссертации, посвященной «погребальному культу языческой Скандинавии» в 1975 г. Арциховский признавал необходимость исследования целых погребальных комплексов, а не отдельных вещей.

⁴ Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументация сторон. СПб., 2009. С. 93–142.

⁵ Изложение начиналось с анализа подходов знаменитого шведского археолога Туле Арне, ныне «реабилитированного» как классика восточноевропейской археологии — см. подготовленное Н. А. Кренке издание его классической работы: Арне Т. Швеция и Восток: Археологические исследования взаимоотношений Швеции и Востока в эпоху викингов / Пер. с франц.; отв. ред. Н. А. Кренке. М., РАН, 2023.

«Норманская теория в современной буржуазной науке», ответственным редактором которой был немало потерпевший от официозных властей специалист по средневековой историографии О. Л. Вайнштейн (М.; Л.: Наука, 1965)⁶. Самый большой раздел книги был посвящен «теории норманской колонизации в работах норманистов-археологов»: существенно, что серьезный анализ построений зарубежных исследователей стал возможен в период «оттепели», когда готовилась эта книга; в менее либеральные времена такое изложение подходило под обвинение в немарксистском «объективизме». Издание оказалось весьма востребованным для формирования новых подходов к «варяжскому вопросу», хотя необходимые для прохождения книги слова о борьбе с норманизмом были сказаны — Л. С. Клейн, признавая, что книга Шаскольского стала «значительным шагом вперед» на фоне застойной советской историографии⁷, поименовал И. П. «стыдливым антинорманистом»⁸, в противовес радикальному антинорманисту А. Г. Кузьмину. Монография И. П. Шаскольского, по свидетельству участников семинара Л. С. Клейна, снабдила исследователей «достаточно полной и четко систематизированной библиографической и историографической разработкой археологических источников по варяжскому вопросу»⁹; в ней были поставлены и методические вопросы этнической атрибуции археологических находок и комплексов, ставшие «предметом активного обсуждения во время дискуссии, состоявшейся 22 декабря 1965 г. на историческом факультете Ленинградского университета»¹⁰.

Нехарактерная для советской историографии открытая дискуссия вызвала ажиотаж, аудитория в ЛГУ была переполнена, А. Г. Кузьмин в позднейшей

⁶ Шаскольский И. П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965.

⁷ Клейн Л. С. Спор о варягах. С. 107.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Сб. статей. Л., 1970, с. 226.

¹⁰ Булкин Вас. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги: новый этап изучения // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. Л., 1987. Вып. 3. С. 14; см. подробнее: Джексон Т. Н., Плимак Е. Г. Некоторые спорные проблемы генезиса русского феодализма (в связи с изучением и публикацией в СССР «Разоблачений дипломатической истории XVIII века» К. Маркса) // История СССР. 1988. № 6. С. 35–57.

реакции на эту дискуссию предположил даже существование скрытой договоренности между дискутантами (впрочем, конспирологические конструкции свойственны радикальным направлениям в «анти норманистской» историографии¹¹). И. П. Шаскольский в своем выступлении, сохранившемся конспект которого опубликовал Клейн¹², отчасти признал достижения зарубежной скандинавистики на уровне «буржуазной» науки, способной обнаружить внешнее воздействие на историческое развитие Руси: ее научные наработки были использованы антисоветской пропагандой. Марксистский подход демонстрирует базовое значение внутренних социально-экономических процессов.

В докладе, написанном для международного симпозиума по «Варяжским проблемам», который должен был состояться в Дании в 1968 г. (международные обстоятельства не позволили осуществить встречу), Шаскольский предложил свое видение перспектив современной полемики по норманнской проблеме. Он отметил значительное расширение археологической источниковой базы в работах советских археологов (в сравнении с данными, которые использовал Арциховский), обнаружение новых комплексов скандинавского происхождения, настаивая на том, что проблему нельзя рассматривать с позиций науки XIX в. (В. Томсен и др.) и для ее продуктивного исследования необходимы усилия специалистов разных специальностей из разных стран¹³.

Продолжением этой исследовательской тенденции стала статья И. П. Шаскольского и М. Б. Свердлова о культурных связях России и Швеции в Средние века: в статье подчеркивается особая интенсивность этих связей в раннесредневековый период и учитываются наработки скандинавских

¹¹ См.: Клейн А. С. Спор о варягах. С. 99. Последователь Кузьмина В. В. Фомин замечает, что в своей марксистской критике норманизма Шаскольский «не без умысла» подменяет термин «варяги» термином «норманны»... (Фомин В. В. Варяги в варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. С. 158).

¹² Клейн А. С. Спор о варягах. С. 102–106.

¹³ Šaskol'skij I.P. Recent developments in the Normanist controversy // Varangian Problems. Scando-Slavica. Supplementum I. Copenhagen: Munksgaard, 1970. P. 21–49.

археологов, в том числе Т. Арне, Х. Арбмана, считавшихся тенденциозными норманистами в официозной историографии¹⁴.

Историками школы Б. Д. Грекова (к которой принадлежал и И. П. Шаскольский) упор делался на изучении внутренних факторов, а потому формирование Древнерусского государства рассматривалось ими как результат многовекового процесса социально-экономического развития восточнославянского общества, протекавшего на огромном пространстве от Ладоги до низовьев Днепра и от Карпат до бассейна Оки и нижней Волги. Как подчеркнул в статье 1978 г. И. П. Шаскольский, совершенно очевидным был тот факт, что радикальные социально-экономические изменения на столь огромной территории не могли быть результатом деятельности отрядов чужеземных пришельцев-завоевателей, даже если бы эти отряды состояли не из сотен, а из тысяч воинов¹⁵.

С именем И. П. Шаскольского связано возрождение исследовательского интереса к культурным связям с древней Скандинавией, поскольку под его редакцией в одном из первых томов знаменитой серии «Древнейшие государства на территории СССР» (ныне — Древнейшие государства Восточной Европы) было издано собрание архивных материалов выдающегося специалиста по древнеисландской литературе Е. А. Рыдзевской¹⁶. Создателем и главным редактором всей серии был коллега (с аспирантских времен) и друг Шаскольского В. Т. Пашуто¹⁷, составителем книги трудов Рыдзевской — М. Б. Свердлов.

Научное творчество И. П. Шаскольского не сводилось к историографии: он был непременным участником Конференций по изучению истории,

¹⁴ Свердлов М. Б., Шаскольский И. П. Культурные связи России и Швеции в IX–XVI вв.// Скандинавский сборник XXX. Таллин, 1986. С. 113–125.

¹⁵ Шаскольский И. П. Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Межвузовский сборник. Л., 1978. С. 48.

¹⁶ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. IX–XIV вв. М., 1978.

¹⁷ «Наследница» В. Т. Пашуто Е. А. Мельникова продолжает эту традицию возрождения классических работ по скандинавистике: под ее редакцией вышла уже в 2021 г. книга датского слависта А. Стендер-Петерсена «Варангика» (см. об этом издании: Петрухин В.Я. Классика филологии в свете историографии начальной Руси: В связи с выходом книги: А. Стендер-Петерсен «Варангика: историко-филологические изыскания» // Славяноведение 1922. № 2. С. 25–38).

экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Конференции отличались живыми и порой ожесточенными дискуссиями по поводу понимания и методов интерпретации источников — исторических, археологических, литературных. На последней в его жизни XII конференции, проходившей в Москве в 1993 г., И. П. небезосновательно отрицал историческую возможность миграции новгородских словен из земель прибалтийских славян. За этой расхожей по сей день теорией, как правило, скрывается традиционное для стереотипного «антинорманизма» стремление объявить западными славянами варягов (вагров) и русь. Другой установкой Шаскольского было утверждение, что «норманнская теория является безусловно научной» и «содержит немало серьезных аргументов в свою пользу»¹⁸. Столь однозначная формулировка вызывает желание продолжить дискуссию, но в продолжении дискуссии и есть смысл развития всякой науки.

Петрухин В. Я., Институт славяноведения РАН

¹⁸ Шаскольский И. П. Славяне и норманны на древнерусской равнине и на берегах Юго-Восточной Прибалтики // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Т. I. М., 1993. С. 98–101.